
LE MESSENGER

ВЕСТНИК

русского христианского
движения

194

Париж – Нью-Йорк – Москва

№ 194

II – 2008

Ответственный редактор

НИКИТА СТРУВЕ

Секретарь редакции

ТАТЬЯНА ВИКТОРОВА

Редакционная коллегия:

прот. Николай Озолин, Н. Струве,
Т. Викторова, Д. Струве (Париж),
О. Раевская-Хьюз (США), Д. Поспеловский (Канада),
еп. Иларион (Алфеев), Е. Барабанов, Е. Дорман,
Ю. Кублановский, Б. Любимов, В. Никитин,
О. Седакова (Москва), К. Сигов (Киев)

*К кончине
Александра Исаевича Солженицына*

НИКИТА СТРУВЕ

Памяти Александра Исаевича
Солженицына

Только смерть – большое торжество.

Анна Ахматова

Мирная, безболезненная, окруженная семейной лаской, кончина А.И. Солженицына благостно завершила исключительную жизнь «великого человека, великого писателя», как многократно величает Солженицына в своем дневнике Лидия Чуковская¹. Уникальность Солженицына – в сращении человека, судьбы и творчества. Прошедший войну со славою, но вознагражденный за подвиги арестом и заключением в лагерях; преодолевший к концу срока смертельную, по свидетельству врачей, раковую опухоль; после нескольких лет безвестности всего лишь двумя повестями стяжавший себе всероссийскую, а затем и мировую славу; несмотря на возобновившуюся травлю (вплоть до попытки убийства в 1971), осмелившийся напечатать на Западе первый узел эпопеи о Революции и книгу века «Архипелаг ГУЛАГ», снова арестованный и затем изгнанный из страны на двадцать лет... – такова судьба Солженицына: семь жизней в одной, которую, как он сам считал, «своими руками не совершить». К нему применимы не образно, а буквально пушкинские слова о поэте-пророке:

Как труп в пустыне я лежал,
И Бога глас ко мне воззвал:
«Восстань, пророк, и виждь, и внемли,

Исполнись волею моей,
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей».

Природа гения – в соединении противоположных даров и призваний. Русский до мозга костей, Солженицын достиг универсальности. Наделенный необычайной силой и волей, истинное призвание человека он видит в подвиге самоограничения, самоуничужения: все его любимые герои отличаются смирением и жертвенностью, а если и начинают с высот, то в согласии на уничтожение обретают свою подлинность и счастье. Сам Солженицын говорил, что высшее состояние духа он испытал, когда умирал от рака, и свет этого счастья сквозь страдание разлит во всем его восприятии жизни, во всех его книгах. В бесчеловечный век Солженицын вернул нам веру в человека, но не в того, который «звучит гордо», а в того, кто сияет смирением, вернул веру в возможность добра, в возможность выхода из самых трагических положений.

Этим летом Солженицын нас покинул. Мир осиротел. Но его благоуханное и вместе с тем предельно плотное, возрожденное русское слово с нами остается. Остаются, подкрепленные мощью слова, закаленного в огне испытаний, его видение и призывы, в частности «жить не по лжи». Этот призыв, как и самоограничение, переходит границы ушедшей советской власти, это не только отказ от лжи в определенных случаях, но и призыв всю свою жизнь строить в истине и в правде и тем самым обрести подлинную сущность бытия.

Солженицын был дан Провидением не только России, чтобы она снова уверовала в себя, но и всему миру, чтобы он верил в достоинство и божественное призвание человека.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Выдержки из ее дневника, касающиеся А. Солженицына (с 1962-го по 1996 г.), напечатаны в № 9 «Нового мира» за 2008 г. (под заглавием «Счастливая духовная встреча», стр. 70–138).

ОЛЬГА СЕДАКОВА

Солженицын для будущего

Несомненно, Солженицын — в будущем. Прежде всего потому, что все большие авторы и все значительные мысли — в будущем. Это утверждение не так оптимистично, как может показаться. Оно предполагает: в настоящем — в нашем общем настоящем — их еще нет, их по-настоящему не прочли и не услышали. Странно складывается история: в течение тысячелетий люди написали и сказали больше, чем прочли и услышали. Однажды в венской гостинице со мной заговорил портье, который сидел на своем рабочем месте, выдавая и принимая ключи постояльцев, и читал «Повести» Льва Толстого (в немецком переводе, разумеется). Он сказал: «Когда Россия прочтет Толстого, все будет иначе». Среди повестей, которые читал портье, был «Хаджи Мурат», а время было — чеченская война. Сколько раз в самых разных местах я слышала — и сама говорила — что-то похожее, вспоминая при этом разные имена: «Когда прочтут Пушкина...» Наравне с будущим временем здесь употребимо сослагательное наклонение: «Если бы прочли...» Да, конечно: «Если бы Россия прочла Солженицына, все было бы иначе».

Но что в этом случае значит: «Россия прочтет» или «Если бы Россия прочла»? Мы привыкли думать, что писатель в России обладает такой значительностью, как, может быть, нигде больше (во всяком случае, в новые времена), что литературе («святой русской литературе», как назвал ее Томас Манн) принадлежит совершенно особое место в нашей общественной жизни. Этот «литературоцентризм» русской культуры, совершенно очевидный, то положение, при котором писателю приходится брать на себя задачу морального учителя, историка, философа, религиозного мыслителя, даже политика и практического деятеля, в недавние времена многие пытались обличить и преодолеть¹. Но стоит задуматься вот о чем. Итальянцы говорят, что роман А. Манцони «Обрученные» сделал для объединения Италии больше, чем все политические движения этого времени. Англичане знают, что после

романов Ч. Диккенса многие вещи исправились в английской социальности (приюты, обращение с детьми и т.п.). Можем ли мы сказать, что «Бедная Лиза» Карамзина хоть немного ускорила отмену крепостного права? (А это и был бы случай Диккенса!) Или что после романов Толстого и Достоевского, которые поражают читателя во всем мире глубиной и страстностью своей человечности, российская жизнь (я имею в виду практическую социальную жизнь) хоть в чем-то стала гуманнее и светлее? Как понять это странное положение: глубокая, гуманная, мудрая словесность — и социальная жизнь, в которой достоинство человека унижено больше, чем это допустимо в самой «средней» европейской стране? Я думаю, дело в том, что те в России, кто действительно читали и прочли Толстого, Достоевского, Пушкина, Солженицына, никогда не могли оказать никакого практического воздействия на ход событий в стране. Власть же, от которой у нас зависит все, никогда ничего этого не читала (в том смысле, что не принимала всерьез) и ничего общего не имела с великой словесностью собственной страны.

Так что будущее время или сослагательное наклонение в той фразе, с которой я начала: «Когда Россия прочтет Солженицына» или «Если бы Россия прочла Солженицына», означает по существу такую глубочайшую перемену нашего положения, при которой читатели Солженицына смогут влиять на практические решения — или же: при которой те, кто эти решения принимают, окажутся читателями Солженицына. Самый простой пример: если бы Солженицын был в России к настоящему времени прочитан, просто невозможно было бы наваждение всех этих мутных восторгов по поводу сталинского «эффективного менеджмента», которые раздаются теперь отовсюду и даже вводятся в школьные учебники, невозможно было бы продолжать безумное взвешивание: «с одной стороны» — «с другой стороны». С одной стороны — ГУЛАГ, с другой — ... Что это за существо, которое может думать в таком случае о «другой стороне»?

Будем надеяться, что это существо еще не прочло Солженицына и у него все в будущем.

Что говорит Солженицын своему будущему читателю? Начнем с того, что он сказал нам, его читателям советских времен, жизнь которых (во всяком случае, «внутренняя

жизнь»²⁾ от этого чтения переменилась. Во-первых, как ни странно это покажется, он сказал нам слово надежды и ободрения. «Стало видно далеко вокруг». Многие читатели этих запрещенных машинописных копий или зарубежных томиков (и я среди них) только из них впервые узнавали о размахе того нечеловеческого зла, о котором повествует Солженицын. Но этим новым знанием, которое могло бы убить неготового человека, сообщение Солженицына никак не исчерпывалось. Оно говорило — своим существованием, своим ритмом рассказа — другое: оно давало нам со всей очевидностью пережить, что даже такое зло, во всем своем всеоружии, не всесильно! Вот что поражало больше всего. Один человек — и вся эта почти космическая машина лжи, тупости, жестокости, уничтожения, заметания всех следов. Вот это поединок. Такое бывает раз в тысячу лет. И в каждой фразе мы слышали, на чьей стороне победа. Победа не триумфаторская, какие только и знал этот режим, — я бы сказала: пасхальная победа, прошедшая через смерть к воскресению. В повествовании «Архипелага» воскресали люди, превращенные в лагерную пыль, воскресала страна, воскресала правда, как будто похороненная на наших широтах навсегда, воскресал человек — благополучный «винтик» этой машины, прошедший «путем зерна», воскресший в страдании и гибели. Христианская компонента Солженицына, на мой взгляд, состоит именно в этом — редчайшем и среди глубоко верующих людей — знании силы воскресения, его «непобедимой победы». Про кротость все помнят, про смирение все говорят, про милосердие, думаю, многие скажут больше, чем Солженицын, о чистоте тоже — но эту взрывающую мирозданье силу воскресения никто, вероятно, так передать не мог. Воскресение правды в человеке — и правды о человеке — из полной невозможности того, чтобы это случилось. Когда говорят о пророческом начале Солженицына, чаще всего имеют в виду обличение неправды и зла настоящего положения дел, которые во всем своем размахе и во всей своей непозволительности видны только с неба, как это было у библейских пророков. Но главная весть пророков все же не в этом: эта весть состоит в прямой демонстрации невероятной и непобедимой силы, которая нас, *вопреки всему*, не оставила и не оставит.

В этом — так я думаю — главное сообщение Солженицына для будущего. О другом можно еще долго думать. Мысли, предложения, отдельные позиции Солженицына-художника, Солженицына-историка, Солженицына — государственного мыслителя можно еще долго обсуждать, спорить с ними или соглашаться. Но это сообщение или, лучше, это невероятное событие «непобедимой победы» всегда будет укреплять человека — и не только в России, о которой он больше всего думал: как вся «святая русская литература», Солженицын говорит со всем миром.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Признаюсь: не понимаю зачем. Как будто освобождаться требовалось не от того, что в нашей истории страшно, а от самого лучшего в ней, от того, что, может быть, оправдывает само существование нашей страны.

² Чтобы переменилась не только внутренняя, но и внешняя жизнь, требовалось необычайное мужество, которым мало кто обладал.

Юрий Кублановский

Воспоминание о Вермонте

Отрещусь и слышу:
листья, осыпаясь, шуршат о крышу,

вижу в сером своём окне
разнонаправленный их полёт, зане

потоки воздуха не пускают лететь отвесно.
Всё окрест становится бестелесно.

В Штатах с их наивным прозелитизмом
уступает нашей своим лиризмом

осень — правда держит на ветках крону
дольше, но и грубей по тону.

Там не те оттенки, не то движенье,
не настолько жертвенно поражение.

...Скоро четверть века, как я в Вермонте
гостевал, что кенарь на русском фронте,

и бродил в туманце по мёрзлым тропам,
а с борозд вороны срывались скопом.

Возле дома, глядя на лес окрестный,
золотистый, но и немного пресный,

на него мне сетовал тот, чьё слово —
колос, а у других — полова.

2007

НИКИТА СТРУВЕ

Мои первые встречи с Солженицыным (февраль – март 1974)*

<...> В Цюрих, по приглашению Солженицына, позвонившего мне в первый же день высылки, я прилетел 14 февраля к прибытию поезда из Франкфурта... На вокзале предпочел затеряться в толпе поклонников, журналистов, любопытных. Платформа была запружена, гудела от ожидания. Огромные телевизионные камеры возвышались над головами. Поезд подошел необычайно праздничный, из всех окон высовывались пассажиры, кто с цветами, кто аплодировал. Сначала я увидел лицо А.И. в окне, сразу же бросилась в глаза значительность взгляда, всего массивного облика, лучезарность, сияние славы. На платформе произошла давка, я решил не выдвигаться, переживать торжество России среди всех и в машину, увезшую А.И., не влез, а поехал отдельно с сыном адвоката чуть позже. Все думал, как произойдет встреча в формальном смысле. Мне казалось – просто поздороваться нельзя, что нужно как-то поклониться, как перед епископом, ибо А.И. – наше все, то есть вся Россия, вдруг восторжествовавшая и поднявшаяся над собственным злом. Войдя в квартиру Хееба¹, я хотел было притронуться рукой к земле, но не успел, А.И. стремительно встал, подошел ко мне и обнял... И сразу полился разговор, рассказ об аресте, о дне, проведенном в тюрьме, высылке, – все это описано в «Теленке». Чувство избавления – «в мои года я бы уже не выдержал долгого сидения в камере», сожаление, что не ссылка, хоть бы в глубь Сибири, сознание относительной, но все же реальной победы над властью... Помимо нас троих, членов заграничного «опорного треугольника» Лизы Маркштейн², Хееба и

* Запись об этих встречах была набросана в начале 1980-х годов. Печатается почти без изменений.

меня, в комнате толпились швейцарские издатели, только что выпущенный немецкий перевод уже достиг чуть не ли миллионного тиража, разостлали на полу какую-то огромную карту ГУЛАГа, по которой А.И. с азартом ползал... Не замолкали звонки в телефон, в дверь, дом был со всех сторон окружен журналистами и телевизионщиками, которые наставляли дальнобойные объективы прямо в окна. Кажется, в этот первый день пытался проникнуть в дом Анатолий Кузнецов³, какому-то смельчаку удалось приволоочь гипсовую фигуру А.И., им тут же слепленную...

Напряженность А.И. все усиливалась, он даже как-то сказал: «Боюсь, что я схожу с ума». Я предложил переменить место и тихо устроиться на укрытом от взглядов углу террасы. Разговор надломился, перешел на ряд деловых вопросов, А.И. быстро успокоился и отошел. День клонился к сумер-

кам, необычно тёплое февральское солнце уже заходило... Вечера этого дня не помню, так ярко запечатлелось в памяти его начало: вокзальное торжество – история! – величественность облика и непринужденность общения.

На следующий день первый визит был в банк, но не для проверки счетов или там денежного состояния, как полагали журналисты, а для обнаружения пересланных из России рукописей. Хотя мы и выехали из дому на автомобиле, но потерять толпу журналистов и фотографов не удалось. Они изворотливо выезжали на машинах, переграждали путь, высказывались одновременно с нами и забегали вперед. Быстрыми шагами шел А.И. по бесконечным коридорам и подвалам огромного банка к шкафу, где хранились рукописи. Первой он вынул уже проявленную пленку «Жить не по лжи», её по договоренности должна была обнародовать в Москве Наталья Дмитриевна, как затаенную бомбу, а мне предстояло её увозить в Париж для печатания в «Вестнике» и перевода на французский язык. А.И. ужаснулся бледности копии (так бывало часто с рукописями из СССР, плёнки, как правило, были недодержаны) и стал сокрушаться, в каких условиях нам здесь, на Западе, приходилось работать. Сам тщательно обвел пером все нечёткие буквы и вручил мне рукопись... На следующий день он узнал по радио, что Наталья Дмитриевна запустила «Жить не по лжи» в Москве: «Молодец жена, – сказал он, – ничего не боится, действует как надо». Пребывание в банке продлилось неестественно долго, к удивлению журналистов... Если не ошибаюсь, в то же утро, все в том же быстром темпе, мы обегали несколько цюриховских кварталов, купили два радио, одно маленькое портативное для поездок, другое большое для более тщательного слушания русских западных радиостанций. С портативным А.И. не расставался и включал регулярно в положенные часы, где бы ни находился. По улицам он не ходил, а бегал, дотрагиваясь рукой до веток деревьев, как бы желая увериться в реальности мира...

После обеда решили идти в кинематограф смотреть «Первый круг», вчетвером, с женой и сыном Хееба. На этот раз вышли пешком, сопровождаемые сворой журналистов с микрофонами на шестах. На все вопросы А.И. отшучивался или не отвечал совсем, все они были нелепо банальными: «Кого из западных писателей Вы предпочитаете» и т.п., а

А.И. мне полупшепотом: «Не говорить же им, что я почти никого не читал». По дороге удивлялся манерам милиционеров, регулирующих движение, «куда более мягким, чем у нас, где все ожесточилось». Из трамвая, куда с нами вперлись и журналисты с камерой, А.И. впервые в жизни увидел автомобиль с открывающейся крышей: и из него торчали телевизионщики. Узнав их в лицо, мы их окрестили «рецидивистами».

В кинематографе было тише, журналистов отогнали. Фильм был неважный. Бледноватый, бедный в средствах, но, тем не менее, доставил А.И. некоторое удовлетворение: из тюрьмы, да на фильм, снятый по его произведению! Особо одобрил типаж гебешников, «совсем не плохо».

Из посещений в самом Цюрихе самым памятным было восхождение к дому Ленина. До этого все отгоняли телевизионщиков, а тут как на зло их не было, в такой момент! Солженицын смотрит на дом Ленина, откуда тот вернулся в Россию зажигать революцию, хотелось, чтобы это было запечатлено на плёнке. С трудом отыскивали одну из американских телевизионных команд (они все в этот вечер шлялись по улицам), но прошла ли эта историческая встреча на экранах, мы так и не узнали. А.И. придавал ей символическое значение: поединок углублялся, не только с советской системой, но и с самим родоначальником системы, что потом проявится в очерке «Ленин в Цюрихе».

Не миновать было официальной программы. Бургомистр Цюриха, с которым впоследствии А.И. подружился семьями, устроил поездку через горы в городок Айнзидельн. Заезд в горы имел целью поиски дома и оптимальных условий для дальнейшей работы. На продолговатом хребте с широким видом, но, как всегда в Швейцарии, без полного уединения, стояло бургомистрское шале, совсем непритязательное. В нем, уезжая от цюриховской толкотни и тесноты, А.И. уединялся потом много раз для работы. Нас и тут преследовали журналисты, но мы не без веселия примеривались к разным домам для жилья всей семье. Утро было чудесное, солнечное, снег еще лежал пятнами. В урочные часы А.И. останавливался как вкопанный и начинал слушать радио: огорчился, что в очередной сводке ничего о развитии его дела не было сказано... Из гор спустились в живописный

Айнзидельн на официальный завтрак с многочисленной семьей бургомистра и разными должностными лицами. Подъехали к ратуше, автомобиль бургомистра остановился на общественной парковке, бургомистр, как рядовой гражданин, вложил монетку в аппарат. Эта деталь демократического быта не ускользнула от А.И. и поразила его.

Официальный завтрак был томителен, задавались все те же пустые и банальные вопросы. Посередине его А.И. с некоторой грустью взглянул на меня (я сидел невдалеке, но не рядом, так что переговариваться мы не могли) со вздохом, когда же все это кончится... В ратуше толпились телевизионщики и журналисты, то и дело врвались в залу, ожидая каких-то сообщений. Мы с Хеебом попеременно к ним выходили, старались их уговорить... Конец обеда был подогнан так, чтобы нам попасть в четыре часа на вечерню в старинном бенедиктинском аббатстве, стоящем напротив ратуши. Пробраться сквозь толпу было нелегко. Мы поднялись на хоры. Монахи чинно, торжественно выходили на службу длинной процессией, затем пропели вечерню григорианским распевом. Находиться рядом с А.И. неожиданно, здесь, в Европе, в церкви, на богослужении, вне суеты и «злости дня» было верхом духовного напряжения в плане личном и общественном. Какая-то таинственная встреча между зеком-пророком, олицетворяющим раздавленную, но пробуждающуюся Россию, с несколько замороженным, но цельным Западом в его высоком проявлении. А.И. был весь внимание. Когда служба кончилась, заметил: «А у них служба какая-то более холодная, чем у нас». Далее мы осматривали монастырь, при нем школу, А.И. поражала непрерывность истории, хотя во время французской революции монастырь все же был на несколько лет закрыт... Выехали мы задними воротами, в надежде опередить журналистов, которые так и гнались за нами до самого Цюриха.

Вечером, за ужином у Хееба, А.И. был очень оживлен, рассказал какую-то «крохотку», забытую мною теперь, и даже задушевен. Был день моего рождения, мы пили, и А.И. спросил: «А вы не пожалели, что задержались на лишний день с этой поездкой в горы?» Эту черту — самому не терять времени, но и забота, чтобы и другие тоже его попусту не теряли, — я потом наблюдал не раз. После ужина он взял меня

к себе в малую комнату. Прилегал отдохнуть, и мы стали тихо беседовать. Я дал ему прочесть гранки передовицы в «Вестнике» о ГУЛАГе, он одобрил, но удивился, что я знаю о его разговоре с Ахматовой⁴. Рассказал мне о своих издательских планах (Телёнок, Стремя Тихого Дона⁵). Стал мечтателен: «Вот таким же сереньким деньком я вижу свое возвращение в Москву, да и Вы попадете в Россию...»

Вернувшись из Норвегии, где от поселения отказался, А.И. стал мне писать чуть ли не каждый день по письму или открытке («как еще никому не писал»). Я ему сообщил, что его французские издатели желают ему лично преподнести альбом, который мы издали по его просьбе к выходу «Архипелага». Мысль заключалась в том, что чем больше будет публикаций, фотографий, всякого шума, тем легче будет предотвратить репрессии. А.И. нехотя согласился принять издателей «ради того, чтобы еще раз Вас повидать». Издателям, Павлу Фламану, директору издательства Сой⁶, и его помощнику Клоду Дюрану, он обещал дать «четверть часа», но посвятил им в итоге целых полтора, раскрыв им все свои дальнобойные издательские и писательские планы и связав их напрочно с собой (на что они совсем не рассчитывали). Это было для него характерным: раз дается доверие, то целиком (тут помогла и моя личная дружба с издателями). Принимал он их в конторе Хееба.

Затем он увел меня к себе, в нанятый им не слишком казистый для писателя с большой семьей дом. Всюду были разложены многие сотни писем, полученных за эти дни. Организационное начало работало у А.И. безотказно... Разговоров почти не помню, главным образом обсуждались издательские дела (я привез гранки второго тома «Архипа»). А.И. походя сварганил для нас двух легких обед — бульон из кубиков, курицу. В тот день впервые я увидел у него чеха, которому А.И. опрометчиво доверился. Потом выяснилось, что он был к нему подослан спецслужбами. Пропадая с ним на первом этаже, он дал мне послушать запись «Прусских ночей» в его чтении с целью издать пластинку в Швейцарии. Полагаясь на успех «Архипа», мы решили, что тираж ее будет 20 000. Потом он сетовал, что его первый самостоятельный хозяйственный шаг за границей оказался неудачей, пластинка расходилась крайне медленно...

Третьей встречей, через две или три недели, уже суждено было быть семейной...

А зачем встреч уже не счастье...

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Фритц Хееб, адвокат А.И., взятый по совету Е. Маркштейн в 1970 г.

² Елизавета Маркштейн, родом из Австрии, дочь руководителя австрийской компартии, детство и молодость провела в Москве. Вполне разочаровавшись в коммунизме, познакомилась с А.И. и смело ему помогала в тайных связях с Западом.

³ Анатолий Васильевич Кузнецов (1929, Киев –1979, Лондон), писатель; в 1969 г., воспользовавшись поездкой в Лондон, остался на Западе; наиболее значительное произведение – роман «Бабий Яр».

⁴ При встрече со мной в Париже в 1965 г. Ахматова рассказала, как Солженицын приходил к ней и читал ей из своей длинной-предлинной поэмы («Дороженька»), она ему сказала: «Пишите прозой, в прозе Вы неуязвимы».

⁵ «Стремя Тихого Дона» – исследование Ирины Николаевны Медведевой-Томашевской, ставившее под сомнение авторство Шолохова (издано в «ИМКА-Пресс» в 1974 г., с предисловием Солженицына).

⁶ Издательство Seuil было в те годы одним из самых просвещенных и идейных в Париже, с католической либеральной, открытой ориентацией. Клод Дюран был тогда еще молодым сотрудником, но ему было скоро поручено быть представителем солженицынского творчества во всем внероссийском мире.

Из переписки прот. Александра Шмемана и Н.А. Струве

11 января 1974

Дорогой Никита

...Все вспоминаю парижские дни, озаренные на этот раз «эпифанией» потрясающей книги¹. Возможно, я рехнулся, но я пришел к выводу, что такой широты ума и сердца и подхода к жизни у нас не было с Пушкина (!). Причем надо принять во внимание, в какой жизни и в каких условиях А.И. должен подходить к ней. Другой признак того, что я рехнулся, усматриваю в том, что не могу вынести ни одного слова критики по отношению к нему — сразу впадаю в бешенство, хотя бы и затаенное. Бешенство от внутренней нечестности, фальши, неспособности внутренне склониться перед высшим...

* * *

Цюрих, 16.02.1974

Дорогой отец Александр,

Всего несколько слов, чтобы поделиться с Вами первым (после жены, по телефону) той фантастикой, которую сейчас переживаю в трехдневном общении с А.И., после стольких лет тайного сотрудничества и засекреченной переписки — настолько, что он продолжает меня называть прежним подпольным именем.

Впечатление, как Вы можете себе представить, ошеломляющее. Он как огонь, в вечной мысли, внимании, устремлении, при невероятной доброте, ласковости и простоте. Не было у меня в жизни встречи более простой, чем с ним... Он сначала мне позвонил из Франкфурта, и телефон меня смутил: я как-то не мог склеить голос, образ и книги. Много говорил о Вас: он уже слышал Вашу радиопередачу о «ГУЛАГе» и выделил пункт, где Вы говорите о художественном исследовании. Вообще сказал: «Удивительно, выросли врозь. А вот как мы с о. Александром и с Вами единомысленны». А прощаясь: «Отец А.— он мне родной....»

Бодр он удивительно, не унывает и не собирается унывать. Страны еще не выбрал: колеблется между Швейцарией и Норвегией (других вариантов и не обдумывает).

То, что вы мне писали в прошлом письме, совершенно подтверждается. Такого человека в русской литературе не было: он и не Пушкин (и не может быть такой надмирной гармонии), он и не Достоевский (нет той философско-космической глубины — в подвалы человека и вверх ко Христу); он — Солженицын, нечто новое и огромное, призванное произвести какой-то всемирный *кафарсис*, очищение истории и человеческого сознания от всевозможных миазмов.

Видите, как и вы, я помешался, и будемте и впредь с Вами двумя такими сумасшедшими.

Крепко обнимаю

Никита Струве

P.S. Ум невероятный: он все заранее понимает, даже то, чего ему еще не сказали. Вернувшись, целых два часа пробо-вал Вам звонить, но что-то произошло с линией — ничего не получилось.

* * *

Суббота 23 февраля 1974 г.

Дорогой Никита!

Спасибо за Ваше письмо — за то, главное, что написали сразу, можно сказать — из самой глубины общения. Все, что Вы пишете, меня бесконечно радует и успокаивает. Признаюсь, мне немножко страшно было за «него». Запад — это такая скользкая штука, и ориентироваться в нем и даже просто свободным быть труднее, боюсь, чем в России. Но все то, что Вы пишете, да что и я, в сущности, подсознательно знал: об *исключительности* С. и, следовательно, присущем ему шестом чувстве, как и что делать, — все это снимает страх.

Главное мое чувство все эти дни: «егоже не бе достоин весь мир». Как бы ни был силен человек, как бы ни был он исключителен, т.е. такой человек, есть в нем и какая-то высшая незащищенность, уязвимость — со стороны не врагов, а того уровня, того ужасающего уровня, на котором живут люди. Я еще ждал Вашего письма и вообще контакта с Вами и, через Вас, — с ним; потому сам стал в этом пункте болезнен-

но уязвимым. По тому мерилу, которое он собой являет, мне все кажется маленьким, не заслуживающим внимания и, главное, — закрытым тому «явлению», которое должно было бы служить исходной точкой переоценки, углубления, некоего нового *sursum corda*².

Но люди на минуту почтительно снимают шляпу, «отдают должное» и переходят к текущим делам, текущим главным образом потому, что в них решительно ничего не заслуживает того, чтобы не утекать в серое небытие. Если он, как я это остро и ясно ощущаю, *послан* к нам, то мне все время хочется, чтобы люди это почувствовали, осознали и поняли, что *для них* означает это посланничество, как *к ним* обращено это творчество, это явление. А они самодовольно хвалят С. за то, что он, слава Богу, думает, как они, и говорит все то, что и они бы не хуже сказали, будь у них время и охота.

Вот я и вопию *urbi et orbi*³ (в одной Калифорнии 7 докладов!), стараясь привлечь внимание к главному, к *явлению*, к тому, что С. означает на самой глубине нашей культуры, к его и диагнозу, и призыву, и, главное, к тому, что прежде всего нужно ему *обрадоваться* (в смысле «великий еси, Господи, и чудны дела Твоя...»), как радуешься солнечному утру после поганой ночи. А так как при этом приходится заниматься тысячами других дел, то Вы сами понимаете, как бесконечно трудно и внешне, и внутренне. Живешь одним, полон одним, радуешься одному — а думать нужно другое, и люди рвут на части. Вот почему мне так хочется вырваться, удрать, хотя бы на полчаса прикоснуться, как Елисей, к «милоти» Или и снова зарядиться. Но сие, я верю, будет, когда Богу будет угодно.

«Радио Свобода» заказала мне около двадцати скриптов о «ГУЛАГе». Пока что написал и наговорил о «художественном исследовании», о смысле (по-моему — удивительном) доминирующего тона этой книги — *иронии* (вскрывающей, в первый раз, и в этом — «художество», трагическую «смехотворность» советской власти), о действительно беспрецедентной новизне сов. власти как власти — в первый раз — не имеющей и не могущей иметь никакой *цели*, кроме самой себя как *власти*, и потому неизбежно долженствующей истреблять не только врагов, но и «друзей» — ибо дружба ее — это те, кто продолжает думать и верить, что у нее есть «цель», и по-

тому особенно для нее опасны; о *страхе* как единственном и закономерном методе властвования такой власти; об «архипелаге» как ее, потому, совершенно нормальном способе и выявлении.

Работая, т.е. перечитывая и вдумываясь, вслушиваясь, снова и снова поражаюсь удивительной творческой удаче и глубине этой книги.

Расписался. И не потому, конечно, что хочу Вас «просвещать», а чтобы вырваться из суеты и немного побыть с Вами вместе в том, что и Вас и меня так радует, так вдохновляет...

* * *

1 мая 1974 г.

Христос Воскресе!

Дорогой Никита!

Давно не писал Вам, но Великий пост и Страстная буквально сбили меня с ног. Кроме Семинарии и всех, связанных с нею, забот и поездок, кроме Церкви и ее груза на моих плечах, у нас вырос настоящий и большой приход *de facto*, и теперь все больше и больше времени уходит на чужие личные дела. Отсюда — «изнемогах» и считаю дни и часы до конца года (18 мая). Списавшись с А.И., еду к нему, если Бог даст и все будет по плану, 27 мая — с тем, чтобы пробыть в Цюрихе до пятницы 31 (А.И. в своем пасхальном послании настаивает на 2 полных сутках). Радуюсь и тревожусь: «каково будет целование сие...» Из его письма не ясно — но я *take for granted*⁴, что остановлюсь в отеле, ибо дом его переполнен. Сделал резервацию⁵. В пятницу днем приеду в Париж и войду, конечно, в контакт с Вами.

Со съездом, надеюсь, все ОК. В Париже пробуду, если все будет благополучно, до 11 июня, так что успеем все обговорить.

Тут, в N.Y., конечно, ключом бьет полемика «сахаровцев» и «солженицынцев» с количественным превосходством, увы, «сахаровцев» (Литвинов, Чалидзе, Миша⁶ и многие другие). У многих это выход давнишнему желанию «востать» на Солженицына; у других — действительное, искреннее непонимание. Я очень внимательно проштудировал письмо Сахарова⁷. Все это вечная борьба «левитства» и

«пророчества». Сахаров — левит от всего нашего рационального establishment'a, всех его идей и умственных установок, всей его веры. Его «правда» доступнее, привычнее. Она по принципу «Александр Мак. великий человек, но зачем же стулья ломать?». Невыгодность положения Солженицына — но в этом крест и трагедия всякого пророчества — что он требует поворота шеи: посмотреть в другую сторону, по-другому, в другой перспективе. А этого люди никогда не хотят.

С «левитами» невозможно спорить, потому что и слова, и метод, и цифры — все их, все на их стороне. Поэтому пророка нужно «избивать», а в пределе — распять. Тогда он оказывается прав. Будет ли отвечать А.И. Сахарову?...

Так или иначе... Бог даст — до скорого свидания, чему бесконечно радуюсь. Жду.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Имеется в виду выход первого тома «Архипелага ГУЛАГ».

² «горе имеем сердца» (*лат.*).

³ «городу и миру» (*лат.*).

⁴ Считаю само собой разумеющимся (*англ.*).

⁵ Встреча состоялась в горах, в Штернберге, а затем в Цюрихе (см. запись о ней в «Дневнике» о. Александра).

⁶ Павел Литвинов — физик, диссидент, политзаключенный, эмигрировал в США в 1974 г.; Валерий Чалидзе — математик, диссидент, эмигрировал в США в 1972 г.; Миша — Михаил Меерсон-Аксенов, эмигрировал в 1972 г., стал священником в США.

⁷ Имеется в виду статья А.Д. Сахарова «О письме Александра Солженицына "Вождем Советского Союза"» (3 апреля 1974 г.).

БОГОСЛОВИЕ И ФИЛОСОФИЯ

ГЕОРГИЙ ФЕДОТОВ

Перевод Псалтири (Псалмы 128–141)*

Псалом 128

Песнь восхождения

1. Много теснили меня от юности моей, —
так скажет Израиль —
2. Много теснили меня от юности моей,
но не одолели меня.
3. На хребте моем пахали грешники,
боронили беззаконие свое.
4. Праведен Господь!
Он рассек выи грешников.
5. Да посрамятся и обратятся вспять
все ненавидящие Сион.
6. Да будут как трава на кровлях:
прежде, нежели выполют ее, засохнет.
7. Не наполнит ею руки своей жнец,
и горсти своей собиратель снопов.
8. И не скажут проходящие мимо:
Благословение Господне на вас, благословляем вас
во имя Господне.

* Продолжение. См. «Вестник РХД» № 183–186, 188–193.

Псалом 129

Песнь восхождения

1. Из глубины взываю к Тебе, Господи;
2. Господи, услыши голос мой.
Да внемлют уши твои
воплю моления моего.
3. Если на беззакония взираешь, Господи, Господи,
кто устоит?
4. Но у Тебя очищение.
5. На Тебя, Господи, уповаю,
уповает душа моя на слово Твое.
6. Надеется душа моя на Господа
от стражи утренней до ночи.
7. От стражи утренней да уповает Израиль на Господа,
ибо у Господа милость и великое избавление.
8. Он избавит Израиля от всех беззаконий его.

Псалом 130

Песнь восхождения. Давида

1. Господи, не превозносилось сердце мое,
не надмевались очи мои;
не стремился я к великому, к недоступному
для меня.
2. Не смирял ли я, не успокаивал ли душу мою?
Как дитя, отнятое от груди матери, душа моя.
3. Да уповает Израиль на Господа
отныне и до века.

Псалом 131

Песнь восхождения

1. Вспомяни, Господи, Давида
и все сокрушение его.
2. Как он клялся Господу,
обещался Богу Иаковлеву:
3. Не войду в шатер дома моего,
не взойду на постель мою,

4. Не дам сна очам моим
и веждам моим покоя,
5. Доколе не найду места Господу,
обители Богу Иаковлеву.
6. Вот мы слышали о нем в Ефрафе,
нашли его на полях Иарима.
7. Войдем в селения Его,
поклонимся месту, где стояли стопы Его.
8. Стань, Господь, на место покоя Твоего,
Ты и ковчег святыни Твоей.
9. Священники Твои облечутся правдой,
и святые Твои возрадуются.
10. Ради Давида, раба Твоего,
не отвори лица от помазанника Твоего.
11. Клялся Господь Давиду истиной и не отречется
от нее:
«От плода чрева твоего посажу на престоле твоём,
12. Если сохранят сыны твои завет Мой и откровения
Мои,
которым научу их, и сыны их навеки воссядут на
престоле твоём».
13. Ибо избрал Господь Сион;
отделил его в обитель Свою.
14. «Здесь покой Мой во веки веков,
здесь вселюсь, ибо Я возлюбил его.
15. Пищу его благословлю;
нищих его насыщу хлебом,
16. Священников его облеку спасением,
и святые его радостью возрадуются.
17. Там возвращу Я рог Давиду,
поставлю светильник помазаннику Моему.
18. Врагов его покрою стыдом;
на нем же воссияет венец его».

Псалом 132

Песнь восхождения. Давида

1. Что прекраснее,
что любезнее братьев, живущих вместе?

2. Словно миро во главе,
стекающее на браду, браду Ааронову, на края
одежды его.
3. Словно Ермонская роса, сходящая на горы Сионские;
ибо там заповедал Господь благословение и жизнь вовеки.

Псалом 133

Песнь восхождения

1. Благословите Господа ныне, все рабы Господни,
стоящие в доме Господнем, во дворах Бога нашего.
2. По ночам воздевайте руки ваши ко храму,
благословляйте Господа.
3. Благословит тебя Господь с Сиона,
сотворивший небо и землю.

Псалом 134

Алмлуия

1. Хвалите имя Господне,
хвалите, рабы Господни,
2. Стоящие в доме Господнем,
во дворах Бога нашего.
3. Хвалите Господа, ибо благ Господь;
пойте имя Его, сладостно оно.
4. Ибо Иакова избрал себе Господь,
Израиля в наследие Себе.
5. Познал я, как велик Господь,
над всеми богами Господь наш.
6. Все, чего хочет Господь, Он творит на небесах и на
земле,
в морях и в безднах.
7. Поднимает облака от края земли,
шлет молнии в дождь, выпускает ветры из тайников
Своих.
8. Первенцев египетских Он поразил
от человека до скота.
9. Послал знамения и чудеса посреди тебя, о Египет,
на фараона и на рабов его.

10. Много народов поразил Он,
убил царей сильных.
11. Сигона, царя Аморейского, и Ога, царя Васанского,
и все царства Ханаанские.
12. И дал землю их в наследие,
в наследие Израилю, народу Своему.
13. Господи, имя Твое вовек,
память Твоя в род и род.
14. Господь даст суд людям Своим,
над рабами Своими умиосердится.
15. Идолы язычников – серебро и золото,
дело рук человеческих.
16. Есть уста, но немоютствуют,
очи есть, но не видят.
17. Уши есть, но не слышат;
и нет дыхания в устах их.
18. Им подобны да будут все,
творящие кумиров и уповающие на них.
19. Дом Израилев, благословите Господа! Дом Ааронов,
благословите Господа!
Дом Левиин, благословите Господа!
20. Боящиеся Господа,
благословите Господа!
21. Благословен Господь от Сиона,
живущий в Иерусалиме. Аллилуия!

Псалом 135

1. Славьте Господа, ибо благ,
ибо милость Его вовек.
2. Славьте Бога богов,
ибо милость Его вовек.
3. Славьте Владыку владык,
ибо милость Его вовек.
4. Он один сотворил чудеса великие,
ибо милость Его вовек.
5. Сотворил небеса премудростью,
ибо милость Его вовек.
6. Утвердил землю на водах,
ибо милость Его вовек.

7. Сотворил светила великие,
ибо милость Его вовек.
8. Солнце правит днем,
ибо милость Его вовек.
9. Луну и звезды правит ночью,
ибо милость Его вовек.
10. Поразил Египет с первенцами его,
ибо милость Его вовек.
11. Вывел Израиля из среды его,
ибо милость Его вовек.
12. Рукою крепкою, мышцею сильною,
ибо милость Его вовек.
13. Разделил надвое море Чермное,
ибо милость Его вовек.
14. Провел Израиля посреди его,
ибо милость Его вовек.
15. Низверг фараона с воинством его в море Чермное,
ибо милость Его вовек.
16. Провел сквозь пустыню народ Свой,
ибо милость Его вовек.
17. Поразил царей великих,
ибо милость Его вовек.
18. Убил царей сильных,
ибо милость Его вовек.
19. Сигона, царя Аморейского,
ибо милость Его вовек.
20. Она, царя Васанского,
ибо милость Его вовек.
21. Отдал землю их в наследие,
ибо милость Его вовек,
22. В наследие Израилю рабу Своему,
ибо милость Его вовек.
23. В унижении нашем вспомнил о нас Господь,
ибо милость Его вовек,
24. И избавил нас от врагов наших,
ибо милость Его вовек.
25. Он пищу дает всякой плоти,
ибо милость Его вовек.
26. Славьте Бога небесного,
ибо милость Его вовек.

Псалом 136

1. На реках Вавилонских, там мы сидели и плакали,
вспоминая о Сионе,
2. Повесивши арфы наши
на ивах прибрежных.
3. Там просили нас о песнях пленившие нас, уведшие нас
о веселии:
«Спойте нам из песней Сионских».
4. Как запоем песнь Господню
на земле чужой?
5. Если забуду тебя, Иерусалим,
пусть забудет меня десница моя,
6. Пусть присохнет язык мой к гортани моей,
если не вспомню о Иерусалиме, не поставлю его
во главу веселия моего.
7. Припомни, Господи, сынам Едомовым, что
говорили они в день Иерусалима:
«Разрушайте, разрушайте до основания его!»
8. Дочь Вавилона окаянная,
блажен, кто воздаст тебе возмездие твое за то,
что ты соделала нам.
9. Блажен,
кто возьмет и разобьет младенцев твоих о камень.

*Псалом 137**Псалом Давида*

1. Славлю Тебя, Господи, всем сердцем моим, перед
богами пою Тебе,
2. Поклоняюсь пред храмом Твоим святым, славлю имя
Твое за милость и истину Твою,
ибо над всем Ты вознес имя святое Твое.
3. В день, когда призову Тебя, скоро услышь меня;
вдохни в душу мою силу Твою.
4. Да восславят Тебя, Господи, все цари земные,
услышав все глаголы уст Твоих.
5. Да воспойут пути Господни,
велика слава Его.

6. Ибо высок Господь:
видит низких Он, и высоких узнает издалека.
7. Посреди напастей иду, и Ты животворишь меня;
на гнев врагов руку Твою прострешь, и спасет меня
десница Твоя.
8. Господь воздаст мне;
Господи, милость Твоя вовек, дел руки Твоей
не оставь!

Псалом 138

Начальнику хора. Псалом Давида

1. Господи,
Ты испытал и знаешь меня;
2. Знаешь, когда я сажусь и когда встаю;
Ты читаешь помышления мои издалека.
3. Иду ли я, отдыхаю ли,
Ты окружаешь меня, Ты проводишь все пути мои.
4. Еще нет слова на языке моем,
а Ты, Господи, уже знаешь его.
5. Сзади, спереди Ты объемишь меня,
Ты положил на меня руку Твою.
6. Дивна мудрость твоя для меня, высока,
не постичь мне ее.
7. Куда мне уйти от Духа Твоего
и от лица Твоего куда бежать?
8. Взойду ли на небо, Ты там;
сойду ли во ад, и там Ты.
9. Возьму ли крылья зари
и полечу на край моря,
10. И там рука Твоя поведет меня,
и удержит меня десница Твоя.
11. Скажу ли: вот тьма сокроет меня,
и день вокруг станет ночью!
12. Но и тьма не затмит от Тебя,
и ночь светла как день; тьма, — что свет.
13. Ты создал все внутренности мои,
соткал меня во чреве матери моей.
14. Славлю Тебя, ибо пречудно создал Ты меня;
дивны дела Твои, и знает это душа моя.

15. Не сокрылась кость моя от Тебя, когда Ты созидал ее в тайне,
весь состав мой в глубине утробы.
16. И зародыш мой видели очи Твои;
в книге Твоей были все дни жизни моей, когда еще не было их ни единого.
17. Как высоки для меня, Боже, советы Твои,
и как велико число их.
18. Стану считать их, но их больше песка;
проснусь, и я все еще с Тобою.
19. Боже, о если бы Ты истребил нечестивых!
Люди крови, прочь от меня!
20. Грешны речи их против Тебя;
суетны замыслы врагов Твоих.
21. Мне ли не возненавидеть ненавидящих Тебя, Господи,
не возгнущаться восстающими на Тебя?
22. Совершенною ненавистью ненавижу их;
стали они врагами мне.
23. Испытай меня, Боже, и познай сердце мое;
искуси меня и познай стези мои.
24. Смотри, не на пути ли я беззакония;
на путь вечный наставь меня.

Псалом 139

1. *Псалом. Начальнику хора. Псалом Давида.*
2. Избавь меня, Господи, от человека лукавого;
от мужа неправедного спаси меня.
3. Они замышляли неправду в сердце своем;
всякий день ополчаются на брань.
4. Остер язык их, словно змеиный;
яд аспида за устами их.
5. Сохрани меня, Господи, от руки грешника,
избавь меня от притеснителей, что хотят подкосить
ноги мои.
6. Гордые расставили силки для меня и петли, раскинули сеть
под ногами моими,
при дороге тенета расставили мне.
7. Скажу Господу:
Ты мой Бог, внемли, Господи, воплю мольбы моей.

8. Господи, Господи, сила спасения моего,
Ты покрыл голову мою в день битвы,
9. Не предай меня, Господи, на волю грешников;
умышляют против меня, не оставь меня, да не
возгордятся.
10. Да покроет главы окружающих меня
зло собственных уст их.
11. Да падут на них угли огненные;
свергни в пропасть их, чтобы больше не встали.
12. Муж злоязычный не устоит на земле;
зло увлечет нечестивого на погибель.
13. Знаю, даст Господь суд угнетенным
и возмездие бедным.
14. А праведный прославит имя Твое,
и вселятся чистые пред лицом Твоим.

Псалом 140

Псалом Давида

1. Господь, взываю к Тебе, услышь меня;
внеми воплю мольбы моей, когда взываю к Тебе.
2. Да взойдет молитва моя, как дым кадильный,
пред лицо Твое; воздеяние рук моих — жертва
вечерняя.
3. Поставь, Господи, стражу к языку моему,
огради двери уст моих.
4. Не уклони сердца моего к словам лукавства,
не дай искать оправдания во грехах вместе с людьми,
творящими беззаконие; не сяду со зваными их
на пир.
5. Пусть накажет меня праведник, — это милость для меня;
пусть обличит, — это елей мне;
голова моя не уклонится.
Но против злобы грешных молитва моя.
6. Когда рассыпятся по скалам вожжи их,
услышат слова мои, ибо кротки они.
7. Расселась толща земли, как под плугом,
сыплются кости наши в преисподнюю.
8. Но в Тебе, Господи, Господи, очи мои;
на Тебя уповаю, не отринь души моей.

9. Сохрани меня от силков, расставленных мне,
от тенет беззаконников.
10. Падут нечестивые в сети свои,
я же миную их.

Псалом 141

Учение Давида. Молитва его, когда он был в пещере

1. Воплем моим к Господу воззвал,
воплем моим к Господу взмолился.
2. Излил пред Ним мольбу мою,
печаль мою открыл Ему.
3. Когда изнемог во мне дух мой, Ты ведал стези мои;
на пути, где ходил я, расставил сети мне.
4. Смотрю я направо, и вижу:
никто не узнает меня, не стало убежища для меня,
никто не печалится о душе моей.
5. К Тебе, Господи, воззвал и сказал я:
Ты упование мое, часть моя на земле живых.
6. Внемли молению моему, изнемог я вконец;
избавь меня от гонителей моих, одолевают меня.
7. Изведи из темницы душу мою, да прослаблю имя Твое;
ждут со мною праведные воздаяния Твоего.

*К 25-летию кончины
прот. Александра Шмемана
(1921–1983)*

Прот. АЛЕКСАНДР ШМЕМАН

**К вопросу
о литургической практике**
*(письмо моему епископу)**

1

Ваше Блаженство! С большим вниманием и интересом я прочел инструкцию по литургической практике, которую Вы адресовали духовенству епархии Нью-Йорка и Нью-Джерси 30 ноября 1972 г.

Я вполне понимаю и разделяю Вашу обеспокоенность положением в литургической практике, которое, несомненно, чрезвычайно серьезно и требует исправления и руководства со стороны нашего епископата. Именно из-за серьезности, глубины и широты проблем, стоящих перед нами сегодня, я осмеливаюсь почтительно предоставить Вам некоторые мои мысли, вызванные этой инструкцией. Посвятив большую часть жизни изучению и преподаванию литургики, я могу уверить Вас, Ваше Блаженство, что у меня нет иной цели, кроме попытки внести ясность в вопросы, которые может вызвать эта инструкция, и что я делаю это в духе полного и безусловного повиновения долгу епископа «верно преподавать слово» божественной Истины.

* Опубликовано в St.Vladimir's Theological Quarterly. Vol. 17, 1973, № 3, p. 227–238. Пер. с англ. Редактор Е.Ю. Дорман.

2

Вопросы, поднятые инструкцией, кажутся мне достаточно серьезными. Однако прежде всего я должен признаться Вам вот в чем. Менястораживает то, что, по-видимому, составляет основную исходную предпосылку и на что ссылается весь документ, а именно — что самоочевидная, естественная и, по-видимому, абсолютная норма для нашей литургической жизни и практики находится исключительно в дореволюционной Российской Церкви, или, ссылаясь на инструкцию, «в типовых богослужебных книгах, которые регулярно издавались Святейшим Синодом Российской Православной Церкви». Менястораживает противоречие между этим утверждением и документально обоснованным фактом, что сама Российская Церковь голосом ее собственного епископата находила литургическую ситуацию в дореволюционной России чрезвычайно неудовлетворительной и требующей существенных поправок и изменений. Чтобы представить себе степень этой неудовлетворенности и истинно пастырскую озабоченность русских епископов, достаточно прочесть «Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе», составленные при подготовке к Великому Собору Российской Церкви и опубликованные в 1906 г. Российским Святейшим Синодом (т. I, 548 с; т. II, 562 с). Я хочу подчеркнуть, что эти доклады были написаны не представителями академических групп или направлений, а консервативными и занимающимися активной пастырской работой епископами, которые ясно видели растущий номинализм и неразбериху, происходящие как раз из «типовых книг» и Типикона, не пересматривавшегося с 1682 года.

«Богослужение, — пишет, например, епископ Серафим Полоцкий, — совершается духовенством, а народ, если он и молится в это время, то его молитва является частною, а не общественною, потому что она обыкновенно имеет очень мало связи и внутренней и внешней с тем, что делается в это время в церкви» (I, с. 176). Епископы, которые пишут о литургии, почти в один голос просят дать приходской типикон, отличающийся от монастырского, ибо очевидная невозможность следовать последнему приводит к тому, что, по словам епископа Минского Михаила, «49 000 приходов отправляют

нестандартные службы» (I, 40). Они просят укоротить службы, «которые стали непонятны, а потому скучны», пересмотреть рубрики и сделать новые переводы с церковнославянского языка на русский. Они видят нужду в некоторых изменениях самой Божественной литургии. Именно апостол американского Православия, будущий патриарх Тихон, тогда архиепископ Алеутский и Северо-Американский, предложил «сократить часто повторяемые ектении» и «читать гласно некоторые тайные молитвы» (I, 537). Его поддержали архиепископ Варшавский Иероним («следует без всяких вопросов отменить ектении об оглашенных», II, 287), епископ Константин Самарский (I, 441) и другие. «Необходимо пересмотреть церковный устав, — пишет епископ Георгий Астраханский. — Эта священная книга, предназначенная регулировать формы и порядок церковного богослужения, не подвергается никаким изменениям с 1682 г. и за этот продолжительный срок неподвижности успела приобрести в глазах ревнителей благочестия характер чего-то вечного, догматически неизменного; но именно вследствие этого устав перестал быть регулятором церковной жизни... Необходимо реформировать устав и приспособить его к законным запросам верующего мирянина, чтобы устав сделался понятным и удобоисполнимым и в современных условиях жизни. Тогда устав может сделаться снова жизненным руководителем церковной жизни... Реформа устава находится в полном согласии с предыдущей деятельностью Церкви в этом направлении» (I, 324). Очевидно, что русские епископы видят в номинальном, непонятном и часто несовершенном богослужении причину отчуждения народа от Церкви, растущего успеха сект и прогрессирующей дехристианизации русского общества.

Российский Собор 1917–1918 гг., при подготовке к которому были написаны эти доклады, был прерван прежде, чем смог разрешить литургические вопросы. Однако позволительно думать, что одной из причин массового отступничества русских людей от Церкви было именно состояние богослужения, и эту причину так ясно выявили задолго до революции епископы — пастыри Русской Церкви. И если сейчас среди некоторых русских, глубоко раненных революционной катастрофой, существует тенденция почти фанатически идеализировать дореволюционное состояние Российской

Церкви, включая ее литургическую жизнь, для нас нет причин принимать их основанный на эмоциях отказ от исторической очевидности, их слепой консерватизм и полное невежество. К ним применимы слова, написанные еще в 1864 г. одним из первых русских литургистов архиепископом Филаретом Черниговским: «Для этих людей известные им уставы — исконный и неподвижный устав. Отчего это так? Оттого, что им вовсе неизвестна история церковной жизни, а вместе с тем, занятые собою, они дорожат своим. По историческим исследованиям ясно и несомненно, что св. Церковь относительно обрядов богослужения действовала с разумною свободою: принимала новые порядки служения по их благотворному действию на людей и потом заменяла их другими, когда видела, что прежние порядки не совсем полезны и нужны другие. — Она, как и в других случаях, не позволяла быть судьями-властителями тем, которым порядок апостольский указывал быть учениками, а не учителями; но не позволяла и себе самой сна беспробудного, а зорко смотрела за нуждами времени и постоянными нуждами души».

Нам скорее следовало бы не забывать и серьезно обдумывать бурную историю Русской Церкви, на которую, при всех ее удивительных духовных достоинствах и примерах непревзойденной святости, периодически обрушивалось бедствие острых литургических проблем или, точнее, неспособности разрешить их из-за отсутствия богословских знаний и исторической перспективы. Это приводило к тому, что Русская Церковь слишком часто оказывалась неспособной увидеть разницу между подлинной традицией и всякого рода обычаями и даже отклонениями, между существенным и исторически случайным, важным и побочным. Нам следовало бы, например, помнить о св. Максиме Греке, который, будучи приглашенным в XVI в. исправлять «злоупотребления», почти всю свою жизнь провел в тюрьме, потому что осмелился поставить вопрос об ошибках и недостатках в «типовых» текстах того времени. Есть также не менее показательный случай со св. архимандритом [Троице-Сергиевой Лавры] Дионисием, который в 1618 г. был осужден церковным Собором, бит, подвергнут пыткам и брошен в тюрьму за исправление наиболее очевидных ошибок в службе своего времени. И, наконец, был раскол, в котором удивительное невежество и едва

ли не полное отсутствие критериев с обеих сторон сыграли такую поистине роковую роль.

3

Имея все это в виду, я думаю, что не только неправильно, но просто опасно разрешать наши литургические проблемы ссылкой на недавнее прошлое, будь то прошлое России, Греции, Сербии, Румынии и т. д. Эти проблемы появились не в Америке, хотя здесь они, конечно, приобрели иные размеры и иную степень остроты. Их существование было признано в России и признается сейчас фактически всеми Православными Церквями. Но что огорчает меня в инструкции более всего, так это полное отсутствие в ней подобного признания или представления о том, что существуют проблемы, которые нельзя решить с помощью указов или инструкций. (Они никогда не разрешали никаких реальных проблем, и не похоже, что разрешат их когда-либо в будущем.) Я совершенно искренне огорчен самым тоном инструкции, который, кажется, подразумевает, что, если бы не было нескольких непослушных священников, «рассматривающих свои собственные суждения как стоящие выше... традиций нашей Церкви», проблемы бы вовсе не существовало. Я особенно сожалею об этом ввиду того факта, что именно в выдающейся литургической школе России XIX и XX вв. начала формулироваться как сама литургическая проблема, так и пути и критерии ее решения и что появление самой литургической школы было вызвано возродившимся интересом к подлинной православной традиции. Инструкция написана так (и, по моему мнению, это довольно печально и показательно), словно мы не наследовали от Русской Церкви и русского богословия широко известные издания Типиков и Евхологиев А.А. Дмитриевского, фундаментальные исследования Типикона и его развития М.Н. Скабаллановича и И.Д. Мансветова; исследования литургии св. Иоанна Златоуста И.А. Карабинова, Н.Ф. Красносельцева и А.В. Петровского, литургии св. Василия Великого – М.И. Орлова, литургической гимнографии – архиеп. Филарета Черниговского, проскомидии – С.М. Муретова, тайных молитв – А.П. Голубцова и т. д. Как будто мы не знаем ныне о сложностях, а не-

редко и об отклонениях в нашем литургическом развитии, о достойном сожаления влиянии Запада на православное богослужение, богословие и благочестие, о дефектах богословия таинств, находящегося преимущественно под западным влиянием, об отчуждении мирян от таинств, выливающимся в чисто легалистский подход к церковной жизни в наших приходах, о катастрофических последствиях, особенно в Америке, униатства, о том, наконец, очевидном факте, что наша Церковь больна и в литургическом, и в духовном смысле и что болезнь эта никак не может быть излечена одними лишь юридическими рецептами.

4

Ваше Блаженство, нужно ли мне доказывать тот факт, что наша Церковь сегодня находится в плачевном положении? Что ее финансовое банкротство только выявляет и отражает ее духовное состояние — состояние апатии и деморализации, недоверия и мелочного соперничества, ограниченности и провинциализма, раболепного секуляризма и дикого невежества в самых основах нашей веры? Должен ли я информировать Вас или кого-либо еще из наших епископов о том, какие непреодолимые трудности духовные, литургические, пастырские встречает ежедневно каждый священник, когда он пытается быть настоящим пастырем своей паствы, чтобы угодить Богу, а не людям? Не случайно многие из них проходят через глубокий кризис доверия к иерархии, некоторые постепенно погружаются в почти циничное безразличие, других начинает привлекать духовный тупик и сомнительная эмоциональность пятидесятничества.

В этой мрачной ситуации здесь и там появляются некоторые признаки надежды, обновления и нового вдохновения. Одним из самых обнадеживающих, конечно, является возврат к литургической жизни как к средоточию приходской жизни, как к средству возвращения ей одухотворенности и жизненности. Снова в центре приходской жизни начинают стоять Евхаристия, таинства и литургические циклы. В Церкви снова начинают видеть Тело Христово. Этот процесс неизбежно поднимает новые вопросы, создает новые трудности. Ошибки, несомненно, совершаются, неверные

или сомнительные шаги делаются. Но, по крайней мере, мотивация, цели и намерения являются пастырскими, имеющими целью бесценные человеческие души и их общение с Богом. В таких приходах от установлений поместной Церкви не отклоняются, все финансовые обязательства принимаются с удовольствием, все церковные проекты — национальные, епархиальные, благотворительные, образовательные, миссионерские — поддерживаются с радостью и энтузиазмом, устанавливаются и поддерживаются новые отношения с епископом, отношения доверия и истинной любви. Нетрудно было бы показать, что это обновление имеет корни в подлинном интересе к настоящей православной традиции, к Священному Писанию, к отцам Церкви и к литургии, но более всего — в истинной заинтересованности в религиозной, а не просто «этнической» или «социальной» ориентации Церкви.

Нет надобности говорить, что объектами инструкции являются только такие приходы и священники, которые по меньшей мере «пытаются что-то сделать», в то время как этот документ не только не причинит никакого беспокойства, а, напротив, успокоит и создаст ощущение собственной праведности в тех приходах, где занавес вовремя задергивается, все ектении должным образом поются, где вечерня и утреня не создают проблем просто потому, что их или не служат, или служат в пустых церквях, где прихожане грозятся уйти и иногда действительно уходят в другую «юрисдикцию» всякий раз, когда Церковь требует от них выполнять их финансовые обязанности или принять установления, признанные всею Церковью. Мы еще ни разу не видели, как наказывают или хотя бы осуждают какое-либо действительное злоупотребление — моральное, каноническое или литургическое. Наша практика разводов и повторных браков находится в открытом противоречии с канонами; некоторые способы сбора средств в приходах более аморальны, чем в нерелигиозных группах; проявления секуляризма, морального релятивизма и цинизма ужасны, но здесь, увы, терпение, понимание и «икономия», кажется, действительно безграничны.

5

Говоря все это, я никоим образом не хочу сказать, что священнику достаточно иметь пастырское усердие и стремление к лучшему для того, чтобы он мог делать все, что пожелает: менять службы, вводить новые обычаи, восстанавливать старые и т. д. В Церкви нет места анархии, и, конечно, священный долг епископата — руководить, направлять, вести и решать в этой, как и в любой другой, области церковной жизни. Но на чем я особенно настаиваю и о чем прошу — это о том, чтобы в этой, наиболее деликатной, области, которая во многом определяет все другие стороны и самый дух прихода, необходимые решения принимались на основе серьезного подхода и оценки всех факторов и их значения.

Будучи лично невиновным в каком-либо из «злоупотреблений», перечисленных в инструкции, я могу свободно утверждать, что почти за каждым из них кроется проблема, которая не может быть сведена просто к непослушанию или «злоупотреблению» в буквальном смысле слова. Не все, что делалось в течение ста лет и к чему люди привыкли, обязательно правильно в свете истинной православной литургической традиции. В то же время что-то, что кажется «новым» и даже «революционным», может оказаться необходимым возвращением к подлинной традиции. И хотя окончательное решение остается за епископатом, должно пройти определенное время, необходимое для поиска этого решения, для попытки разобраться, что хорошо и что плохо, для изучения вопроса и консультаций, для той благословенной соборности, о которой православные говорят так много и которую практикуют так мало.

Здесь я хотел бы добавить, что постоянная и популярная ссылка на единообразие как на решающий аргумент при обсуждении литургической практики как бесполезна, так и вредна. Полного литургического единообразия никогда в Церкви не существовало, даже в качестве идеала, потому что Церковь никогда не считала единообразие условием и выражением ее единства. Ее литургическое единство всегда состояло в общей структуре, или *ordo*, и никогда — в деталях и особенностях служения. Даже сейчас Православная Церковь не имеет одного-единственного Типикона, напротив, в

практике Православных Церквей существует большое разнообразие его вариантов. Такое разнообразие было и внутри национальной Церкви: так, например, в России были различия между Москвой и Киевом, между различными монастырскими традициями и т. д. Это просто опасно, духовно и пастырски, заставляя наших людей верить, что единообразие всех действий является пробным камнем и сущностью Православия; опасно, потому что они уже, кажется, и так имеют нездоровую склонность увлекаться внешней стороной в ущерб смыслу. Это опасно также из-за большого литургического разнообразия в Америке, где тем или иным образом представлены все традиции. Если Православная Церковь в Америке должна быть символом православного единства в этой стране, этого единства никогда не достигнуть путем навязывания всем одной традиции, будь она русская, греческая, сербская, румынская или любая другая. Его можно достигнуть только путем поиска, с одной стороны, того, что действительно *универсально* в православной традиции, с другой стороны — того, что будет *воплощать* эту традицию именно в нашей ситуации. Даже тогда, я уверен, останется неизбежное и здоровое разнообразие, ибо, как показывает история Церкви, оно исчезает только тогда, когда Церковь начинает умирать, а ее богослужение перестает быть жизнью и источником жизни и его постепенно охватывает *rigor mortis* (оцепенение смерти).

6

Если мы сейчас кратко проанализируем сами предписания, мы неизбежно увидим, что фактически все они не имеют отношения к «злоупотреблениям», то есть к произвольным и анархическим нововведениям или исправлениям, но связаны как раз с теми сторонами службы, где существуют реальные проблемы и где простые отсылки к «типовым книгам» или существующей практике ничего не решают.

I. На Божественной Литургии:

А. Не следует опускать две малые ектении между антифонами. Очевидно, что если эти две ектении опускаются только ради того, чтобы укоротить службу, это не может

быть оправдано. Но если причина в том, чтобы позволить священнику прочесть прекрасные и поистине *общие* молитвы антифонов, читаемые сейчас тайно, то это может быть шагом в правильном направлении. Ясно, что первоначальная форма была следующей: «приглашение к молитве» («Господу помолимся»), чтение молитвы и возглас. К слову сказать, было бы интересно узнать, сколько священников, произнося все ектении, совершенно опускают чтение «тайных молитв», в том числе входящих в евхаристический канон. Мне это представляется куда большим «злоупотреблением», чем попытка вернуться к истинному значению части литургии, совершаемой перед Входом.

Б. Не следует опускать ектении между чтением Евангелия и Херувимской песнью, то есть сугубую ектению, ектению об оглашаемых, а также первую и вторую ектению верных. Пока сугубая ектения будет *de facto* повторением великой ектении, останется искушение опустить ее. В литургических рукописях (см. «Евхологии», опубликованные А. Дмитриевским [Киев, 1901 г.]) нет большого разнообразия, чем между сугубыми ектениями. Причина ясна: сугубая ектения, в противоположность великой, должна отражать нужды и особые прошения данной церкви или прихода. Проблема здесь в том, чтобы заново раскрыть ее настоящее значение и функцию внутри литургии. Опускание ектении об оглашаемых предлагалось, как мы видели, несколькими русскими епископами. Греки опускают ее. Лично я предложил бы опускать ее только в определенное время — Пасха, Рождество, Богоявление — или во время великих праздников. И опять проблема здесь в том, чтобы донести ее значение до людей. Две ектении верных ставят те же проблемы, что и малые ектении между антифонами. Пока они просто «покрывают» чтение двух молитв верных, они действительно ничего не добавляют к литургии и делают всю эту ее часть непонятной, особенно в отсутствие дьякона. Если бы была введена снова практика чтения вслух молитв, которые как у Иоанна Златоуста, так и у Василия Великого полны глубокого смысла и красоты, общее приготовление Церкви к принесению Жертвы приобрело бы свое полное значение.

В. Не следует опускать ектении после Великого входа и перед молитвой Господней. Проблема здесь в повторе-

нии в пределах каких-то пятнадцати минут двух одинаковых ектений. Основываясь на древнейшей рукописи, знаменитом Кодексе Барберини, содержащем полный чин литургий св. Василия Великого и св. Иоанна Златоуста, я предложил бы опустить первую ектению, так как она отсутствует в этом тексте, в то время как вторая, после анафоры, там присутствует (см. «Собрание древних Литургий», т. II, Санкт-Петербург, 1875, с. 64 и 76 — для св. Василия; с. 124 и 129 — для св. Иоанна Златоуста). Первая ектения только затемняет органический переход литургии от жертвоприношения к анафоре. (По Кодексу Барберини, молитва жертвоприношения читается после поставления Святых Даров на престол в конце Херувимской песни. Народ: «Аминь». Священник: «Мир всем». Народ: «И духу твоему», и после целования мира дьякон: «Двери, двери». Народ: «Верую...» Дьякон: «Станем добре...» И остальная часть анафоры.) Вторая же ектения находится в неразрывной связи с просительными молитвами и ведет к молитве перед «Отче наш».

Г. Первый антифон (Пс 102:3) должен состоять по меньшей мере из стихов 1, 2, 3, 9, 1, заканчиваясь словами «Благослови, душе моя, Господа».

Д. Второй антифон (Пс 145:6) должен состоять по меньшей мере из стихов 1, 2, 3, 10. Какая «типовая» книга, какой Типикон предписывает это? История происхождения и развития антифонов, да и всей части литургии до Входа, чрезвычайно сложна и неоднозначна (см., например: *P.N. Trembelas. Three Liturgies. Athens. 1935, p. 27* и далее [работа на греческом языке] и особенно: *J. Mateos. «Evolution historique de la liturgie de St. Jean Chrysostome. I. From the Initial Blessing to the Trisagion» в: Proche-Orient Chretien, 15, 1965, pp. 333–351*). Но даже если взять современную российскую практику, то и она предписывает псалмы, а не стихи (см.: *Архимандрит Кириан. Евхаристия [Париж, 1947], с. 163–164*), а также разные антифоны для воскресных дней, определенных праздников и дней недели. В инструкции эти предписания даже не упоминаются. Может быть, нужно объяснять это тем фактом, что Бахметьев положил на музыку лишь несколько стихов, а не весь псалом?

Е. Тропари и кондаки нужно петь в соответствии с правилом. Я хотел бы найти хоть один приход нашей Церк-

ви, где тропари и кондаки поются «в соответствии с правилом». Следовательно, либо это правило нужно было бы подробно объяснить, либо допустить его применение в соответствии с местными возможностями. Для этой части богослужения правила сильно меняются от одной церкви к другой и от одного периода времени к другому. Так, Студийский устав вообще ничего не знает об этом пении. Современная греческая практика отличается от практики Русской Церкви (см.: *Киприан*, с. 172; *Trembelas*, с. 39–40). Таким образом, нет причины, по которой наша Церковь не могла бы составить в этой области простое и удобное руководство.

II. На Вечерне.

А. Не следует вводить в вечернюю службу элементы утрени или любой другой службы во избежание изменения или искажения ее строя.

Б. Следует соблюдать полный чин вечерни без пропуска ектений, соответствующих стихов и прочих элементов.

За двадцать лет службы в Америке я видел такое невероятное разнообразие вечерних служб, что предписание соблюдать «полный чин» кажется мне почти шуткой, поскольку сразу возникает вопрос: что такое «полный чин» вечерни? Относится ли, например, к «прочим элементам» пение или чтение псалмов 141, 142, 130 и 117 полностью или в сокращенном виде (как это делается сейчас), то есть нескольких стихов, следующих за «Господи, воззвах»? Как быть с кафизмами? Как быть с различными комбинациями Октоиха и Минеи, зависящими от указаний Типикона? Не ясно ли, что здесь тоже есть трудности и что наша приходская практика (в тех немногих приходах, где вообще служат вечерню) нуждается в чем-то большем, чем общие ссылки на «полный чин»?

Что имеется в виду под элементами утрени, введенными в вечерню? Это в инструкции не поясняется, и просто неизвестно, что под этим подразумевается. Если, как я это видел в нескольких приходах, после Великой вечерни, накануне некоторых больших праздников, следуют праздничные элементы утрени (за исключением специфически «утренних» элементов), то это мне кажется разумным путем для того, чтобы спасти хоть что-то из самой сути праздника, особенно ввиду отсутствия во многих приходах опытных регентов и

псаломщиков, когда пение прихожан — возможно, хорошая вещь! — становится необходимостью. Это, конечно, один из возможных путей предотвратить быстрое исчезновение празднования канунов и сведение даже Великих праздников к одной Божественной Литургии. Таким образом, эту практику обязательно нужно обсуждать и регулировать, но ни в коем случае не отбраковывать как «искажение». Что инструкция, кажется, полностью игнорирует, так это те условия, в которых по крайней мере некоторые из наших священников борются за восстановление праздничных циклов, самой литургической реальности праздника.

III. На Утрене.

А. Следует читать полностью шесть псалмов (не три).

Мне кажется, что, напротив, если утренняя должна быть сокращена по некоторым веским причинам, сокращение шестопсалмия, говоря литургически, является к тому разумным путем. Шестопсалмие явно состоит из двух триад псалмов: 3, 37, 62 и 87, 102, 142. Первая триада или по крайней мере псалмы 3 и 62 — очень древняя и принадлежит к раннему ядру утренних церковных служб, как бы ни усложнялись они в своем развитии. Что касается второй триады, то псалмы 87, 102 и 142 «не имеют специальной связи ни с полночью, ни с утром. Кроме того, то, что священник читает утренние молитвы во время чтения этих псалмов, показывает, что они являются дополнением. Эти молитвы, или хотя бы одна из них, читаемые в этом месте, раньше должны были произноситься вслух» (см. *J. Mateos*. «Some Problems of Byzantine Orthros» (на французском яз.) в: *Proche-Orient Chretien*, 11, 1961, p. 7; см. также: *М. Скабалланович*. Толковый Типикон. Киев, 1913, Т. II, с. 199–201; *I.M. Hanssens*. Nature and Genesis of Matins (на французском яз.). Рим, 1952.

Б. По воскресеньям следует произносить по крайней мере один полный канон, а именно воскресный (ирмосы поются, другие тропари читаются).

Но представьте, что воскресенье оказывается внутри восьмидневного празднества большого праздника, который из-за того, что он приходится на будний день, был практически пропущен преобладающим большинством прихожан. Не будет ли более по-пастырски, более «литургически» про-

петь «по крайней мере» канон этого праздника, чем канон воскресения? В общем, канон (который, как все знают, был сначала музыкальной композицией и «чтение» которого в настоящее время является наиболее непонятной частью утрени) должен быть предметом усиленного изучения и переосмысления, если мы хотим вообще сохранить его в нашем приходском богослужении (он практически исчез из употребления во многих других Православных Церквях). Существующие рубрики, предписывая два или три канона на каждой утрене, просто не применяются. И лучше было бы решить, какие каноны должны быть использованы (больших праздников, Триоди и т. д.) в приходской практике и какие оставить для употребления в монастырях.

В. Полный чин утрени должен соблюдаться без пропуска ектений, соответствующих стихов или других элементов. Что касается утрени, то я бы повторил те замечания, которые я сделал относительно вечерни. Включают ли «другие элементы» кафизмы, 50-й псалом, степенные антифоны, которые так часто опускают в российской практике? Как быть со стихирами «на хвалитех» в конце утрени? С некоторыми рубриками или катавасией? Почему, например, нужно читать девятую молитву, если нет чтения Евангелия, которому она предшествует? Таким образом, инструкция, чтобы быть действительной, должна предусмотреть создание специальной комиссии, исследовательскую работу, планирование; в противном случае она только усилит путаницу, которая, по отзывам русских епископов, существовала уже десятки, если не сотни лет.

IV. Церкви, в которых нет завесы позади царских врат, должны повесить ее в течение двух недель...

V. Царские врата должны быть закрыты во время следующих трех моментов литургии:

A. Во время ектении об оглашаемых и первой и второй ектении верных.

Б. После Великого входа во время просительной ектении.

В. Во время причащения клира.

Г. Завеса должна быть задернута во время Б и В.

Я думаю, что это большая и даже трагическая ошибка — абсолютизировать то, что сама Церковь не абсолютизировала.

ла, утверждая, что только та или эта практика правильна, а любая другая не правильна. Так, например, ни в одном месте в тексте литургии св. Иоанна Златоуста, как он напечатан в российских «типовых» книгах (передо мной прекрасное Московское Синодальное издание 1904 г.), завеса даже не упоминается. Если бы закрывание царских врат во время (А) и (Б) было действительно органической и существенной частью евхаристической службы, они не оставались бы открытыми, когда служит епископ или, как это принято в российской практике, священник определенного ранга. Завеса появилась в истории значительно раньше иконостаса, и, конечно, значение ее весьма отличалось от того, которое ей приписывают сегодня, то есть что определенные действия не должны быть видны верным (см. *свт. Симеон Солунский. Писания святых отцов и учителей Церкви, касающиеся объяснения православного богослужения. Санкт-Петербург, 1856, т. II, с. 186–187*). Название «царские врата» до сравнительно недавнего времени (см., например, работу того же Симеона) относилось к дверям самой церкви, а не к дверям иконостаса. Как бы ни менялось со временем значение завесы, ясно, что сейчас она просто дублирует иконостас. Лично я убежден, что современная греческая практика, в которой двери совсем не закрываются в течение всей литургии, значительно более верна истинному духу Евхаристии и православного понимания Церкви, чем практика Русской Церкви, которая, кажется, постоянно подчеркивает разделение между народом Божиим и клиром. Именно из этой позднейшей практики выросли *реальные* злоупотребления: пение во время причащения клира так называемых «концертов», перенос проповеди с ее первоначального места после чтения Евангелия на время после причастного стиха, «киноника» («чтобы занять внимание верующих», как с иронией пишет русский епископ), и даже изменение самого порядка Литургии (так, например, в российских «типовых» книгах молитва благодарения по получении Святых Даров была просто перенесена со своего первоначального места после ектении «Прости! Приемше...» также на время после причащения одного только клира). То, что здесь происходит неразбериха, видно и из рубрик, которые утверждают, что дьякон, стоящий во время Возвышения Даров вне алтаря, когда «видит,

что священник берет Святой Хлеб», должен сказать: «Вон-мем!» Как, однако, дьякон должен увидеть это, если ворота закрыты и завеса задернута, как это делается сейчас в России? Более того, в России царские ворота бывают закрыты во время всей анафоры, в то время как в Америке (благодарение Богу) мы открываем их по крайней мере на «Верую».

Надо надеяться, что, когда мы снова обречем православное понимание Божественной Литургии как общего моления, общего приношения, общего благодарения и общего причащения, то есть когда мы вернемся от наших новых и сомнительных обычаев к подлинной православной традиции, открывающейся нам в наших литургических текстах и комментариях отцов, будет исправлено прискорбное положение дел, преобладающее сегодня, при котором верующие — более посетители, чем участники богослужения.

Ваше Блаженство! Этими замечаниями я хочу сказать только одно, а именно — что нам крайне необходимо истинное попечение о богослужении, действительное усилие, для того чтобы сделать его снова тем, чем оно должно быть для Церкви, — источником ее жизни, откровением и проводником веры, средством ее роста и освящения, центром и исполнением ее единства. Пусть это попечение, как неотложная задача, выполнения которой мы ждем от наших епископов, укореняется в словах Господа: «Дух животворит; плоть не пользует нимало. Слова, которые говорю Я вам, суть дух и жизнь» (Ин 6: 63).

Богоявление, 1973 г.

*К 100-летию
кончины Н.Н. Неплюева
(1851–1908)*

НАТАЛИЯ ИГНАТОВИЧ*

**Главным его даром
было сердце, чуткое к любви**

21 января 1908 г.¹ в своем родовом имении, расположенном в селе Воздвиженск Черниговской губернии, отошел ко Господу христианский мыслитель, основатель Крестовоздвиженского православного трудового братства Николай Николаевич Неплюев. За несколько часов до кончины над ним было совершено таинство елеосвящения тремя священниками, одним из которых был настоятель братского храма отец Александр Секундов. На большой террасе его дома собралось все братство, взрослые и дети, одетые в белые одежды – символ христианской веры в жизнь вечную. Через два часа Николай Николаевич скончался. Ему было всего лишь 56 лет...

* * *

«Что прежде всего поражало в Н.Н., это благородство, которым были так запечатлены вся его внешность и его манеры. Высокого роста, с величественной осанкой, в его взгляде, речи, движениях было что-то степенное и величавое. Его изысканная вежливость, никогда его не покидавшая, была

* Наталия Игнатович, сотрудник Свято-Филаретовского православно-христианского института (Москва).

чужда аффектации и высокомерия... Но что у него было прежде всего благородно, это душа и сердце» [3, С. 58]. Так вспоминали о Неплюеве его современники.

Он происходил из именитого аристократического рода, ведущего свое начало со времен св. благоверного князя Александра Невского. Его облик был воплощением аристократизма. Он обладал редким качеством — общаясь с простым народом, с крестьянами, он не снисходил к ним, но умел беседовать, поднимая их до себя. Но, может быть, самым главным его даром было сердце, чуткое к любви.

«С раннего детства я носил глубоко в сердце религию любви и был в некотором смысле фанатиком любви. Там, где я не чувствовал любовь, я буквально болел от скуки, буквально замерзал от духовной стужи. В этом отношении я был болезненно чуток. [...] Эта постоянная жажда любви, это неспособность удовлетворяться чем-либо, кроме любви, эта ежеминутное ощущение глубокого разлада между самой природою души моей и явлениями земной жизни были главною причиною инстинкта живой веры моего детства. Всем существом своим я чувствовал, что кроме этого земного мира есть мир иной, более естественный, более сродный природе души моей. В этот мир я верил бесконечно больше, чем в тот мир, который я видел глазами, но который для души моей был чем-то чуждым, призрачным, как тяжелый кошмар, с которым помириться нельзя, от которого надо проснуться» [5, Т. 3, С. 12–13].

Именно этот дар мистической чуткости предопределил всю его дальнейшую жизнь и служение Богу.

* * *

Еще ребенком он ежедневно подолгу молился, предваряя молитву чтением Евангелия [5, Т. 3, С. 13]. Детская вера сменилась тяжелым кризисом, когда он столкнулся с изучением основ христианства по школьным учебникам: «На меня пахнуло таким мертвящим духом мрачного аскетизма и мрачного человеконенавистничества, что я с ужасом отшатнулся от всего этого» [5, Т. 3, С. 14–15]. Ему потребовалось много времени и сил, чтобы «высвободить понятие о Боге истинном из пут этой клеветы» [5, Т. 3, С. 14–15].

В 1875 году Неплюев окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета и был направлен в Мюнхен для работы в Императорском посольстве. Однако внешний блеск не мог удовлетворить того, кто искал смысл своей жизни не в светских развлечениях. Несколько раз увиденный сон изменил его жизнь. Он увидел себя в доме, беседующим с крестьянскими детьми; общение с ними было наполнено радостью. «Этот сон дал толчок мыслям моим и воле моей в новом направлении: я понял, где выход» [5, Т. 3, С. 16].

Вскоре после этого, в 1877 г. он оставил карьеру дипломата и поступил вольнослушателем в Петровскую сельскохозяйственную академию. В 1881 г., по окончании академии, Неплюев вернулся в свое имение в хуторе Воздвиженск Глуховского уезда Черниговской губернии. Он обратился к отцу с просьбой о предоставлении ему экономической самостоятельности для того, чтобы организовать приют для сирот. Хотя отец не сочувствовал идее сына, он согласился выделить ему небольшой домик [6, С. 13].

В 1881 году Неплюев взял на воспитание десять крестьянских детей из бедных семей: «Он проводил с ними в буквальном смысле день и ночь, обедал, читал, беседовал и даже путешествовал» [13]. 4 августа 1885 года открылась Воздвиженская пятилетняя мужская сельскохозяйственная школа. Детям преподавались основы сельскохозяйственных наук, но главной целью было их воцерковление. 4 августа 1889 г. состоялся первый выпуск школы. Из шести выпускников трое — Андрей Фурсей, Федор Четвертка, Илья Кобец — захотели образовать христианскую трудовую общину. Так было основано Крестовоздвиженское трудовое братство. С этого момента жизнь Н.Н. Неплюева и дело устройства Крестовоздвиженского братства неотъемлемы друг от друга и составляют единое целое. Ради служения Богу и Церкви он избрал путь целибата.

* * *

Неплюев считал, что обществу требуется новая христианизация, так как люди не живут по вере, а духовенство ничего не делает, чтобы исправить эту ситуацию. В 1906 г. в №№ 6 и 7 «Трудов Киевской духовной академии» была напечатана его статья «Голос верующего мирянина по поводу предстоящего

Собора», в которой он предложил ряд реформ церковной жизни для рассмотрения Поместным собором. Он подверг резкой критике церковную жизнь: «Приходы расплылись, превратились в фикции» [4, С. 8], многие представители духовенства руководствуются «не правдой Божией, а указами и предписаниями начальства» [4, С. 8], выдавая «антицерковную рутину за “истинное православие”» [4, С. 13]. Неплюев видел возможность улучшения церковного управления в восстановлении принципа соборности, так как его нарушение приучило мирян «не считать себя ответственными членами Церкви» [4, С. 48]. Требуется «исправить редакцию богослужебных книг до вразумительности их содержания и сделать богослужебный язык общедоступным» [4, С. 57]. Насущной необходимостью Неплюев считал восстановление в Церкви «института катехетов»: «Это дело настолько настоятельное и неотложное, что все епископы, их vikарные и монастыри должны на пользу Церкви не пожалеть никаких расходов и трудов» [4, С. 29]. Под этим Неплюев понимал возрождение в Церкви института катехизации. «Школу катехетов» должны пройти «все верующие для того, чтобы иметь ум и сердце крещеными и не позорить Церкви жизнью своею» [4, С. 28–29]. Им не должны забивать головы научением «богословских наук», а ограничиться «знанием нового катехизиса» и научить жить по «заповеди любви, что может быть достигнуто в один, много в два года» [4, С. 55]. Вместе с тем необходимо издать совершенно новый катехизис, более «вразумительный и жизненно-полезный» [4, С. 25].

* * *

Основная идея Н.Н. Неплюева, которой он посвятил всю свою жизнь, заключалась в необходимости покаяния и единения между христианами, которое осуществляется в христианской общине. Такие общины могут объединиться в трудовое братство, в которых верующие могли бы устроить свою жизнь по вере, жить вместе с братьями во Христе и зарабатывать средства к жизни путем совместной деятельности. Неплюев указал три основания устройства жизни и деятельности христианского трудового братства [5, Т. 5, С. 138–139]:

- *Вера* в Бога Живого и в то, что общинная жизнь есть воля Божия.

- *Любовь*: верность и стремление остаться вместе вопреки конфликтам и всему, что разъединяет.
- *Труд*: качественное исполнение своих обязанностей ради общей пользы и добровольная дисциплина.

Братскую жизнь Неплюев считал делом Божиим. По его мнению, членство в братстве есть призвание от Господа, поэтому имеет значение не то, насколько немощен тот или иной человек, так как нет такой немощи, перед которой Господь оказался бы бессильным. Важно, насколько каждый человек, выбравший путь братского устроения христианской жизни, устойчив в желании отдавать свою жизнь под водительство Божие [5, Т. 5, С. 25].

Другая сторона любви к Богу – братолюбие. Жизнь в братстве – духовный труд, ежеминутная проверка реальности своего братолюбия. Братство должно стать для человека домом, семьей и делом всей жизни. Этим делом не может заниматься тот, кто не желает отвергнуться себя, взять крест и последовать за Христом: он может жить в братстве и честно трудиться, но никогда не станет его твердой опорой. Если братство не будет составлять для человека потребности жизни, оно рискует потерять его в любую минуту, так как он будет верен братству только до тех пор, пока жизнь в нем ему удобна: «Необходимо, чтобы братолюбие было высшей потребностью, которой сознательно и радостно подчинялись все остальные потребности. Без этого фатальна измена делу любви, даже и при ясном сознании всего ее значения» [5, Т. 3, С. 19–20].

По мысли Неплюева, священной обязанностью братолюбия является труд. Однако в христианском трудовом братстве ни сам по себе труд, ни экономические результаты хозяйственной деятельности не могут иметь самодовлеющего значения и являться конечной целью. Необходимо, чтобы братство было самоокупаемым, а каждый человек честно трудился.

* * *

В 1890 г., после смерти отца, Неплюев стал владельцем значительного состояния. Его мать Александра Николаевна² и сестры Мария³ и Ольга⁴ активно включились в работу по созданию братства, найдя «высшую радость в братской люб-

ви к тем, для ежедневного общения с которыми они ушли от блеска... сферы, к которой принадлежали по рождению» [5, Т. 5, С. 247]. В 1891 г. была создана аналогичная мужской четырёхлетняя школа для девочек – Преображенская. Ее попечительницей стала ближайшая помощница и сестра Неплюева – Мария Николаевна Уманец. Вторая сестра – Ольга Николаевна – заведовала Янпольской младшей школой, которая была подготовительной к обучению в сельскохозяйственной школе.

Школы служили подготовительным этапом для жизни в братстве. Дети в них научались не только верить в Бога, но и жить по своей вере. Неплюеву удалось выхлопотать для своей школы право назначать учителей из своих бывших воспитанников. Он отказался от системы наказаний, видя ее неэффективность. Затем ввел еженедельные собрания, в которых обсуждались вопросы отношений между учителями и учениками, помогающие открытому разрешению конфликтов. Неплюев образовал старший братский кружок, а вслед за ним и младший братский кружок: старшие сделались ближайшими помощниками Неплюева по воспитанию младших, воспитываясь при этом и сами. Постепенно школа становилась одной дружной семьей, быстро ассимилируя вновь поступающих.

Вот как описывает воздвиженские школы один из посетителей братства, А. Тюменев:

«Мужская школа. Продолговатое каменное здание, потонувшее в зелени, с длинным коридором и спальнями по обеим сторонам. В коридоре нас встретили воспитанники босиком и со швабрами – мыли полы. Прислуги нет. С детства труд внушается им, как одно из содержаний жизни. Актовая зала школы – большая комната, увешанная по стенам портретами друзей братства. Здесь портреты императора Александра III, давшего Трудовому братству права юридического лица, бывшего министра М.Н. Островского, поддержавшего школу в её становлении, епископа Черниговского и Нежинского Сергия, образованнейшего архипастыря, весьма сочувствовавшего делу братства. [...]

Лица у мальчиков открытые, добродушные, глядят прямо, на вопросы отвечают толково и к стенкам не жмутся. Ходят в простых блузах из черкасины, кто босиком, кто в сапо-

гах. Но нигде не заметно шума, возни, драки, хотя в некоторые комнаты мы заходили, видимо, невзначай. [...]

Пройдя большой фруктовый сад размером 7–8 десятин, мы вошли в широкий и длинный коридор большого одноэтажного дома. Женской школой заведуют две сестры Н.Н. и его старушка мать. С какой любовью они относятся к своему делу, которое они не отделяют от своей жизни, я увидел после воочию. Здесь чистота и порядок, если можно так выразится, изящнее, чем в мужской школе. Обстановка тоже. [...]

Сборная зала мужской школы была полна воспитанниками, когда я вошёл в неё. Они тихо разговаривали между собой, так что не требовалось вмешательство дежурного учителя.

Вошёл Н.Н. Неплюев и сел за столом против учеников. Я поместился рядом.

– Кто должен читать сегодня дневник? – спросил Н.Н.

Из рядов вышел мальчик лет пятнадцати, стал за пюпитр и начал чтение дневника, где излагалась одна из воскресных бесед Н.Н. Речь шла “о доверии”. Николай Николаевич поправлял записанное неточно и спрашивал некоторых, как они понимают тот или иной вопрос. Внимательно наблюдая за детьми, я заметил, что все они мысленно работают и участвуют в обмене мнений. [...]

Николай Николаевич обратился ко мне:

– Может быть, вы предложите какой-нибудь вопрос для обсуждения?

Мною овладело искушение.

– У вас, – обратился я к Н.Н., – всё основано на принципе любви и это слово беспрестанно повторяется воспитанниками. Я хотел бы знать, насколько сознательно они употребляют его.

– Вот наш гость хочет узнать, как вы понимаете слово любовь, что вы подразумеваете под ним? Не может ли кто-нибудь объяснить?

Напряженная тишина была ответом в первое время. [...] И не удивительно, что воспитанники сначала ответили молчанием. Но потом начали отвечать. Я не буду приводить их ответов, замечу только, что они высказали много сознательной, пытливой работы ума. Мне же только и хотелось узнать – не повторяют ли они с чужого голоса».

Окончив школу, воспитанник мог попросить о вступлении в братство или уйти. Данные статистики начального периода жизни братства говорят о том, что из общего числа выпускников с 1889 по 1894 г. в братстве осталось только 2/3 (окончили обучение 47 человек, из них 32 вступило в братство, а 15 ушли) [13]. Неплюев отмечал, что учащиеся «настолько дорастают до... потребности единения в братолюбии, насколько возросла любовь к Богу и к ближним» [5, Т. 3, С. 23–24].

* * *

Основой Крестовоздвиженского братства были общины (или – *братские семьи*), в которые братчики объединялись по роду профессиональных занятий. Членству в общине каждого члена братства придавалось принципиальное значение: без обретения навыка любви к братьям и сестрам своей христианской общины невозможно научиться любить братство и Церковь [5, Т. 5, С. 67]. Братская семья жила в одном доме, включая в себя как семейных, так и холостых членов братства. Семейные жили в отдельных комнатах, а холостые – в общей. В братской семье был старший, решающий все вопросы общей жизни. Для уборки, работ на кухне и наблюдения за маленькими детьми во время рабочего дня было установлено дежурство. Всего в 1900 г. в братстве было 11 семей.

Приезжавший в братство проф. МДА М.М. Тареев впоследствии описывал жизнь братской семьи следующим образом:

«Братская семья представляет из себя соединение нескольких, брачных и безбрачных, членов, имеющих общий труд, общий дом и стол. Пока все семьи помещаются в домах, которые прежде имели разное назначение в имении и потому не вполне приспособлены для новой цели. Но уже строятся новые братские общежития. В новом доме обитает семья св. Иоанна Богослова. По типу этого дома предполагается и в будущем строить братские общежития. Это большой каменный двухэтажный дом. Предназначен для 12 семейных членов братства. В нем – 12 частных комнат для семейных и общие комнаты – столовая, три комнаты для детей, небольшая прачечная для мойки детского белья и кухня. Семейные чле-

ны имеют свою отдельную комнату, а холостые помещаются по несколько в спальне. Частные помещения не велики — самое большое для двух взрослых и трех детей. Кроме кроватей — гардеробный и бельевой шкафы, стол для письменных и подобных занятий; в переднем углу икона, окаймленная белой занавесью, с лампадой. Убранство комнаты очень однообразно. Однообразная одежда — черная блуза и черные брюки у братьев и темно-синие платья у сестер. Для молитвы утренней и вечерней все члены братской семьи собираются в столовую. На обед и ужин обычно подаются борщ с мясом и каша с салом, с маслом или молоком; на завтрак или суп в семьях, занимающихся физическим трудом, или чай в остальных семьях. Содержание (стол и одежда) каждого члена братства обходится в год от 105 до 125 рублей. Общие детские слугат: две — спальнями для мальчиков и девочек старшего возраста, а одна для общих детских игр. [...] Легко представить себе, что все население братства связано узами тесного содружества, которое заметно обнаруживается вовне: все знают друг друга, называют друг друга ласковыми именами, члены одной братской семьи имеют общий стол и дом. Дети считаются членами братства и содержатся на общий счет братства, независимо от их числа в братской семье. Все это отражается на детях в высшей степени благотворно. Все они ласковы, доверчивы, приветливы» [12].

Кроме обычных храмовых богослужений, в которых участвовало все братство, существовала общая молитва утром и вечером в братских семьях. Устраивались общебратские беседы по вопросам веры и жизни, а также покаянные собрания, присутствующие на которых испрашивали прощения у Бога, у братства и друг у друга. Существовали и «молитвенные собрания для особенно ревнующих» [12, С. 104]. Они могли проходить в храме, в зданиях школ; на них молились о России, о предстоятелях Церкви, о настоятеле Крестовоздвиженского храма, о братстве и его блюстителе, об устройении жизни по вере и о даровании братской любви друг ко другу, а также о текущих нуждах. М.М. Тареев написал о братской молитве на одном из таких собраний: «Минуты, проведенные нами на молитвенном собрании, мы считаем наиболее памятными в своей жизни. [...] Перед нами воскресала первобытная христианская община, водимая Духом Божиим» [12, С. 109].

* * *

Основанное Неплюевым братство было предметом острых дискуссий и пререканий. Его опыт воцерковления жизни оценивался как отрицательно (обер-прокурор К.П. Победоносцев, митрополит Санкт-Петербургский Антоний (Вадковский), епископ Черниговский Антоний (Соколов), прот. С.Н. Булгаков, М.А. Новосёлов), так и положительно (епископ Черниговский Сергей (Соколов), митрополит Санкт-Петербургский Палладий (Раев), св. прав. Иоанн Кронштадтский, епископ Пермский Пётр (Лосев), старец Варнава Гефсиманский).

В условиях острой полемики вокруг братства и активно-го неприятия его деятельности со стороны духовных властей Неплюев понимал необходимость юридической защиты братства. Важной вехой для него стало утверждение Устава. Приезжавший в братство А.С. Панкратов⁵ отмечал, что обер-прокурор Синода К.П. Победоносцев активно препятствовал утверждению Устава братства, говоря ему: «Если хотите послужить Богу, выстройте монастырь, примите монашество, и мы скоро сделаем вас епископом» [7]. Император Александр III также отказывал Неплюеву в юридической легализации братства. В конце концов мать Неплюева поехала в Петербург к императрице Марии Федоровне с просьбой о помощи [8]. Благодаря ее ходатайству 23 декабря 1893 г. император Александр III утвердил Устав, затем Устав был проведен через Святейший Синод и выслан для исполнения архиепископу Черниговскому Антонию (Соколову). Утверждение Устава во многом способствовало стабильности существования братства, так как Синод вынужден был считаться с решением императора.

В Уставе братство зафиксировало основные цели своей жизни: христианское воспитание детей и религиозно-нравственное совершенствование взрослых через жизнь в христианской общине. Интересны также отдельные положения Устава. К примеру, строго оговаривалось членство в братстве: полноправные, приемные, члены-соревнователи. Полноправные несли полную ответственность за все происходящее в братстве и определяли уклад жизни братства. Приемные — братья, находящиеся на испытательном сроке; они не могли

определять уклад жизни. Члены-соревнователи жили вне пределов братства, брали на себя обязательство помогать трудом, содействием христианскому воспитанию детей или материально. Разделение на категории членства определялось мерой взятой на себя ответственности за жизнь братства. Именно в той мере, в какой каждый член братства брал на себя ответственность за все происходящее в братстве, он и мог определять направление развития братства. По этой причине полноправных братьев всегда было немного, и именно они составляли братскую думу, возглавляемую пожизненным блюстителем Н.Н. Неплюевым. Так, в состав Думы в 1898 г. входило всего 11 человек, в 1908 г. — 19, в дальнейшем — 30. Всего в 1890 г. братство составляло 9 человек, в 1900 г. — 150 человек и 214 воспитанников школ и приюта, в 1907 г. — 498 человек (в т.ч. 72 ребенка) и 207 воспитанников, в 1920 — 639 человек⁶.

Братская дума во главе с блюстителем определяла направление развития и все вопросы организации братской жизни, несла ответственность за экономическую и духовную жизнь братства.

Согласно Уставу покровителем братства являлся Черниговский епископ. Братство имело уникальное право, закрепленное Уставом, выбирать священника в братский храм, а утверждал кандидатуру епископ Черниговский и Нежинский. К слову сказать, возможность выбора священника была только в Крестовоздвиженском братстве: в России нигде больше приход не участвовал в выборе священника. Вначале Неплюев надеялся, что священника можно будет вырастить внутри братства. Готовился к принятию священного сана Илья Кобец, один из трех выпускников, составивших первую общину братства в 1889 г., но вскоре после основания братства он скончался. В дальнейшем братство приглашало к себе выпускников духовных семинарий.

* * *

Первым настоятелем братского храма в период с 1896 по 1898 г. стал свящ. Сергей Четвериков⁷. Отец Сергей был направлен в Крестовоздвиженское братство по окончании Московской Духовной Академии ее ректором архим. Антонием (Хра-

повицким). Пребывание о. Сергия в братстве продлилось недолго: как он писал в 1946 г., между ним и братчиками «по некоторым вопросам произошло расхождение», и он «предпочел уйти в обычный церковный приход» [15, С. 52].

После ухода о. Сергия в Крестовоздвиженском храме сменилось несколько настоятелей. Наконец около 1903–1904 гг. появился молодой священник Александр Секундов⁸, который обрел свое место в братстве. Не претендуя на духовное лидерство, он отнесся с уважением и любовью к основателю братства. Впоследствии он стал полноправным членом братства и вошел в состав братской думы, оставшись братским духовником до конца жизни братства.

Стремление братства к осмысленной жизни по вере находило свое выражение в ежедневной молитвенной жизни общин, в общебратских беседах, специальных молитвенных собраниях. К богослужению в братстве относились как к «празднику живой любви» [5, Т. 3, С. 176]. На клиросе пел братский хор. В хорошую погоду богослужения совершались не в храме, а на природе, под открытым небом. М. Тареев вспоминал о такой службе: «С совершенною ясностью стало понятным, что вечерняя служба особенно уместна под открытым небом, так как ее содержание имеет ближайшее отношение к природе» [5, Т. 3, С. 110].

В центре храма стоял аналой с часословом и богослужебными сборниками. Это было сделано, чтобы отдельные молитвы богослужения — каноны, шестопсалмие и пр. — могли читать сами прихожане; желающих всегда было много [9, С. 192]. Отец Александр в своем храме частично использовал русский язык в богослужении, прежде всего это касалось богослужебного чтения Священного Писания. Позднее он рассказал об опыте братского богослужения на Поместном Соборе Православной Российской Церкви 1917–1918 гг., в работе которого принимал участие.

* * *

Начиная с 1897 г. Неплюев старается максимально удалить себя от управления братством, чтобы оно становилось все более самостоятельным, училось жить без него [5, Т. 3, С. 329–330]. Он стал больше ездить по стране и за границу, желая

найти и объединить живые силы, ища сочувствия и поддержки братству.

После тяжелого внутреннего кризиса в братстве в 1900 г., в результате которого несколько человек ушли, Неплюев увидел, что братство духовно окрепло. Это позволило ему, с согласия матери и сестер, оформить на имя братства дарственную, передав ему значительную часть своего состояния [5, Т. 5, С. 479]. 29 декабря 1901 г. он передал в дар братству имущество общей стоимостью более 1750 млн. рублей, или ок. 5 млн. франков [3, С. 70] – всего земель 16 435 десятин, из них 5313,9 десятины перешли в собственность братства немедленно, лесное хозяйство, парк, постройки и заводы. После этого хозяйственная деятельность братства стала приносить значительный доход и быстро развиваться. Братство получило возможность вкладывать значительные суммы в развитие производства, приобретать имущество, содержать школы, больницу и храм. Кроме того, братство несло обязательства о попечении больных и престарелых братьев, как полноправных, так и приемных, а также об обеспечении их вдов и сирот.

* * *

В начале 1900 г. Неплюев посетил св. прав. Иоанна Кронштадтского. Поводом для этой встречи послужили трудные обстоятельства внутренней и внешней жизни братства. В братстве назревал внутренний кризис, связанный с определением границ братства. В это же время Неплюеву пришлось столкнуться с острой и часто несправедливой критикой в печати.

Спустя год Неплюев рассказывал братству о встрече с о. Иоанном:

«Меня провели в алтарь, где я и присутствовал на служении о. Иоанна. Извещенный обо мне о. Андреем Шильдским, о. Иоанн во время чтения часов подозвал меня к себе и, благословив, сказал: “Пойдем к жертвеннику, там помолимся”. Пройдя к жертвеннику, о. Иоанн спросил: “О чем особенно помолиться?” Я ответил: “Прошу помолиться о том, чтобы через меня воля Божия совершалась. Мне предстоит завершить устройство братства трудового, основанно-

го мною в моем имении. Искренно желаю, чтобы все совершалось по воле Божией. Боюсь, чтобы, заботясь о будущих судьбах братства, мне не ошибаться, принимая личные желания за волю Божию”. — “Вот это хорошо и думано и чувствовано”, — сказал о. Иоанн, обнимая меня, потом мы оба стали на колени и молились.

Когда мы встали с молитвы, подошел полковник Семенский и сказал: “Прошу Вас, батюшка, после обедни пожаловать к нам, Николай Николаевич хотел бы с Вами поговорить наедине”. — “Приеду, друже, приеду непременно”, — ответил о. Иоанн, обращаясь ко мне и положив руку на мое плечо.

После обедни о. Иоанн действительно приехал. Нас оставили наедине. Я... просил его помолиться особенно о том, чтобы Господь дал остатку “верных” в братстве и мне терпение, великодушие, кротость, смирение и любовь, в которых мы так сильно нуждаемся в настоящее время. Все это о. Иоанн выслушал с любовью, обняв меня и потом довольно долго говорил, утешая, ободряя и лаская меня. Не все, сказанное о. Иоанном и что память хранит в сердце моем, я считаю себя вправе предавать гласности. Между прочим он сказал: “Пошел за Христом, нельзя, чтобы не гнали, не злословили, не ненавидели за имя Его. Радуйся тому. Это доказательство, что ты служишь делу Божию, а не делаешь дело человеческое. Терпи. Даст Бог, смягчатся сердца гонящих тебя и тебе даст Господь и терпение, и великодушие, и кротость, и смирение, и любовь”.

После того о. Иоанн отслужил молебен с водосвятием, а затем мы удостоились с ним позавтракать. [...] Уходя, он сказал: “Да даст тебе Господь успех во всех добрых начинаниях твоих”. Когда я провожал его уже отъезжающего, на лестнице, где по обыкновению многие стремились подойти к нему и получить от него благословение, он, обернувшись, сказал: “Рад, что с тобою познакомился, я нашел в тебе истинно русского дворянина, занимающегося истинно дворянским делом”.

Вот навсегда дорогие и памятные для меня обстоятельства свидания с любимым и уважаемым всей русскою землею пастырем. Много бодрости почерпнул я из разговора с этим

святым человеком, и, верю, много духовных сил дал мне Господь по его святым молитвам» [5, Т. 5, С. 208].

В январе 1907 г. Московская Духовная Академия пригласила Неплюева прочесть цикл лекций. В них он изложил свое мировоззрение и рассказал об опыте устройства трудового братства. Ректор, еп. Евдоким (Мещерский), был потрясен знакомством с Неплюевым: «От рождения своего я никогда не видал, не слышал такой глубокой веры, веры живой во Христа Спасителя из уст светского, высокопросвещенного человека, обладающего громаднейшими связями и колоссальными богатствами» [1, С. 17].

В последние годы жизни Н.Н. Неплюев мечтал организовать Всероссийское братство на основе приходов, которые должны стать живыми клетками церковно-государственного организма. Он считал, что для осуществления этой идеи священники должны озаботиться мыслью о духовном преображении своих приходов: проповедовать, устраивать катехизические собеседования, чтобы вера не оставалась в области отвлеченного мышления. Он даже написал проект устава. Однако осуществить этот проект ему уже не удалось. С проектом устава Всероссийского братства в декабре 1907 года Неплюев отправился в Петербург, но там тяжело заболел гриппом. Несмотря на болезнь, он продолжал работать и даже читал публичные лекции по приглашению Петербургской Духовной Академии. 21 декабря он вернулся в Воздвиженск, а через месяц скончался.

* * *

После смерти Неплюева Крестовоздвиженское братство возглавила его сестра М.Н. Уманец. К этому времени братство уже укрепилось в избранном пути: «Ко времени кончины Николая Николаевича можно было смело сказать, что, несмотря на наши ошибки и немощи, семья наша была уже объединена в один ум и одно сердце, и никто ничего не называл своим, но все было общее» [14, С. 7].

После революции 1917 г. и установления советской власти братство пыталось выжить. Ему это удавалось вплоть до 1925 г., когда в результате процесса над братством были репрессированы наиболее преданные братству люди. 30 октя-

бря 1925 г. пять членов думы, в том числе и свящ. Александр Секундов, и еще трое братчиков были осуждены Выездной сессией Верховного суда и получили сроки от года до десяти с конфискацией имущества [11]. В ноябре того же года из братства было выселено еще 75 человек. В этот раз репрессированы были члены семей осужденных, все члены Думы, а также сестры Неплюевы. После этого братство просуществовало еще несколько лет. В 1929 г. на Украине началась коллективизация, в процессе которой братство было окончательно уничтожено, а все братчики выселены из Воздвиженска и расселены по разным уголкам России.

* * *

Сегодня уникальный пример совместной жизни на общинно-братских основаниях на протяжении более сорока лет, как и жизнь и деятельность основателя Крестовоздвиженского православного трудового братства Н.Н. Неплюева, — достояние духовной истории России. В литературно-богословском наследии Н.Н. Неплюева открывается глубина и сила мысли религиозного мыслителя и богослова, воздействие которой на читателя не утрачено и в наши дни. Как отметил почивший в этом году известный историк церкви проф. протопр. Виталий Боровой: «Наши богословы и религиозные мыслители XIX–XX веков — Хомяков, Соловьёв, Достоевский, Неплюев, Несмелов, их учение, их религиозная философия — это та закваска, на которой сейчас растёт, ширится и обретает силу христианская мысль» [2, С. 44–45].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Авдасёв В.Н.* Трудовое братство Н.Н. Неплюева: Его история и наследие. Сумы, 2003.
2. *Боровой Виталий, проф., протопр.* Быть свидетелями Христа. Проповеди. М., 2006.
3. Н.Н. Неплюев (1851–1908) — подвижник земли русской: Венок на могилу. Сергиев-Посад, 1908.
4. *Неплюев Н.Н.* Голос верующего мирянина по поводу предстоящего Собора. Киев, 1906.
5. *Неплюев Н.Н.* Собрание сочинений: В 5 т. СПб, 1901–1908.
6. *Неплюев Н.Н.* Тайственные явления земной жизни духа моего. Берлин, 1896.

7. Панкратов А.С. Ищущие Бога: Очерки современных религиозных исканий и настроений. Ркп. // Музей «Трудовое братство Н. Неплюева», с. Воздвиженск, Сумская область.
8. Померанцева Л.В. Мои воспоминания о Воздвиженске. Ркп. // Музей «Трудовое братство Н. Неплюева», с. Воздвиженск, Сумская область.
9. Священный Собор Православной Российской Церкви: Протоколы и стенограммы заседаний Отдела о богослужении, проповедничестве и храме // ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 283.
10. Следственное дело № 112350 по обвинению Баранова Анатолия Алексеевича и др. Год производства 1927 // Архив Управления ФСБ по Новгородской области.
11. Следственное дело № 93991 по обвинению Секундова А.А., Соболева М.В. и др. по ст. 58-11 УК РСФСР. 21 ноября – 23 декабря 1937 г. // Архив Управления ФСБ по Новгородской области.
12. Тареев М. М. Живые души: Очерки современных нравственных исканий. Сергиев Посад, 1908.
13. Тюменев А. Делатель добрый: Школа Трудового братства Н.Н. Неплюева. Ркп. // Музей «Трудовое братство Н. Неплюева», с. Воздвиженск, Сумская область.
14. Уманец М.Н. Краткий отчет блюстительницы Крестовоздвиженского трудового братства за 1915 г. Пг., 1915.
15. Четвериков Сергей, прот. О вере во Христа: Тысячелетний путь русского православного народа со Христом. СПб., 1998.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ 03.02.1908 г. по н. ст.

² Мать Н.Н. Неплюева — Александра Николаевна, урождённая баронесса Шлиппенбах (1827–1917), скончалась за полгода до Октябрьской революции, похоронена на братском кладбище в Воздвиженском.

³ Мария Николаевна Уманец (1853–1930), урожденная Неплюева — старшая дочь А.Н. Неплюевой. Была замужем за М.М. Уманцом, действительным статским советником, Новозыбковским уездным предводителем дворянства. Муж умер в 1888 г., и, оставшись одна, Мария Николаевна вернулась к матери в Янполь.

⁴ Ольга Николаевна Неплюева (1859–1944) — младшая дочь Александры Николаевны Неплюевой.

⁵ Панкратов Александр Савич (1872–1922), журналист, один из редакторов издания «Русское слово».

⁶ Данные фондов музея «Трудовое братство Н. Неплюева», с. Воздвиженск, Сумская область.

⁷ Прот. Сергей Четвериков (1867–1947). Окончил МДА в 1896 г. и в том же году был рукоположен; эмигрировал в 1920 г.; духовник РСХД в 1928–1939.

⁸ Свящ. Александр Секундов (1876–1938). В 1898 г. окончил Новгородскую духовную семинарию. В 1925 г. приговорен по делу Крестовоздвиженского братства к лишению свободы на один год. В 1927 г. пережил еще один арест по следственному делу о «группировке Боровичского духовенства и купечества». Дело было прекращено за недостаточностью доказательств. В 1937 г. вновь арестован и 8 января 1938 г. расстрелян.

*К 100-летию со дня рождения
Симоны Вейль
(1909–1943)*

СИМОНА ВЕЙЛЬ

Отче наш*

Отче наш, Иже еси на небесех!

Это наш Отец; нет в нас ничего реального, что не исходило бы от него. Мы его. Он нас любит, ибо любит Себя, а мы его. Но Он — тот Отец, что на небесах. Ни в каком ином месте. Если мы думаем, что имеем Отца здесь, на земле, то это не Он, это ложный Бог. Мы не можем ни на шаг приблизиться к Нему. По вертикали не ходишь. Мы только можем направить к нему наш взор. Не нужно его искать, нужно только изменить направление нашего взгляда. Это Ему предстоит нас искать. Счастье наше — сознавать, что Он бесконечно вне нашей досягаемости. Так мы имеем уверенность, что зло в нас, даже когда оно захлестывает все наше бытие, ни в коей мере не пятнает чистоту, блаженство, совершенство Божии.

Да святится имя Твое,

Бог один имеет власть дать Себе имя. Его имя непригодно для человеческих губ. Имя Его, Им же изреченное, это — Слово. Имя обыкновенного существа служит посредником между человеческим умом и этим существом, единст-

* Перевод Н.А. Струве.

венный способ, через который человеческий ум может что-то осязать в этом существе, когда он отсутствует. Бог отсутствует; Он на небесах. Имя Его — единственная возможность для человека получить доступ к Нему. Оно — Посредник. Человек имеет доступ к нему, хотя оно в то же время и трансцендентно. Оно светится в красоте, в порядке мира и во внутреннем свете человеческой души. Это имя — сама святость; нет святости вне его; значит, оно не подлежит освящению. Прося об этом освящении, мы просим то, что находится извечно с полнотой реальности, к которой мы не можем прибавить или от которой отнять даже бесконечно малое. Просить то, что есть реально, непреложно, вечно, совершенно независимо от нашего прошения, — это и есть совершенное прошение. Мы не можем заставить себя не желать; мы-то и есть желание; но это желание, которое приковывает нас к воображаемому, ко времени, к эгоизму, мы можем, если его все сведем к этому прошению, сделать рычагом, который нас оторвет от воображаемого и приведет к реальному, от времени к вечности и выведет нас из тюрьмы нашего я.

да придет Царствие Твое,

Теперь дело касается чего-то, что должно наступить, но чего еще нет. Царствие Божие — это Дух Святой, наполняющий целиком всю душу разумных существ. Дух дышит где хочет. Нам дано только Его призывать. Даже не следует думать о том, чтобы Его призывать каким-то особым образом на себя, или на кого-то другого, или даже на всех, но надо призывать Его чистосердечно и просто; так, чтобы дума о Нем была бы зовом, криком. Когда находишься на последней черте жажды, когда умираешь от жажды, уже не представляешь самого акта жажды относительно к себе, ни даже вообще самого акта жажды. Видишь только саму воду. Воду саму по себе, но этот образ воды как бы крик всего нашего существа.

да будет воля Твоя,

Мы целиком, непреложно уверены в воле Божией в том, что касается прошлого. Все происшедшие события, какие бы ни были, соответствуют воле всемогущего Бога, что соот-

ветствует понятию всемогущества. Будущее тоже, каким бы оно ни было, когда осуществится, тоже осуществится согласно воле Божьей. Мы не можем ничего ни прибавить, ни убавить к этому соответствию. Так, после порыва желания о возможном мы снова в этой фразе просим о том, что есть. Но не о вечной реальности, какой является святость Слова. Здесь предмет нашего прошения то, что происходит во времени. Но мы просим о непреложном соответствии того, что происходит во времени, с Божественной волей. После того как первой просьбой мы оторвали наше желание от времени, чтобы переключить его на вечность, и тем самым его преобразили, мы возвращаемся к этому желанию, ставшему в каком то смысле вечным, чтобы снова переключить его на время. Тогда наше желание прорывается сквозь время, чтобы обрести за этим вечность. Это то, что происходит, когда мы умеем из всякого состоявшегося события, каким бы оно ни было, сделать предмет желания. Это совсем не то, что резиньяция. Даже слово «приятие» слишком слабое. Надо желать, что все, что произошло, — именно произошло, и не иначе. Не потому, что это кажется нам хорошо, но потому, что Бог это позволил, и потому, что послушание текущих событий Богу само по себе абсолютное благо.

яко на небеси и на земли.

Сопряжение нашего желания со всемогущей Божьей волей должно простираться и на духовную область. Наши восхождения и наши духовные падения, как наши собственные, так и тех, кого мы любим, имеют отношение к миру иному, но в то же время они — события, происходящие здесь, во времени. В этом качестве они — подробности в безграничном море происшествий, несущиеся со всем этим морем сообразно воле Бога. Раз наши прошлые падения произошли, мы должны желать, чтобы они произошли, мы должны распространить это желание на будущее, на тот день, когда оно станет прошлым. Это необходимая поправка к прошению «да придет Царствие Твое». Мы должны бросить все наши желания ради единственного желания жизни вечной, мы должны желать даже вечную жизнь с долей отрешения. Не следует привязываться даже к отречению. Привязываться к

спасению еще более опасно. Надо думать о жизни вечной, как о воде, как когда умираешь от жажды, и вместе с тем желать для себя и для наших дорогих быть вечно лишенными этой воды больше, чем быть ею утоленными вопреки Божьей воле, если только такое мыслимо.

Три предшествовавших прошения относились к трем лицам Троицы, Сыну, Духу и Отцу. Три следующих прошения касаются более непосредственно трех видов времени, но в ином порядке: настоящего, прошлого, будущего.

Хлеб наш насущный даждь нам днесь;

Христос — наш хлеб. Мы можем просить о Нем только на сегодняшний день, так как Он всегда тут, у двери нашей души, и желает в нее войти, но Он не насилует нашего согласия. Если мы согласны, чтобы Он вошел, — Он входит; как только мы этого перестаем желать, Он уходит. Мы не можем связывать сегодня нашу волю на завтрашний день, заключить договор с Ним, чтобы завтра Он был в нас вопреки нам. Наше согласие на Его присутствие равносильно Его присутствию. Согласие — действие, оно может быть только актуальным. Нам не дана была воля, которая могла бы простираться на будущее. Все недейственное в нашей воле относится к воображению. Действенная часть нашей души действительна немедленно, ее действительность не отлична от ее сущности. Действенная часть нашей души не усилие, направленное на будущее. Она — согласие, как *да*, произносимое при бракосочетании. *Да*, произносимое в данную минуту для данной минуты, но произносимое как вечное слово, ибо это согласие на единение Христа с вечной частью нашей души.

Нам нужен хлеб. Мы — существа, которые черпают свою энергию извне, так как, по мере того как мы ее получаем, мы ее расстрачиваем в наших усилиях. Если наша энергия не возобновляется ежедневно, мы оказываемся бессильны и неспособны к движению. Помимо пищи в буквальном смысле этого слова. все нас стимулирующее — для нас источник энергии. Деньги, продвижение по службе, почет, отличия, известность, власть, любимые существа, все, что вселяет в нас способность действия, — для нас как хлеб. Если од-

на из этих привязанностей проникнет глубоко в нас, до жизненных корней нашей плотской жизни, лишение их может нас сломить, даже быть причиной нашей смерти. Называют это — умереть с горя. Это то же самое, что умереть с голоду. Все эти предметы нашей привязанности составляют вместе с питанием, в буквальном смысле, хлеб здешнего мира. От обстоятельств целиком зависит предоставить нам их или в них нам отказать. Мы не должны ничего просить относительно обстоятельств, разве чтобы они были соответственны воле Божьей. Мы не должны просить о хлебе здешнем.

Есть трансцендентная энергия, чей источник на небе, она течет в нас, как только мы о ней просим. Она действительно энергия и творит дела посредством нашей души и нашего тела.

Мы должны просить об этой пище. В минуту, когда мы о ней просим, самим фактом, что мы ее просим, мы знаем, что Бог хочет нам ее дать. Мы не можем перенести хоть один день остаться без нее. Ибо когда земные энергии, подвластные земной необходимости, одни питают наши действия, мы можем делать и помышлять только зло. «Бог видел, что зло людей приумножалось на земле. И что плод мыслей их сердца был постоянно, исключительно плохим». Необходимость, принуждающая нас ко злу, всем управляет в нас, кроме энергии свыше в тот момент, когда она в нас проникает. Но мы не можем ею запастись.

и остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим;

Когда произносишь эти слова, нужно уже, чтобы все долги были уже оставлены. Не только прощение обид, которые мы мним, что понесли. Это и признание того добра, которое, нам кажется, мы совершили, и более обще — все, что мы ждем от живых существ и от вещей, все, что мы думаем, что нам причитается, отсутствие чего дало бы нам чувство обездоленности. Это все те права, которые, как мы думаем, прошлое нам дает на будущее. В первую очередь — право на некоторое постоянство. Когда мы в продолжение долгого времени обладали чем-то, мы думаем, что это наше и что судьба

дает нам право еще этим обладать. Затем и право на компенсацию за каждое усилие, какого бы свойства оно ни было, труд, страдание или желание. Всякий раз, когда какое-нибудь усилие от нас исходит и когда соответствующее этому усилию не возвращается нам в виде осязательного плода, мы испытываем чувство неравновесия, пустоты, нам кажется, что мы обкрадены. Усилие понести обиду заставляет нас ждать наказания или извинения обидчика, усилие сделать доброе заставляет нас ждать благодарности от обязанного; все это лишь частные случаи универсального закона нашей души. Всякий раз, как что-то исходит из нас, нам совершенно необходимо, чтобы по крайней мере эквивалент в нас вернулся, и, поскольку мы имеем в этом нужду, нам кажется, что мы имеем на это право. Наши должники — это все существа, все вещи, весь мир. Мы думаем, что имеем векселя на все. Во всех векселях, которыми, как мы мним, мы обладаем, дело идет всегда о воображаемом векселе прошлого на будущее. От этого векселя нам и нужно отказаться.

Оставлять нашим должникам означает отказаться от всего прошлого. Принять, что будущее — еще нетронутое, девственное, строго связанное с прошедшим нитями, нам неведомыми, но совершенно свободное от тех связей, которые наше воображение ему навязывает. Принять возможность, что оно наступит, и, в частности, что с нами может произойти что угодно, и что завтрашний день может превратить всю нашу прошлую жизнь в нечто бесплодное и тщетное.

Отказываясь разом от всех без исключения плодов прошлого, мы можем просить у Бога, чтобы наши прошлые грехи не приносили в нашей душе жалкие плоды зла и ошибок. Если мы прицепляемся к прошлому, Сам Бог не может помешать этому ужасному плодоношению. Мы не можем привязываться к нашему прошлому, не привязываясь к нашим преступлениям, ибо то, что в нас самое по существу плохое, нам неведомо.

Главный вексель, который мы мним иметь на вселенную, — это пребывание нашей личности. Этот вексель предполагает все остальные. Инстинкт самосохранения дает нам почувствовать это пребывание как необходимость, и мы считаем, что необходимость — наше право. Как один нищий

сказал Галейрану: «Ваше преосвященство, я же должен жить», на что Галейран ему ответил: «Я не вижу в этом необходимости». Наша личность целиком зависит от внешних обстоятельств, имеющих неограниченную власть ее раздавить. Но мы предпочли бы лучше умереть, чем это признать. Равновесие мира для нас — в течении обстоятельств, позволяющем нашей личности оставаться цельной и как бы нам принадлежащей. Все обстоятельства прошлого, которые поранили нашу личность, нам кажутся нарушениями, которые должны быть непременно рано или поздно нам компенсированы явлениями противоположными. Мы живем в ожидании этих компенсаций. Неминуемое приближение смерти ужасно прежде всего тем, что оно заставляет нас думать, что эти компенсации не реализуются.

Отпущение долгов. Это отказ от собственной личности. Отказаться от всего, что я называю своим я. Без единого исключения. Знать, что в том, что я называю своим я, нет ничего, ни одного психологического элемента, который внешние обстоятельства не могли бы уничтожить. Принять это. Быть счастливым, что так и будет.

Слова «да будет воля Твоя», если их произносить от всей души, предполагают это приятие. Поэтому и несколько мгновений позже нам можно сказать, что «мы оставляем должником нашим».

Отпущение долгов. Это духовная нищета, духовная нагота, смерть. Если мы целиком принимаем смерть, мы можем просить Бога, чтобы Он нас снова оживил чистыми от всякого зла, которое в нас. Ибо просить Его отпустить нам долги означает просить Его, чтобы Он упразднил зло, которое в нас. Прощение — очищение. Зло, что в нас и в нас пребывает, Сам Бог не имеет власти простить. Бог отпускает нам наши долги, когда приводит нас в положение совершенства.

До этого Бог отпускает нам долги только частично в той мере, в которой мы отпускаем нашим должникам.

и не введи нас во искушение, но избави нас от лукаваго.

Единственное испытание для человека — это быть оставленным на самого себя в соприкосновении со злом. Ничтожество человека тогда экспериментально проверяется.

Хотя человек получил хлеб насущный тогда, когда о нем просил, его радость смешана с опасением, поскольку он мог его просить только на сегодняшний день. Будущее остается тревожным. Душа не имеет права просить о хлебе на завтрашний день, но она выражает свое опасение в самой этой мольбе, этим ее кончает. Слово «Отец» начинает молитву, слово «зло» ее заканчивает. Надо пройти путь от доверия к страху. Только доверие дает достаточно сил, чтобы страх не был причиной падения. Устремив свой взор на имя, на Царствие, на волю Божию, получив хлеб насущный и очистившись от зла, душа отныне готова на подлинное смирение, венчающее все добродетели. Смирение заключается в том, чтобы знать, что в этом мире вся душа, не только то, что называется я в целокупности, но и та сверхъестественная часть души, в которой Бог присутствует, подвержена времени и превратностям изменений. Надо совершенно принять, что все, что по себе естественно, может быть и разорено. Но надо одновременно принимать и отклонять возможность, что сверхприродная часть души исчезнет. Принять — как событие, которое если произойдет, то будет согласно воле Божией. Отклонить — как нечто ужасное. Надо этого страшиться, но так, чтобы страх был завершением доверия.

Шесть прошений отвечают себе попарно. Насущный хлеб — то же, что имя Божие. Это то, что приводит человека в соприкосновение с Богом. Царствие Божие — то же, что Его покровительство, распространенное на нас против зла; покровительствовать — функция царская. Отпущение долгов нашим должникам — то же, что полное приятие воли Божией. Разница в том, что в первых трех прошениях внимание повернуто только к Богу, а в трех последних внимание возвращается на себя, чтобы заставить себя превратить эти прошения в реальный, а не воображаемый акт.

В первой половине молитвы мы начинаем с приятия. Затем мы себе позволяем желание. Затем мы его исправляем, возвращаясь к приятию. Во второй части порядок изменен; она кончается выражением желания. Дело в том, что желание стало отрицательным; оно себя выражает в опасении; далее, оно соответствует высшей степени смирения, что и подобает для конца.

Эта молитва содержит все возможные прошения; нельзя помыслить молитвы, которая не была бы в ней заключена. Она относится к молитве, как Христос к человечеству. Невозможно прознести ее хотя бы раз, придавая каждому слово полноту внимания, без того, чтобы какое-то изменение, пусть и незначительное, но реальное, не произошло в душе.

*К 60-летию кончины
Николая Бердяева
(1874–1948)*

НИКОЛАЙ БЕРДЯЕВ

О Церкви¹

Церковь нельзя понять и нельзя определить извне. Нужно в ней быть, она постижима лишь в опыте. Она не имеет внешних признаков и границ. Церковь не только храм, не только общество верующих, не духовенство. В религиозном опыте, во встрече с Богом и Христом человек не один, не уединен, он со всеми, которые когда-либо этот опыт имели, со всем христианским миром, с апостолами, со святыми, с братьями во Христе, с умершими, как и с живущими. Я сам узок и мало знаю. Предание. Биение единого пульса. Соборность. Церковный народ. Единое узрение Христа. Духовная жизнь есть единая сверхличная жизнь. Церковь есть мистический организм, тело Христово, а не учреждение, не внешняя организация. Церковь есть прежде всего Церковь невидимая, но также видимая, воплощенная, проявленная. Христос воплотился, и Церковь должна воплотиться. Таинства Церкви. Соединение со Христом. Мир не погибает и спасается, потому что совершается Таинство Евхаристии. В Церкви таинственное общение не только с живыми, но и с умершими. В Церковь входит и ангельская иерархия, и вся тварь, ждущая избавления. В Церковь невидимо входит весь мир, обращенный к Богу, все бытие. Церковь есть Богочеловечество и богочеловеческий процесс, в ней действует не только Божья сила и благодать, но и человеческая свобода. Основой Церкви не может быть человек, человеческое совершенство. Священство. Не смущайтесь тем, что в Церкви есть дур-

ное, злое. Царство Божье и Царство Кесаря, закон и благодать. Церковь и культура. Церковь и общественная жизнь. Культура и общественность не могут быть принудительно церковными. Церковь и религия не могут быть кое-чем, должны быть всей полнотой. Царство Божие приходит незримо. Нетерпение. Максимальное требование к себе. Сомнения в себе, самоанализ, неуверенность, что достойны быть в Церкви. В Церковь нужно входить нагим. Встреча со Христом, принятие Христа и отдача Ему всего себя и своей жизни. Все от Него и через Него, Он в центре жизни. Я не могу поверить во Христа за другого. В Церковь нельзя входить на условиях. Детскость. Философ и простой крестьянин одинаково входят в Церковь. Войдя в Церковь, можно уже начать изнутри и новую жизнь, и творить в ней движение. Но неверно противопоставлять Церкви новое движение. Новая религиозная эпоха, творчество в христианстве. Не решено в Церкви еще много вопросов, вопрос социальный, вопрос о культуре. Мы должны быть активны и должны быть терпеливы и смиренны, не должны извне ждать чудес.

Прот. Сергей Булгаков и Н.А. Бердяев. Рисунок Тамары Владимировны Ельманиновой, жены о. Александра Ельманинова, сделанный на съезде РСХД в 1930-е годы

Умственная сторона религии. Христианин в культуре должен быть вооружен. Идите в Церковь и вместе с тем творите новое общение, ищите Царства Божьего, и прочее приложится вам.

Культура и апокалипсис²

1. Культуру творит прометеевский дух человека. Она имеет своей целью не личное спасение души, а овладение человеком стихийными силами природы, оформление грубой материи. Отношение христианства к культуре сложное. И сама проблема трагическая. Христианское сознание и оправдывает культуру, и недоволено культурой, судит ее. В Православии оправдания и обоснования культуры не было в том смысле, в каком оно было в католичестве и в протестантизме. Это объясняется более эсхатологическим и надземным характером Православия. Это и преимущество Православия, и недостаток его. Страдание от отсутствия цельности в жизни ведет к постановке православной культуры.

2. Культура Запада есть культура греко-римская, средиземноморская. Она никогда не прерывалась окончательно в христианской Европе, была возрождена в глубине Средневековья и окончательно развернулась со времени Ренессанса в Европе гуманистической. Это культура классическая, которая почитает себя единственной и мировой. Она основана на принципе совершенной формы в конечном, в замкнутом имманентном кругу земной жизни, на дифференциации разных сфер творчества, на аристократическом подборе качеств. Христианское откровение нанесло страшный удар классической культуре, но можно сказать, что она в такой же мере завоевала христианство, как и была завоевана христианством. Католичество считает своим источником не только откровение, но и гуманистическую греко-римскую культуру. Христианский Запад закован в нормы культуры. Против этого была реакция первоначального протестантизма, но в дальнейшем протестантизм прошел в культуру. Это есть проблема отношений Иерусалима и Афин.

3. Культура по природе своей противоположна эсхатологизму первохристианства, ожиданию конца мира, иска-

нию правоты всего Царства Божия. Культура не хочет знать апокалипсиса и боится его, как напоминания о грядущей смерти. И чем совершеннее, чем классичнее культура, тем более она противоположна эсхатологическим и апокалипсическим мотивам, тем более она устраивается в конечном на бесконечное время. Классицизм не любит сомневаться в смысле и оправданности культуры. Но и романтическая реакция души против классических норм остается в том же мире и не подвергает его сомнению. Великая и совершенная культура Запада остается закованной в категорию классицизма и романтизма. По-настоящему противоположен классицизму — апокалипсис.

4. В православном мире силы человека, творящего культуру, долгое время оставались связанными. Культуры мысли и слова почти не было от IV века Византии до начала XIX века в России. Когда мы хотим творить православную культуру, нам, русским, естественнее обратиться к традициям христианской мысли и литературы XIX века. Но тут мы сталкиваемся с большой трудностью. Бесспорно, русская литература XIX века есть величайшее явление русской культуры, приобрелее мировое значение. Религиозная и философская мысль этого века была единственной творческой мыслью в Православии. Но русская культура XIX века не была классической и ренессансной, в ней сильны были мотивы апокалипсиса. Великие писатели и мыслители переживали религиозные и нравственные сомнения в оправданности культуры, переживали трагедию культуры. Таковы Гоголь, Л. Толстой, Достоевский. Они переходили за пределы искусства и культуры. Они искали правды жизни и Царства Божьего. Они переживали конфликт между творчеством совершенных произведений и творчеством совершенной жизни. Русская традиция — искание синтетической христианской культуры и сомнение в возможности христианской культуры.

5. Апокалипсис есть не только откровение конца истории. Существует также апокалипсис внутри истории, апокалипсис внутри культуры, страшный суд над культурой. Существует страшный суд над познанием, над искусством и литературой, над моральным добром, над государством, над хозяйством и техникой, над всем человеческим творчеством. О забытом апокалипсисе сейчас в мире протестантском

под влиянием Киркегардта напоминает Карл Барт и его школа. Проблема культуры в христианстве трагична. Культура предполагает свободу творчества во всех областях. Принудительной, сверху навязанной христианской и православной культуры быть не может. Без свободы мысли невозможны философия и наука, без свободы творчества невозможны искусство и литература. Культура есть раскрытие и испытание творческих сил человека. Но в свободном творчестве человека культура секуляризируется, все ее сферы становятся автономными, отрываются от религиозного центра. Таков рок культуры. Обнаруживается конфликт между творчеством культуры и творчеством жизни. Культура создает великие ценности, но она есть неудача жизни. Культура не создает новой жизни, нового человека, нового бытия. Она не есть преобразование твари, как святость. В продуктах культуры творческий взлет притягивается вниз. Все результаты культуры — книги, памятники, учреждения — уже охлажденные, в них уже потух творческий огонь. Таково последствие всякой объективации. Культура дает лишь символы, а не первореальности бытия. В культурном развитии наступает момент истощения, опустошения. Это есть результат забвения о Царстве Божьем. Есть горечь на дне творчества, культура есть смертельная горечь познания, есть сознание конца всех земных вещей. Классическая нормативная культура безблагодатна, в ней нет духа любви. Но сознание кризиса культуры и сомнение в возможности христианской культуры допустимы лишь для того, кто познал культуру и прошел через нее, кто стоит на ее высоте. Это есть не докультурное, а сверхкультурное состояние. Варвар не сможет сомневаться в культуре. Противоречие культуры еще в том, что культура аристократична, она есть подбор качеств, и вместе с тем она неотвратимо демократизируется, к ней должны быть приобщены массы. И всегда есть опасность не движения от культуры вверх, а движения вниз, варваризация.

6. Культура не бесконечна, как и все на земле. Ее ждет конец и суд. Но к концу и суду нужно прийти не с пустыми руками. Нужно идти к концу и суду путем величайшего напряжения творческих сил человека, нужно принести результаты своих творческих деяний. Культура никогда не была

вполне христианской, ибо христианство требует новой жизни, преображения мира, Царства Божьего. Но для Царства Божьего необходимы творческие дела человека, свободное испытание сил человека, необходимо и творчество культуры, и суд над ней. Невыносимо самодовольство культуры и культурных людей, но допустимо и варварское и нигилистическое отрицание культуры. Отношение христианства к культуре антиномично и трагично. Вопрос о культуре есть вопрос о творческом призвании человека, о творчестве человека во имя Божие, во имя Царства Божьего. Творчество человека оправдано, но в путях его творящий человек переживает кризис и суд, суд не только над ним, но и его собственный суд над собой. Культура догматически оправдана фактом боговоплощения и боговочеловечения, которое продолжается во всей человеческой истории. Но всякое культурное самодовольство и нечувствительность к страшному суду над культурой есть забвение эсхатологических перспектив христианства.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Переписано с рукописи. Вероятно, конспект доклада, дата не установлена.

² Тезисы доклада, прочитанного на 2-м съезде Лиги православной культуры 22 июня 1931 г. в Монфоре. Печатается впервые.

СУДЬБЫ ЦЕРКВИ

Н.Н. ГЛУБОКОВСКИЙ

Положение Русской Православной Церкви в 1920-х годах

Предисловие к публикации

Крупный русский богослов Николай Никанорович Глубоковский (1863–1937) в эмиграции с 1920 г., приехал в 1923 г. из Сербии в Болгарию, где он прожил последние годы своей жизни, вплоть до своей смерти в Софии 18 марта 1937 г. Все это время он был ординарным профессором Св. Писания Нового Завета на только что открытом (в том же 1923 г.) Богословском факультете Софийского университета; русский профессор жил с женой в самом здании факультета, в специально отведенных ему и приспособленных для жизни комнатах. Н.Н. Глубоковский читал курсы «Введение в Св. Писание Нового Завета», «Толкование Св. Писания Нового Завета», «Новозаветный греческий язык»¹, много писал, публиковался, участвовал в церковной и общественной жизни Болгарии. После себя русский ученый оставил богатый архив, сохраненный признательными болгарскими учениками и друзьями в годы «строительства социализма» и безраздельного господства атеизма.

Рукопись публикуемой ниже статьи была сохранена среди других работ Н.Н. Глубоковского, каким-то образом оказавшихся в составе огромного архива болгарского патриарха Кирилла I (1901–1971, патриарх 1953–1971) и в 1975 г. обособленных в отдельном небольшом архивном фонде. Ру-

копись занимает обычную школьную тетрадь в клеточку (21×17 см, 88 л.), в которых русский богослов любил писать, и представляет собою черновик, испещренный помарками, вставками, вычеркиваниями. К тому же кто-то проделал «превентивную цензуру» над текстом, вытирая резинкой (а потом даже вырезая ножницами!) самые «опасные» места (слова и выражения в адрес большевиков и пр.). Но и это не все: в рукописи отсутствуют две страницы текста — первая, на которой, понятно, было начало статьи, как и ее название, а также соответствующий лист в тетради, связанный с первым. Видимо, в этом можно усмотреть ту же «заботливую» руку, проделавшую и в других рукописях Н.Н. Глубоковского ту же цензурную работу.

Почему так варварски обошлись с рукописью крупного русского богослова?

Как мы полагаем, это было сделано из «наилучших побуждений». А именно, для того чтобы опасный текст все-таки как-то был сохранен для истории и потомков, кому-то показалось, что нужно устранить неласковые выражения в адрес большевиков и установленного им режима. Ведь только из-за этих мест мог быть уничтожен весь текст! Кем была проделана эта превентивная процедура, совершенно неизвестно, но в ней полностью выразилась абсурдная логика тоталитаризма и людей, которые хотели каким-то образом его перехитрить.

Тем не менее текст рукописи Н.Н. Глубоковского восстановлен почти полностью в своем первоизданном виде благодаря публикации статьи в сербском переводе под следующим названием: *Руска Православна Црква и садашњи положај православних цркава, које су се од ње издвојиле* (на Украјини, у Грузији, Польској, Финляндији, Естонији, Латвији и Литви) // *Хришћански Живот*, 1927, №№ 3–12, стр. 98–108, 129–138, 205–208, 245–247 и *„Црква и Живот*, 1928, № 4–5, стр. 172–180.

Утеранный текст дается нами в обратном переводе с сербского и отмечен фигурными скобками {}. При помощи сербского перевода полностью восстановлены и купюры в тексте, отмеченные квадратными скобками []. Мы пользуемся еще и угловыми скобками <>, посредством которых раскрываются сокращенные автором слова в рукописи, а также

отмечаются отсутствующие буквы и слоги в отдельных словах, как и пропущенные предлоги.

Текст приведен к нормам современного русского языка; тем не менее мы старались сохранить все особенности подлинника. Русскому читателю не следует удивляться некоторым «погрешностям» в тексте («чрез» вм. «через», «пред» вм. «перед» и др.): в них можно усмотреть влияние культурно-языкового «окружения» почтенного профессора-богослова, объяснить их интерференцией близкого к родному русскому болгарского языка.

При сравнении рукописи статьи с ее сербским переводом можно заметить, что в некоторых местах перевода есть дополнения, которые отсутствуют в рукописи; возможно, автор вносил их в корректурах. В целом, однако, сербский текст отличается большей сжатостью и лапидарностью; переводчик, который не указан, «упрощал» текст. Нет данных о какой-либо авторизации перевода; если она имела бы место, то автор исправил бы ошибки переводчика при написании некоторых имен.

Судя по многочисленным поправкам и более поздним вставкам и дополнениям (1927 года), Н.Н. Глубоковский придавал своей статье принципиальное значение. Упорной работой над рукописью даже после выхода в свет ее сербского перевода (новые вставки внесены автором другими чернилами и карандашом, а текст был заново разбит на абзацы) русский богослов выразил свою последнюю волю, к соблюдению которой мы стремились, строго придерживаясь ее при нашей реконструкции.

Приятный долг — поблагодарить Ст. Бербатова (Болгария), И. Колпаковского (Македония) и Б. Аврамова за оказанную помощь при подготовке этой непростой публикации.

Болгария, как и другие страны «русского рассеяния», несмотря на тяжелые исторические обстоятельства, приняла и сохранила наследие русской культуры и мысли в эмиграции, в том числе — и высокой богословской мысли. И сейчас отдает его обратно России.

Эмил Димитров

От редакции

В настоящем номере печатается только первая часть неизданной статьи Н.Н. Глубоковского. Во второй части описывается положение Православной Церкви в странах, ранее входивших в Российскую Империю.

За последние годы Русская Православная Церковь пережила такие потрясения, какие мир до сих пор нигде и никогда не видел, потому что доньше мир был морально чувствительнее и не разрешал бесовским вакханалиям развиваться... Эти страшные осложнения помешали внутренней реорганизации Русской Церкви и душили давно начавшейся конструктивной работы в ней — процесс, который шел медленно, но, тем не менее, он был органически неостановимым процессом. В данном направлении особые усилия были приложены в 1905–1906 г.: в это время после внешних и внутренних катастроф (в Японской войне и в так называемой первой русской революции) проявилось сильное и слишком нездоровое стремление все реформировать, а при этом забывалось простое правило, что любое настоящее обновление осуществляется в глубинах индивидуальной человеческой жизни... Это стремление перешло и к Церкви: в октябре 1905 г. поспешили снять с обер-прокурорской должности «отставшего» православного К.П. Победоносцева, а на его месте начали ставить неподходящих «любителей», которые всего лишь хотели себя проявить как можно больше нововведениями (князь Алексей Д. Оболенский).

При таких настроениях было учреждено и с 8 марта 1906 г. начало действовать «Высочайше учрежденное присутствие при Святейшем Синоде для разработки подлежащих рассмотрению на поместном церковном соборе вопросов». По замыслу его основателя, в самом начале в нем господствовал обновленческий тон «общей и полной реформации», который до такой степени несогласен с нормальным историческим развитием, что угрожал вызвать повсеместное разрушение. Поэтому против него выступили авторитетнейшие в то время образованные «либералы» из

научно-богословской среды (например, проф. Е.Е. Голубинский, проф. А.П. Лебедев, проф. Н.С. Суворов). Разумеется, в этом Предсоборном присутствии тоже происходила постоянная борьба двух течений, но, благодаря умелому и благостному руководству председателя, митрополита С.-Петербургского Антония (Вадковского, † 1912, XI, 2), она не получила резкой остроты и способствовала больше тому, что устранялись лишь архаические пережитки и застарелые увлечения...

Главным результатом, приобретенным «по долгому расуждению» (Деян. XV, 7), было принято восстановление патриаршества с автономностью Церкви во внутренних делах, но при тесном союзе с православным Государем и государством, а в общем устройстве признана митрополитская система с разделением на округа и с ограниченной децентрализацией по ним всего управления.

Предсоборное присутствие, закрывшееся 15 декабря 1906 г., оставило огромный, богатый, доселе неисчерпанный материал, изданный в четырех больших томах «Журналов и Протоколов заседаний» его (С.-Петербург, 1906–1907) с «Алфавитным указателем» в особой книге (С.-Петербург, 1909). По воле Государя Императора Николая II, Присутствие должно было подготовить «некоторые преобразования в строе нашей отечественной Церкви, на твердых началах вселенских канонов, для вящего утверждения православия». Ради приспособления всего добытого Присутствием к этим целям было образовано при Св. Синоде специальное Предсоборное Совещание; оно должно и могло взвесить все предсоборные суждения и заготовляло точно сформулированные предложения, которые санкционировались для сего синодальною властью.

Медленно и робко, но верно все дело двигалось к собору. Однако внутренние и внешние обострения не давали свободы для спокойного церковного творчества и тормозили естественный ход, нарушаемый демагогическим вмешательством в церковную жизнь так называемой Государственной Думы, где по церковным вопросам верховодил такой буйный и нелепый анархист, как Владимир Николаевич Львов, бывший первым революционным обер-прокурором с *argumentis baculinis* (буквально!) и «работающий» теперь у

большевиков во славу атеистического коммунизма... Церковь оказывалась как бы в осаде и вынуждалась больше обояряться, чем перестраиваться.

А той порой грянула великая война, поглотившая собою все внимание. Печальный для России результат ее известен: она спасла и своих, и чужих, а сама подверглась легкомысленной революции и полному разложению... Начались психопатические переделки в грубо «демократическом духе». Для Церкви они выразились разгромом прежних устоев и приспособлением к новейшим «лаическим» началам. Церковь теряла государственное положение и объявлялась самостоятельной наравне со всеми другими «верами», но через особо созданное Министерство исповеданий подпадала чисто полицейскому надзору государства, на которое не имела права влиять непосредственно...

Эти тенденции не нашли достаточного осуществления и подверглись законным ограничениям на Всероссийском поместном церковном Соборе, который открылся в Москве 15 августа старого стиля 1917 г., в день Успения Богоматери, и закончился преждевременно 7 (20) сентября 1918 г. среди [большевистских зверств и казней]. Внешние условия не давали ни малейшего спокойствия, а потом стало слишком ясно, что надо спешить с самым важным и необходимым. Собор восстановил патриаршество и 5 ноября 1917 г. в храме Христа Спасителя избрал первым патриархом тогдашнего митрополита Московского Тихона (Белавина), который и был интронизирован 21 ноября по древнему чину в Московском Успенском соборе, сильно поврежденном [большевистскими рикошетами]. Была провозглашена соборная система высшего церковного управления, регулярно созываемыми через три года поместными соборами. На них председательствует ответственный только перед ними патриарх, который в обычное время управляет Церковью по выработанным Соборами нормам и директивам. При нем находятся соподчиненные ему Священный Синод и Высший Церковный Совет с членами, избранными на каждое трехлетие соответствующим собором; они функционируют отдельно и совокупно. На местах учреждалось митрополитское устройство, с провинциальной соборностью.

Было и много других предначертаний, но не суждено было сбыться ничему даже из самого существенного. 4 июля 1917 г. [большевики] вошли в Петроград и скоро овладели всем государственным аппаратом. Они везде проводили свои крайние [атеистическо-коммунистические принципы и деспотически] распространяли их господство в Церкви. По внешности сначала как будто соблюдалась вербальная терпимость новомодных иррелигиозных теорий. Уже с марта 1917 г. [большевистские пре]дтечи стали проповедовать, что всякая религия должна быть «частным делом», которым государство как таковое не интересуется, но оно берет в свое обладание все храмы и «принадлежности культа» и только уступает их для пользования тем или другим общинам на своих собственных условиях. 23 января 1918 г. последовал декрет «о свободе совести и религиозных обществах», вошедший потом в «собрание узаконений» (1918 г., № 18, статья 203) под названием «Об отделении церкви от государства и школы от церкви».

В этом направлении и развивается — по видимости — все [большевистское церковное законодатель]ство, акты коего (по 15 сентября 1926 г.) систематизированы, напр., в сборнике бывшего проф. П.В. Гидриянова². Но действительность была и остается вопиюще противоположною. Христианство не могло превратиться в частное индивидуальное дело, которое никого другого не касается и ничем не отражается в общественной жизни. И Собор, и Патриарх неоднократно и торжественно заявляли прямо обратную идеологию, а она была совершенным и принципиальным отрицанием [большевизма]. В свою очередь последний лишь притворно кричал о своем религиозном индифферентизме, фактически он не хотел и не мог соблюдать его. Он по существу своему абсолютно атеистичен и всецело базируется на безусловном отвержении всякой религиозности, которая не позволяет ему ни утвердиться, ни развиваться, как в политико-экономической области решительною помехой ему служит всякий «буржуазный» строй. Устами [Ленина большевики] провозгласили свой догмат, что «религия есть опиум для народа» и значит — подлежит окончательному истреблению в качестве самого опасного и нетерпимого зла.

[Большевизм] проявляется фанатическим культом [«религии Ленина»], т. е. материалистического безверия и все разрушающей антирелигиозности. Естественно, что, говоря малоумные слова, большевики практиковали самые тиранические дела в отношении Православной Русской Церкви. Прежде всего, они постарались дезорганизовать ее самыми [жестокими] и систематическими гонениями, превзойдя в этом направлении не только всю мировую историю, но и всякое садистическое воображение. Самым ужасным и отвратительным образом буквально уничтожались и архипастыри, и пастыри, и все выдающиеся или заметные из мирян. Здесь [большевистская] кровавая жатва не поддается точному учету, но они сами твердят, что для них в этой области целые тысячи — чистый пустяк, а обязателен лишь ленинский лозунг: «лес рубят — щепки летят». Посему такое изничтожение православной иерархии, духовенства и паствы ни на мгновение не прекращалось, продолжается и сейчас, только увеличивая количество сосланных и заключенных [мучеников христианских], никогда не исчезнет фактически при [злодейских большевиках]: как могут кровавые палачи верующих не «работать», если этим именно обеспечивается все их неестественное бытие?!... Среди «буржуазного океана» под внешними давлениями меняются лишь формы, но всегда господствует [демонический] принцип полного истребления веры и верующих. «Поражают пастырей, чтобы разсеялись овцы стада», а остальную массу берут измором. Духовенство лишено всяких гражданско-политических прав — и активных, и пассивных — и является у [большевиков] стадом париев, которых христианские общины с трудом могут содержать в самом минимальном размере. А прихожане изводились всяческими правоограничениями и лишались самых необходимых общегражданских привилегий по религиозным мотивам, куда относились, напр., посещение богослужений, участие в церковных певческих хорах, совершение церковных браков, крещений (замененных у большевиков «октябринами») и т.п.

Наряду с этими прямыми и косвенными гонениями употреблялись [жестокие меры], чтобы отнять у Православной Церкви материальную возможность существования для «отправления культа». Все храмы, заграбленные «правительст-

вом» и уступаемые «для пользования» разным религиозным общинам, облагались огромными, прямо непосильными таксами, а когда же несколько общин, угнетаемых страшным налоговым ярмом, соединялись вместе, — их начинали душить в геометрической прогрессии... А о результатах легко судить хотя бы по тому, что в Петрограде, не изобиловавшим храмами (по сравнению с Москвой и Киевом), «ликвидировано» таковых (вместе с «домовыми») чуть не до 400. И ни малейшей «государственной» или «народной» надобности в этом не было и не предвиделось. Яркой иллюстрацией служит богохульное дело с отобранием церковных ценностей под видом помощи голодающим, против которого святоотечество энергически протестовало патриарх [Тихон] 13/26 февраля 1922 г., ранее (еще осенью 1921 г.) приглашавший верующих ко всяческим пожертвованиям и вызвавший повсюду соответствующие церковные организации. Самая нужда была несомненна, да только создавалась она исключительно [большевистским режимом] и поддерживалась им, так как в это же самое время большевики бросали умопомрачительные суммы денег на «интернациональные цели»... Но и помимо сего у них было достаточно средств на столь вопиющие потребности, если даже в конце 1925 года они нашли для продажи международным аферистам громадные миллиарды «царских сокровищ», скопленных веками. И все-таки это еще не последние капиталы, оставленные царским попечением...

Понятно, что, находясь в мертвой петле [большевистской тирании], Православная Церковь мучительно боролась за самое свое бытие и с величайшим напряжением поддерживала священный очаг. Тем временем враги окончательно старались угасить мерцающую лампадку и прекратить всякий приток жизненных сил. Отнимались все средства для привлечения и воспитания верующих и для духовно-пастырского руководства ими. Все духовные и церковные школы — от низших до высших — были огульно закрыты, а их здания захвачены для разных подозрительных [коммунистических] приспособлений. Попытки организации самостоятельных духовно-просветительских учреждений не имели успеха, потому что встречали злобную оппозицию «правительственных» церберов из [коммунистических]

тического иудейства] и — в случае временной удачи — вскоре «аннулировались» самыми варварскими способами; так, начавший хорошо развиваться Богословский институт в Петрограде был прихлопнут колоссальными таксами за помещение в собственном патриаршем здании...

Религиозное пополнение паствы стеснено до невероятности, достигающей пределов невозможности. Религиозное «самоопределение» предоставлено людям лишь с 18 лет, а до того времени они считаются во внерелигиозном состоянии, «власть» же просто неистовствует, чтобы использовать его для насаждения и повального [?] торжества атеизма и яростного антихристианства. Молодежь всячески заряжается безбожием и богоборчеством, развращается и свирепствует в атеистической разрушительности, имея к сему все средства, соблазны и поощрения от «миродержателей тьмы века сего»... Напротив, религиозно-христианское воспитание детей почти не осуществимо, ибо разрешается лишь «на дому либо родителям, либо — по поручению последних — посторонним лицам, при условии, чтобы преподавание не отливалось в форму групповых занятий, каковыми должны быть признаваемы всякие занятия в числе свыше трех детей, — безразлично, принадлежат ли они к одной семье или к нескольким». Само собою понятно, что далеко не все родители имеют для сего достаточные знания, способности, удобства и средства, между тем над каждым висит за это жестокая угроза, если за крещение младенца «виновные» подвергаются тяжелым коммунистическим репрессалиям... Преподавание Закона Божия детям (до 18 лет) даже в храмах совсем отменено «разъяснением» 16 июля 1924 г. Русская Церковь — во главе и членах — лишается всяких возможностей увеличения своего состава и живет пока «прежними запасами от старого режима», а будущее... знает один Бог...

Естественно, что при указанных условиях не было ни малейших данных для прочной организованности и регулярного функционирования. Поэтому при [большевиках] совсем нет Церкви в качестве свободно действующего института с признанными правами, хотя бы в своей строго определенной сфере. Таковой не имеется и не допускается, как принципиально «контр-революционной», а существуют лишь единицы верующих, которые не рассыпаются только

потому, что у них есть еще испытанные вожжи. Отсюда фактическое положение Церкви предreshалось в том смысле, что она воплощалась теперь в архипастырях и пастырях. Это – история не учреждения, а лиц. Последние стараются сохранить драгоценные остатки своего достоинства от губительного разрушения, которое является единственною и исключительною «церковною» политикою [коммунистической власти]. Неизбежно, что в результате подобного соотношения сил мы видим мученическую борьбу за веру на одной стороне и неумолимое истребление ее служителей – с другой. [Большевики] стремятся уничтожить все руководящее православное духовенство, а оно одинаково героически гибнет и спасается ради священного наследия. Не было ни одного видного иерарха или иерея, который бы не испытал на себе звериной ярости [коммунистических антихристов], а многие тысячи пролили и свою кровь. Поскольку же все это было во имя высших христианских принципов, законно, что такими огненными испытаниями они еще ярче и сильнее удостоверались в своей неодолимой жизненности. Настоящим и священнейшим примером сего был великий во смирении своем патриарх Тихон, который шел во главе своего воинства Христова как непобедимый великомученик и непостыдный свидетель за истину Христову, умерший от подозрительного [большевистского «лечения»] 25 марта (7 апреля) 1925 г.

Его судьба должна была убедить коммунистических палачей, что в этом направлении они не достигнут желанного успеха, ибо сокращением количества исповедников только увеличивают их качественность, возвышают притягательность веры и закаляют взаимную сплоченность членов. Очевидно, что требовалось разбить эту внутреннюю солидарность и внести самоубийственный раздор в самые церковные центры. На этом теперь и сосредоточиваются большевистские тираны, не оставившие [?] окончательно прежних методов, которыми продолжают пользоваться и оптом, и в розницу. При помощи разных мелких честолюбцев и темных или запятанных субъектов из старого церковно-иерархического состава [большевики] заводят и патронируют разные религиозные новообразования в церковных кругах (напр., Апостольская церковь, Трудовая церковь и

т.п.) и превращают Церковь в «разделившееся царство», чтобы ему нельзя было устоять, если врагами оказываются уже сами домашние... Важнейшим из этих раскольнических формирований были так называемые «обновленцы», которые отделились от своего патриарха, коварно устранили его от управления и заточили в Московский Донской монастырь (в мае 1922 г.), а сами провозгласили «Живую церковь» с синодальным устройством, опирающимся на регулярной соборности — столь же «свободной», как и всякие большевистские конференции, насильственные и тенденциозные... Собственно церковных, «канонических» оснований и оправданий для подобного отделения не усматривается и не предвидится. Это был мятежнический бунт модернистического новаторства, почему святейший Тихон из уз Донского монастыря анафематствовал 6 декабря 1922 г. этот буйный раскол, как это признал и первовиновник его, бывший епископ Антонин (Грановский), который уже в августе решительно откололся от «обновленцев» и образовал свою общину «церковного возрождения», весьма немногочисленную по составу, но обильную всякими чудачествами. Весь вопрос для «живоцерковников» был в отношении к государственной коммунистической власти. Патриарх проповедовал церковную аполитичность и не допускал прямого вмешательства Церкви в собственно гражданскую работу, но возбранял и всякие самочинные приспособления в ней к коммунистическим идеям и разные вольности в богослужении (4–17 ноября 1921 г.), а устремлял все церковное влияние на воспитание душ человеческих. «Обновленцы» избрали своею целью полную «координацию» с правящим коммунизмом. На практике это было немислимо без существенных уступок и accommodations, которые иногда переходили как будто в прямое подчинение и разрешались прислужничеством в пользу и угоду коммунизма. Предлагались: «пересмотр церковной догматики, с целью выделения тех особенностей, которые внесены в нее бывшим в России строем; пересмотр церковной литургики, с целью уяснения и устранения тех наслоений, которые внесены в православное богослужение пережитым союзом церкви и государства, и обеспечение свободы пастырского творчества в области богослужения; пересмотр церковной этики и разработка учения о христи-

анской общественной жизни, применительно к социальным задачам, выдвигаемым переживаемым временем». Равно и группа Антонина «ставит целью осуществление интересов широких верующих низов и масс», утверждая, что «прежние формы и каноны потеряли силу и реставрации не подлежат»; она «признает нравственную правоту социальной революции и ставит своей задачей освящение завоеваний и плодов революции среди народных масс».

Но при полной противоположности исповедуемых начал [атеистического] коммунизма и христианства — гармония между ними являлась совершенно ненатуральной и необходимо вынуждала к идейному пожертв<во>ванию. [Сатанинская] логика неумолимо наклоняла к тому, что предательство Церкви должно было сопровождаться изменой веры. Поэтому сколько прискорбно для нас, столько же неизбежно по ходу вещей, что к началу 1926 г. «обновленцы» стали распространять свой новый кощунственный «символ», который гласит: «Верую во единую великую Силу, сотворившую небо и землю и миры видимые и невидимые; во единое соборное человечество и — среди него — великого человекобога (!?), называвшегося Иисусом Христом, Который... от человек обожествлен был за деяние свое и до неба превознесен был» и т. д. При подобных пантеистических верованиях «живая церковь» теряет даже внешнюю видимость христианской церковности, уничтожив в 1925–1926 гг. монашество как чин церковный и все монастыри, попускавшие и существовавшие доселе под видом «трудовых общин».

Теперь обновленчество не может интересоваться в качестве церковной организации, будучи мнимо религиозной фикцией. Ее конкретное значение ограничивается тем, что она превращается в коммунистическое орудие для разложения Церкви Христовой и здесь способна натворить много зла. Этому способствует прежде всего то, что сама «живая церковь» не открывает прямо своего подлинного лица и в народе выдает себя за православную, а [коммунистическая власть] создает ей всевозможные удобства для утверждения и распространения. С другой стороны, фальшивый престиж ее поддерживается Константинопольскою Патриархией, которая играет трагически-роковую роль в судьбах Православной Русской Церкви, готова себе горькую участь... По-

койный вселенский патриарх Григорий VII († 4/17 ноября 1924 г.) даже требовал (грамотою 6 июня 1924 г.) от святейшего Тихона устранения от престола, освобождая простор и соизволя всяким «обновленческим» экспериментам, но встретил достойный отпор, а теперь якобы лишь одни «живоцерковцы» получили из Константинополя приглашение на предполагавшийся летом 1926 г. «вселенский» собор на Афоне, хотя и сейчас в России «тихоновцев» считаются свыше 85 %, всех же других псевдоцерковников только около 15 %...

Все это бесконечно осложняет самосохранение патриаршей Русской Церкви, которой много мешает и невозможность прочной и открытой организации. Поэтому в конце 1925 г. после ареста патриаршего местоблюстителя, митрополита Крутицкого (в Москве) Петра (Полянского) самовольно образовался «Временный Высший Церковный Совет» под председательством архиепископа Екатеринбургского Григория (Яцковского). Мотивировалось это самочинное деяние необходимостью обеспечения преемственности патриаршего управления на соборных началах, но скоро выяснилось, что есть (по резолюции митр. Петра от 6 декабря 1925 г.) законный правопреемник в лице митрополита Нижегородского Сергия (Страгородского), а переговоры с ним обнаружили, что (сознательно или бессознательно) вышеупомянутый «Церковный Совет» сложился и функционировал под влиянием коммунистической власти. Это сразу подорвало его авто<ритет> и вызвало от<т>оржение многих членов, хотя оставшиеся упорствуют доселе без самонаименованного церковного извинения. Тогда большевики, видя свою неудачу, освободили из ссылки престарелого митрополита Ярославского Агафангела (Преображенского), который, будучи неосведомлен в фактическом положении, заявил свои местоблюстительские права – согласно давнему распоряжению патриарха Тихона. Грозилась новая и тяжелая смута церковная, но, благодаря твердости митр. Сергия и самоотречению митр. Агафангела, она не успела развиться и потом совсем погасла. Теперь единственным законным местоблюстителем всероссийского престола является и признается митр. Сергий, который решительно заявил большевикам, что, не касаясь собственно гражданской сферы, он бу-

дет лишь церковным архипастырем со всею полнотой христианской догматики и морали в их всецелой противоположности атеистическому коммунизму. Как будто большевистская власть принуждена принять его и «регистрировать» в качестве главы «тихоновской» Православной Церкви, чем будет пока обеспечено и вообще преемство высшего, патриаршего управления.

Это — единственное утешение относительно судеб православной России. Впрочем, надежды крайне ничтожные, доколе антихристиански верховодят в ней атеистические большевики. При них положение Русской Православной Церкви было и остается истинно трагическим в целом и частностях. Разные «церковные» новообразования возникают анархически и идут сектантским путем, а — при отсутствии централизующей церковной власти — они множатся на громадном русском просторе без всякой взаимной связи и согласованности, создавая чисто хаотическое разнообразие, правительство же везде покровительствует им в интересах повального [?] церковного разложения, в антихристианских интересах. Вместе с тем начинают работать по-своему и католики, вошедшие в соглашение с большевиками через известного иезуита Мишеля Д'Ербиньи, который недавно уехал в Москву уже в сане епископа и постарается собрать хорошую жатву, где не сеял, — на запущенных и поросших бурьяном русских религиозных полях... Об одной из своих поездок он уже успел написать по-французски и выпустить в авторизованном русском переводе весьма тенденциозную (особенно в отношении «тихоновцев») книжку «Церковная жизнь в Москве» (Париж, 1926). Собственно православная и единственно законная патриаршая («тихоновская») Церковь России в юридически-государственном отношении совсем бесправна, а фактическое ее состояние при большевиках — мученическое.

София (Болгария)
1926, X, 1 (14) — четверг,
Покров Пресвятой Богородицы

Подготовка текста и публикация
ЭМИЛА ДИМИТРОВА

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Алманах на Софийския университет «Св. Климент Охридски». С., 1988 (репринт издания 1940 г.), с. 125.

² *П.В. Гидриянов*. Отделение церкви от государства в С.С.С.Р. Полный сборник декретов, ведомственных распоряжений и определений Верховного суда Р.С.Ф.Р. и других советских социалистических республик: У.С.С.Р., Б.С.С.Р., В.С.Ф.Р., Узбекской и Туркменской. Под редакцией *П.А. Красикова*. Издание третье, вновь переработанное и дополненное узаконениями и распоряжениями по 15 мая 1926 г. Юридическое издательство НКЮ Р.С.Ф.С.Р. Москва — 1926. II + 712 страниц.

Два письма прот. Сергия Булгакова¹

1

12/25. XI. 1921. Олеиз

Дорогие К. Вас-ч и Кл. В-на! Мир и благословение дому Вашему! Как рад я был Вашему письму к В. Ив. и Вашей памяти о нас. Не раз вспоминал я о Вас, о наших последних встречах и беседах в Москве, и вообще о Вашем духовном облике, и о соединившем нас несчастье, которое нас миновало с чудесным спасением Феде² и милостью Бога да минует и Вас. В 1918 г. летом Бог привел наконец осуществить моему долголетнему решению, я стал священником. После этого выехав к семье на месяц, я оказался затем отрезан от севера на годы. Эти годы я здесь священствовал, профессорствовал, работал. Последний же год провожу в состоянии анабиоза, долгое время на волоске от полного истребления, но Бог сохранил нас живыми. Жизнь наша трудная, пришлось работать физически при тяжелых моральных условиях, теперь уже значительно легче. Я получил возможность поступить на приход в Ялте и там теперь священствую. Материально нам все еще тяжело, но духовно уже легче, на север и на кафедру меня пока не пускают, но я надеюсь, что к лету и это изменится, и мы выберемся в Москву или в Киев.

Самое тяжелое в нашем положении то, что прервалось совершенно образование детей в лучшие, незаменимые и решающие годы, но надо терпеть вместе со всем народом. Самое глубокое и искреннее у меня желание, руководившее всеми моими действиями в эти годы, это жить одной жизнью с Россией и не изменить ей во время смертельной болезни, если нужно, то и умереть, но на родной земле. По-прежнему я верю в великое призвание русского народа, обманутого, отравленного, духовно ограбленного. Но все, что теперь развернулось с гадаринским беснованием, я многие годы предвидел, предостерегал, считая неизбежным следствием, хотя тогда не ждал, как никто, до какой степени окажется глубоко это потрясение. Но если мы пережили и пере-

живаем черное чудо, небывалое торжество лжи и зла, то будем чаять и подлинного и единственного чуда Божия — воскресения и преображения. Сие и буди, буди! Господь с Вами! Душевно Ваш, прот. С.Б.

Передайте привет мой Ад. Евг.³, ей я должен был бы предъявить большой идеологический счет истории. Но лично она пострадала и должна быть вразумлена довольно.

За последние годы, м<ежду> прочим, я написал три диалога о современной России, один из них был издан в Киеве в 1918 «На пиру богов»⁴ (как узнаете, с эпиграфом Тютчева).

2

1/12. XI. 1922

Милый и дорогой К.В.

Пишу Вам прощальный привет накануне вынужденного выезда за границу. Благословляю Вас и дом Ваш и люблю. Виноват перед Вами, что так и не ответил на Ваше большое и столь милое письмо. Сначала был потрясен обрушившимся на меня роком, а затем, когда применился, принял это как волю Божию о себе и еду с открытой душой и искренним внутренним интересом. Разумеется, я не хотел бы сложить кости на чужбине (неразб.). Обнимаю Вас с Кл.Вл., дай Вам Бог здравия и долголетия. Любящий Вас прот. С. Булгаков.

Constantinople, poste restante.

Едем все — увы! — кроме Феде, его не пустили. Наши Вас целуют и приветствуют.

Автограф прот. Сергия Булгакова

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Редколлегия Вестника выражает признательность проф. Похитонову, предоставившему эти два письма для публикации. К сожалению, адресаты писем не были нами установлены. Письма были написаны из Крыма, перед тем как отец Сергей был выдворен из России.

² Федор Сергеевич, сын о. Сергия Булгакова (1902–1991). Художник, в 1945 г. женился на Наталье Михайловне Нестеровой, дочери знаменитого художника. Во время гражданской войны заболел возвратным тифом. Госпиталь, в котором он лечился, был занят красными. Впоследствии его не пустили выехать с семьей на Запад. Разлука с сыном была одной из глубоких травм в жизни семьи Булгаковых, особенно после начала 30-х годов, когда переписка с сыном прекратилась ввиду его ссылки в Казахстан по делу «истинно православной церкви».

³ Личность не установлена.

⁴ Два других диалога были изданы, вместе с первым, в эмиграции под общим заглавием «На пиру богов. Pro et contra» (София, 1921).

ВОПРОСЫ ОБЩЕСТВЕННОСТИ

НИКИТА СТРУВЕ

К 40-летию французской студенческой революции: май 1968 года

Ниже мы печатаем два свидетельства очевидцев: выдержки из письма, написанного мною в Россию (вероятно, адресованного Е. Барабанову) под свежим впечатлением начавшихся беспорядков, и из письма писателя Леонида Зурова к Милице Грин, когда майской революции пришел уже конец.

Публикацию писем предваряют несколько моих рассуждений о самой революции. Будучи доцентом в университете Нантер, где она началась, я был ее свидетелем и участником, разумеется – в лагере тех, не слишком многочисленных, кто пытался ей противостать.

Как у всякой революции, причины майской вспышки 68-го года многочисленны и разноплановы: исторические, мировые, местные, политические, случайные. Первая, самая общая – революционная традиция французской современной истории. «Великая» французская революция 1789 г., определившая дальнейший ход истории, и ряд революционных вспышек в XIX веке (в 1830 г. трехдневное восстание опрокинуло династию, в 1848 г. после февральских дней была объявлена республика, последняя вспышка – Коммуна 1870 года – была самая кровопролитная и восстановила республику, отмененную Наполеоном III). С тех пор устоявший-

ся республиканский строй не был уже поколеблен, и потребовалось целых сто лет, чтобы революционный дух снова проявился во Франции. В 60-х годах прошлого века революционные убеждения или веяния крепко еще держались в разных странах. Пятидесятилетний юбилей русской революции был встречен во Франции, на всех уровнях информации, чудовищным восторгом¹. Некоторых Советская власть, частично разоблаченная наследниками Сталина, уже меньше привлекала, хотя и имела в лице послушных ей коммунистических партий мощные рычаги на Западе. А безумные надежды на завершение мировой марксистской революции перекинулись на китайский опыт, и книжечка «мыслей Мао» становилась своего рода библией молодых леваков.

Университет гуманитарных наук в парижском предместье Нантер оказался подходящей почвой для возникновения беспорядков: это был первый университетский «кампус», созданный во Франции в 1964 году наподобие американских, ввиду стремительно развивающегося высшего образования. Выстроен он был на малонаселенном плоскогорье, обслуживался скоростным метро, станция носила оказавшееся несколько пророческим название «Нантер-ля Фоли» (в неуклюжем переводе «Нантер-безумие», в память существовавшего некогда в этом месте «дома для умалишенных»). Университет окружали невозделанные поля, на которых поселились в самодельных лачужках множество эмигрантов из Северной Африки, живой пример социального неравенства. Через год новый университет под наплывом студентов оказался переполнен, особенно на факультетах социологии и психологии, отличавшихся левыми настроениями (существовало даже мнение, что перенаселение, даже у животных, рождает неконтролируемые бунтарские реакции). В университет Нантер перешли из несколько чопорной Сорбонны более либеральные профессора, которые были справедливо убеждены, что пора покончить с излишним авторитаризмом профессорской касты (так называемым *мандафинатом*). Первый декан Нантеровского университета Пьер Грапшен, германист, был в конце войны арестован немцами за участие в Соппротивлении и прославился побегом из поезда, везущего его в Германию. В университете он занимал скромный кабинет, был доступен не только

коллегам, но и студентам и любил разгуливать непринужденно по широким и шумным коридорам только что выстроенного здания. Он был сторонником участия студентов в управлении университетом на разных уровнях и в 1967 году даже добился внутреннего закона, обеспечивающего это участие. Казалось бы, такие реформы должны были предотвратить недовольство и бунтарские стремления, но увы, не всегда так бывает. Ослабление власти, пусть и закономерное, часто обостряет революционные позывы.

Но нантеровское движение было меньше всего озабочено улучшением обстановки в университетах. Оно стремилось, под влиянием различных философских «безбожных» систем (марксизма, структурализма, экзистенциализма Сартра), преобразить все общество, если не всю современную цивилизацию, родившую, по выражению американского мыслителя-публициста Герберта Маркуза, «одномерного человека» (название главной его книги, пользовавшейся большой в те годы популярностью). Мало кто тогда на Западе понимал, что сугубо одномерного человека создали и продолжали создавать советская и маоистская системы... Революция 68-го года была революцией буржуазной, главный ее лозунг был против «потребительского общества», она родилась не от голода, а от сытости, экономически Франция находилась в периоде расцвета (впрочем, почти все упоминаемые нами революции появлялись в годы экономического развития, в определенных случаях нарушенного внешними событиями).

Ход нантеровской, а затем и всепарижской революции, ее начальный успех, а затем и моральное разложение были во многом схожи, несмотря на свои скромные размеры, с тем, что было известно о первых неделях революции 17-го года в России. Обыкновенно Нантеровский бунт обозначают 22-м марта, когда студенты заняли административный корпус. Но еще в конце февраля произошло событие, которое уже предвещало худшее: группа буянивших студентов начала громить какое-то помещение, что заставило декана вызывать полицию, хотя по закону полиция не имела права вторгаться в помещения университета. Студенты вооружились железными шестами, и во избежание столкновения полиция пустилась в бегство. Случайно я был свидетелем этой

сцены и тогда же заключил: теперь, когда повергнуто не столько орудие, сколько символ власти, революция неминуема. После занятия административного корпуса, при полной растерянности возглавителей университета, нетрудно было кучке левых профессоров захватить власть. Живо помнится собрание, где на трибуне восседали захватчики. «Свергнутый» декан сидел среди других в зале, а торжествующий профессор социологии Ален Турен громко заявлял, что выборы будут отныне совершаться не по отдельным категориям, а поголовно, как того требовала революция 89-го года, — в данном случае профессорами, административным персоналом и студентами... Все мы несколько оторопели, не зная как реагировать, но вот вдруг поднялся другой профессор социологии, католик Мишель Крозье — из социально-христианской школы, основанной Э. Мунье, который не побоялся окружающей накаленной атмосферы и тихим, спокойным голосом возразил, что прежде чем решать такой радикальный вопрос, нужно опросить профессоров. Услышан он не был, но он внес в истерию собрания пример храбрости и свидетельство правды: многим с ним согласным он вернул надежду. Появились лозунги «Запрещено запрещать», требования полнейшей сексуальной свободы, надругательства, шельмования. Министерство назначило временным деканом выдающегося философа, человека либеральных взглядов, убежденного христианина (тоже из круга Мунье) Павла Рикера. Студенты-буяны вывесили плакат, в котором обсуждались сексуальные возможности философа, а через несколько дней на него нахлобучили мусорный ящик... Помню его, несмотря на эти издевки, спокойно расхаживающим по коридорам с «красной книжечкой» мыслей Мао в руках и старающимся понять, что же это все значит. Читать лекции было революционными студентами запрещено, они врываются в аудитории и срывают лекции. В русской секции дело обстояло чуть лучше благодаря нашему знанию революционных процессов и немногочисленности наших студентов (мы преподавали в маленьких залах). По чистой случайности в этом году я читал курс о «Бесах» Достоевского, и так студенты увидели на деле, что Достоевский пророчествовал не вслепую. С несколькими студентами я продолжал занятия, ворвавшимся буянам не удалось нас прогнать,

но они окружили нас крепким тыном из стульев... Над университетом развивался красный флаг...

Университетская вакханалия не затихала, охватила Сорбонну, где творилось нечто еще более грязное, чем в Нанттере, перешла на улицу, где шли бесконечные манифестации, требующие ухода правительства и смены президента республики, стычки с полицией. В стране царствовала беспредельная свобода — делай что хочешь, которая многих, трезвых, казалось бы, по взглядам людей, опьянила; это коснулось и христиан, которые поверили в наступление царства Духа. Пользующийся авторитетом католический еженедельник (*Informations catholiques internationales*) сравнивал движение студентов «с навечерием Пятидесятницы» (в этом номере, увы, участвовали и православные). Пятидесятница не наступила. Деградация и разбой превратили университеты в клоаки, даже улица запахла чем-то тлетворным. Стало очевидным, что «свобода без Бога, без высших ценностей имеет только два пути: или превратить свободу в ничто или в жесточайший деспотизм...»².

В революционную игру вступили коммунистическая партия и социалисты, страну охватили повсеместные забастовки, бензин почти исчез или выдавался только тем, кто появлялся красным бантом, магазины опустели, подвоз продуктов был нарушен, а люди делали себе запасы. Власть как бы ступевалась. Многие чиновники покинули свои министерства из страха переворота; поговаривали о возможности установления во Франции «народной демократии» наподобие восточноевропейских. И все же революция окончилась так же неожиданно, как и началась. Будучи революцией буржуазной, она испугала народ, как только стали исчезать продукты из магазинов; будучи революцией без определенной идеологии, она повисла в воздухе; наконец, она встретила во главе страны исторического и государственного деятеля, который было заколебался — не уходить ли, но устоял. Отъезд на двадцать четыре часа в Германию к главнокомандующему французской армией семидесятивосьмилетнего президента де Голля не имел определенных целей, но подействовал магически. На следующий день после его возвращения (30 мая) его верным сторонникам удалось собрать в Париже в поддержку правительства колоссальную манифестацию в

несколько сот тысяч человек, которая и положила конец всем попыткам захватить власть.

Отмечая сорокалетие «68-го года», общественность во Франции ставила вопрос: не принесла ли студенческая революция чего-нибудь положительного? Ответы были разные. Некоторые высказывались в том смысле, что, мол, после нее французское общество стало более раскованным. Но скептики, к которым мы принадлежим, склонны считать, что она была из всех французских революций – самая бесплодная: в университете все осталось более или менее без изменений, политическую власть она не поколебала, идеи, ее вдохновлявшие, испарились. Пожалуй, единственная ее заслуга в том, что устоявшемуся обществу она дала возможность перебеситься без большого ущерба.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. первую часть моей передовицы во французском журнале «Le Messenger Orthodoxe», № 40–41, 1968, р. 1–2.

² См. вторую часть передовицы, там же, стр 3–4.

Письма о революционных событиях 1968 г. во Франции

Письмо Н.А. Струве друзьям в Россию

Дорогие друзья!

Пишу вам в странные и даже страшные дни, которые трудно охарактеризовать и даже описать. Нечто напоминающее Февраль, но с той разницей, что нет войны, нет разложенной армии, нет крушения вековой династии, нет реальных социальных причин: рабочие имеют автомобили, холодильники, телевизоры и т.д. Апофатически нашу революционную неразбериху легче определить, чем катафатически. Все началось с нашего университета, кучка в пятьдесят студентов, еще в январе месяце, начала провоцировать власти разными бесчинствами, что привело к стычкам с полицией и большим единым фронтом против полиции. Идеология этого движения крайне левая, какой-то марксизм китайского типа, а может, и кубинского, а может, и своеобразный вид анархо-марксизма. Правверные коммунисты, в страхе оказаться направо, переключили студенческое движение в плоскость социальную, а затем и политическую, профсоюзы заставили почти всех рабочих бастовать против их воли, так же как и в университетах меньшинство заняло помещения. Вековые традиции университетов, естественно, рухнули, слишком уж они не соответствовали чисто технически требованиям настоящего дня... Занятие университетов кое-где происходило с отвратительными подробностями: в Сорбонне до сих пор идут бешеные оргии. У нас образовался революционный комитет, в который вошла вся мразь, чем она и выявилась с публичной очевидностью; комитет, разумеется, лопнул на следующий день. Сегодня «бешеные» заняли административный корпус вкупе с одним профессором; все остальные и огромная масса студентов продолжают совместно готовить экзамены...

Чем кончится социальное движение, еще трудно сказать; существует мнение, что оно готовилось к 70-му году и

лопнуло преждевременно. Вероятно, правительство устоит и войдет в соглашение с профсоюзами.

Глубокие корни всей этой вспышки различны: тупик буржуазного общества, лишенного идеалов, увлечение интеллигенции марксизмом (прямая связь с празднованием пятидесятилетия), переход Католической Церкви от охранительных позиций к революционным, просоветское и прокитайское направление правительства, психология француза («француз — дитя, он вам, шутя, разрушит трон и даст закон; он быстр, как взор, и пуст, как вздор» и т.д.), его неспособность к созидательной, государственной работе и многие другие политические и социологические причины создали эту небывалую и ни на что не похожую вспышку, лишенную, на первый взгляд, созидательной силы. [...]

Май 1968 г.

Л. Зуров — М. Грин¹

14 июня 1968 г.

Сегодня все вздохнули свободно. А пережито было людьми много. Страх витал над Парижем. Подлинный страх объял горожан. Этого я не чувствовал во время русской революции (ни в 17-м, ни в 18-м годах). Грязь, горы разлагающихся в весеннем воздухе отбросов, обрывки газет (а газеты на глазах покраснели до крайности). Даже «Le Mond» славословил засевших в Сорбонне экстремистов, троцкистов, поклонников Мао и черной анархии. Ведь там были сформированы отряды для разрушения всего во имя голого разрушения. И это были активисты, что сражались с жандармами. Они предлагали пойти и сжечь Луврский музей. И это были студенты вместе с примкнувшей к ним босотой, кокаинистами, отбросами, девчонками, что дрались на улицах, лютовали, а потом занимались свободной любовью. Студент-психолог, выступая, говорил, что надо истребить всех психиатров, тогда не будет больше больных. Затоптанные листки прокламаций, а на стенах — революционные плакаты с яростным призывом захвата власти. Читая газеты, я испытывал

чувство величайшего омерзения. Перекрасилась на ходу и радио-телевизьен. Много накопилось среди интеллигенции, журналистов гнили (снобистической), которая жила, славо-слова надвигающуюся всемирную революцию, к своей собственной гибели.

Одно время все висело буквально на волоске. Еще час — и пропасть с революционными комитетами в университетах, кварталах, партийными домовыми комитетами и, конечно, с хвостами, ржавыми селедками, голодом, хлебными карточками и репой. Инстинктивная тревога тогда охватила миллионы людей. Париж замер. Чудовищная забастовка сковала жизнь богатой страны. Работать я не мог. Я чувствовал, что решается не только судьба французского народа, но и судьба Бельгии, Англии... Ведь это как черная чума. Жил я от газеты до газеты. [...] Движение замерло. Забастовали такси. Кончился бензин. Забастовали все парижские кладбища. Саперы копали в день 100 могил. [...] Очереди перед банками. Выдавали только по 500 франков. Очереди перед магазинами. Парижане быстро раскупили сахар, макароны, постное масло. В табачных лавках все полки были пусты. Настоялся я в очередях. Успел кое-чем запастись. [...]

Теперь все это позади. Париж чист. Все привезли, появились в продаже и сигареты. [...] Такси еще бастуют. Работать начнут в понедельник.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ РАЛ. MS 1068/3119. Леонид Федорович Зуров (1902–1971) — русский эмигрантский писатель, ученик и наследник архива И.А. Бунина; Милица Эдуардовна Грин — друг Л.Ф. Зурова, профессор Эдинбургского университета, наследница архивов Бунина и Зурова.

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО

НИКИТА СТРУВЕ

Слово при вручении литературной премии Александра Солженицына Борису Петровичу Екимову

Мое рассмотрение творчества Б.П. Екимова ограничится двумя томами «Избранного» — правда, увесистыми, по 600 страниц в каждом, изданными в Волгограде в 1998 году. К сожалению, мне не удалось ознакомиться с более поздними произведениями Б. Екимова, а когда я спохватился, чтобы достать его книги последних лет в Москве, то ни в одной лавке их не оказалось, все были распроданы, что, кстати сказать, весьма лестно для автора.

Впервые я познакомился с рассказами Б. Екимова по публикациям в «Новом мире», и меня сразу же поразило не общее выражение не только письма, но и его взгляда на жизнь. Интерес к Борису Петровичу получил новый импульс от фильма «В той стране», снятого Лидией Бобровой в 1997 году по мотивам его рассказов. Удостоенный премиями в России, фильм пользовался и во Франции немалым успехом, на меня он произвел большое впечатление своей правдивостью и человечностью в описании повседневной жизни сельского населения.

Правдивость, разумеется, одно из первичных качеств всякого писателя, достойного этого имени, но она выступа-

ет у Екимова особенно выпукло. Его рассказам безусловно веришь, им доверяешь, что именно так это и было, а если конкретно в деталях не было, то могло бы быть. Правдивость у Екимова не только и не просто правда изображения, но и внутренняя тяга к справедливости на всех уровнях, тяготение действующих лиц его рассказов найти правду о себе, посильный ответ на вопрос, который стоит перед каждым человеком: кто я такой, каким должен быть, чтобы не изменить своему призванию.

«Человеческая комедия», выражаясь по-бальзаковски, разыгрывается у Екимова в самой обыденной жизни, в повседневье, о чем свидетельствуют почти все названия его рассказов: «Доехала благополучно», «За дровами», «Елка для матери», «Еще не лето» и тому подобные. Екимов — писатель обыденности.

Екимов моложе А.И. Солженицына на целых двадцать лет, и трагические события 30–40-х годов (террор 30-х годов, истребивший и простой народ, и элиту, кровопролитнейшая война, послевоенное удушье и снова террор) его непосредственно не коснулись и никак не представлены в его творчестве. Как писатель он созрел в годы безвременщины (70–80-е), к тому же в отдалении от бурливых столиц, где интеллигенция подготовляла и ускоряла падение одряхлевшей советской власти. Не случайно под рассказами Екимова отсутствуют даты, незначительное происходит вне точного отсчета времени.

Не совсем правильно называть Екимова деревенщиком, о трагедии истребленного голодомором крестьянства он не повествует. По профессии, до писательства, он бывший рабочий, затем технарь, выбившийся в школьные учителя. Совхозная, деревенская жизнь, которую он знал и знает, — скудная, трудная, заметно тяготеющая к городу. В нее уже проникли телевизор, мотоциклы, машины. В сельских поселках доживает в основном старый люд, из этой жизни в город многие уезжают в поисках лучшего заработка, в нее возвращаются пенсионеры, мечтающие о своем крестьянском детстве. Традиционных крестьянских обычаев осталось мало, выветрилась религиозная вера, их основавшая. Бог и черт сохранились разве что в речениях. Религиозные мотивы в рассказах Екимова крайне редки, характерен тот факт,

что в издании 1998 года слова Бог, Господь и им подобные пишутся, по советской старинке, с маленькой буквы.

Но тем острее в этой скудной, опустошенной жизни ставится вопрос о человеке. Чем люди живы? И где предел человечности в человеке? Б. Екимов доводит русскую литературную традицию «маленького человека» почти до предела не в социальном расслоении, не в противопоставлении более благополучной среде, а скорее в нравственном, философском смысле. Приведу в качестве примера рассказ «Клавдин». У главного действующего лица *своего* почти ничего не осталось. Зовут его по имени жены, Клавдии, которая его презирает и день-деньской ругает; занятий определенных у него нет, но он не перестает что-то бессмысленно делать, сутелиться, «все так же спешит к своим непрерывным заботам», вплоть до ночных команд, отдаваемых как летом, так и зимой вымышленным людям... Знаменательно заключение автора: при виде Клавдина «вечная, печальная мысль о странности человеческого бытия посещала меня...».

Разумеется, не одни полностью социально, умственно, духовно обнищавшие встречаются в рассказах Екимова. Немало у него маленьких, скромных людей, сумевших осуществить себя. Например, рассказ-повесть «Пастушья звезда» (тем, кто мало знаком с творчеством Екимова, я посоветовал бы начать чтение с этой повести). На первый взгляд она незамысловатая. Герой ее (трудно называть персонажей Екимова героями, до того они по своему положению скромны) — Тимофей, счастливый пастушок в детстве, затем ставший городским рабочим, чтобы прокормить семью. В пенсионном возрасте он возвращается в родные, отцовские и дедовские, места, нанимается пастухом. И в единении с природой, в общении с подростком-сыном его хищного хозяина, в отказе от участия в жульничестве и обмане обретает душевный мир, покой, если не блаженство.

Нечто сходное происходит в повести «Частное расследование» в более продвинутой социальной среде. Лаптев, журналист районной газеты, женатый на врачихе, по просьбе подростка сына, несмотря на угрозы местных начальников, на неодобрение окружающих, включая жену, производит свое частное расследование и восстанавливает честь изгнанной бухгалтерши школы (в чью дочь еще по-детски

влюблен его сын) и обретает, как пастушок Тимофей, душевный мир и радость общения с природой. Человек должен быть или стать нравственно достоин природы: он только тогда входит в полное общение с ней, получает от нее жизнь и уладу, когда совесть его чиста. Природа — в этом смысле она заменяет Екимову понятие личного Бога — вознаграждает усилия человека только тогда, когда совесть его безупречна и деятельна, она передает ему свою красоту и силу.

Видение Екимова прежде всего человекоцентрично, но и не в меньшей мере космоцентрично. Человеку в этой жизни для его счастья предоставлен космос во всем его живом неисчерпаемом богатстве и разнообразии, Екимов природой упоен: времена года, растительность, живность, переливчатость красок неба и земли наполняют страницы его рассказов восторженными, захлебывающимися упоминаниями и описаниями. Екимов не жалеет слов, перечисляя названия растений, птиц, рыб, даже насекомых. Стилистически эти перечисления иной раз утомляют городского читателя, но они находят свое оправдание в желании словесно передать богатство природы.

В богатстве своего языка Екимов — деревенщик. Он творчески передает ту речь, которую воспринял от сельского донского населения, речь живую, подвижную, разноцветную, как и природа. На этом языке не говорит городское население; возможно, он уже исчезает под давлением усредненных информационных средств даже в деревне. Но в попытке не только сохранить, а расширить русский язык, пусть только в деревенском ключе, Б.А. Екимов — сподвижник Александра Солженицына.

15 мая 2008 г.

*110 лет со дня рождения
сестры Иоанны
(Ю.Н. Рейтлингер)*

16 мая нынешнего года в Библиотеке-фонде «Русское Зарубежье» открылась выставка, посвященная 110-летию со дня рождения сестры Иоанны (Юлии Николаевны Рейтлингер). Экспозиция наследия Ю.Н. состояла из двух частей: медонские росписи, спасенные Н.А. Струве, и документальные, мемориальные и графические материалы, подаренные БФРЗ Л.Н. Теренецким и Н.П. Белевцевой (это, прежде всего, Духовный дневник Юлии Николаевны 1928–1932 г., фотоальбомы, личные вещи иконописца, обширная переписка и изобразительные работы, среди которых – портреты о. Сергия Булгакова).

В день открытия выставки на вечер памяти собрались люди как знавшие Ю.Н. при жизни, так и познакомившиеся с ней через иконы, письма, рассказы. Своими воспоминаниями поделились М.А. и Н.А. Струве: «На поясе у сестры Иоанны всегда висела пачка бумаги и карандаш, и она все время рисовала» (М.А.); «Ее визиты всегда были весельем. Она была человеком моцартовского типа» (Н. А.). Об иконах сестры Иоанны, находящихся в православном монастыре в Бюсси-ан-От, а также о духовной близости сестры Иоанны и о. Александра Меня, отраженной в их переписке, рассказала редактор журнала «Христiанос» Н.И. Большакова. Профессор Лингвистического московского государственного университета А.Д. Никольский, друживший с Ю.Н. много лет, сказал, что для него особенно связаны с ее образом «свет и приветливость ласкового лица, открытость к людям и жившая в ней великая радость». А.М. Копировский, искусствовед, профессор Свято-Филаретовского университета, подчеркнул осознание Ю.Н. себя как «иконного живописца», особый путь возрождения ею иконы из живописи. Иконописец О.П. Ерохина вспоминала чудесную историю обнаружения переписки Ю.Н. и о. Александра Меня, увидевшей свет в 2002 г. под названием «Умное небо».

Мы печатаем здесь два доклада, прозвучавшие на этом вечере.

Н.П. БЕЛЕВЦЕВА*

Византия и XX век в «Тайной Вечере» сестры Иоанны (Рейтлингер)

«Елена у меня вышла такая, потому что когда Ал.Вл. мне ее попросил, он быстро набросал ее фигуру, держащую крест, — и я скинула от ассоциации с какими-то лубками, верней, даже олеографиями. А потом вдруг меня осенило — реализм нашего времени должен искать себе отклика в реализме первых веков. (Это моя постоянная идея!) И я пошла — от мозаики! ся времени!»

Из письма сестры Иоанны
Э.Л. Семенцовой
от 19.12.1976**

Побуждением для настоящего сообщения послужила история написания Ю.Н. Рейтлингер одной иконы. Анализ ее прототипа дает возможность проследить процесс творческой переработки сестрой Иоанной древнего византийского образца.

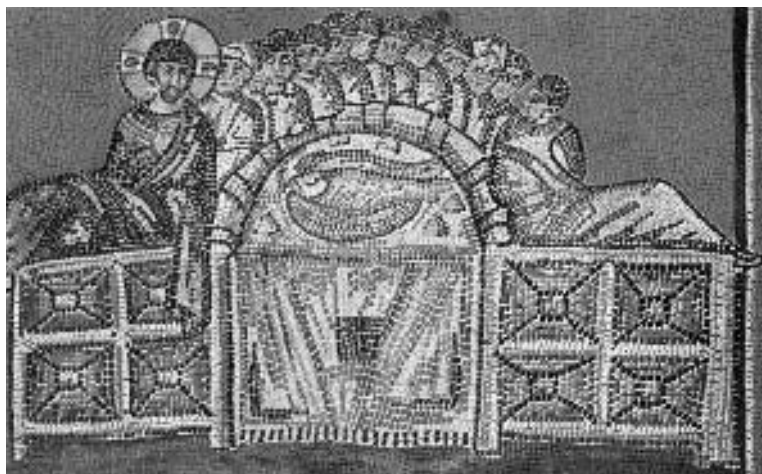
В 1981 г. Юлии Николаевне был заказан триптих — Богородица, Христос, Тайная Вечеря — для молитвенных собраний малой группы в доме друзей. Особенного труда потребовала центральная часть — Тайная Вечеря. Ее эскиз писался в семье ее молодых друзей и, когда триптих был готов, остался у них. Готовая же композиция, послужив какое-то время

* Белевцева Наталья Павловна, литературовед, с 2003 г. сотрудник Общедоступной библиотеки-фонда «Русское Зарубежье» в Москве, хранитель музейного фонда БФРЗ. Много лет состояла в переписке с Ю.Н. Рейтлингер. Куратор выставки.

** Архив БФРЗ: ф. 36, оп. 2, ед. хр. 1, л. 149 об.

делу молитвенного общения, исчезла в ходе обысков и перепрятываний от КГБ в середине 1980-х годов. Таким образом, нам остался только эскиз. Он своеобразен и необычен, в частности в композиционном решении: Иисус Христос со учениками не сидят, как нам привычно, а возлежат за праздничным столом 14-го нисана. Когда эскиз был готов, Ю.Н. показывала его многим и собирала отзывы, говоря: «В своей “Тайной Вечери” я отталкивалась от <...> мозаики шестого века», и показывала изображение «La cena» на открытке, привезенной из Франции. Речь идет о мозаике известного храма св. Аполлинария в Равенне, описанной во многих книгах и, в частности, в статье Натальи Апчинской¹.

На мозаике VI века, искусно выполненной неизвестным мастером, Иисус Христос возлежит, опираясь левой рукой на стол, так же возлежат и двенадцать Его учеников. Учитель облачен в пурпурно-фиолетовую одежду, левая пола которой свисает со скамьи; ученики — в белых одеждах. Они ничем не персонифицированы мастером, и лишь ближайший ко Христу и десятый отличны тем, что светловолосы. Вопреки евангельскому свидетельству, Иоанн на мозаике не возлежит на груди Учителя. Несколько странно также то, что второй из учеников, считая слева направо, помещен ма-

Мозаика в храме св. Аполлинария. Равенна (Италия). VI век

стером почти позади ряда возлежащих. Правая рука Учителя поднята, что можно предположить как восклицание: «Истинно говорю вам, что один из вас предаст Меня». Драма момента отображена противоположением Христа (слева) и Иуды (справа), сидящих в симметричных позах, и направлением глаз одиннадцати учеников: глаза первых четырех, возлежащих рядом со Христом, обращены к Нему, взоры же остальных — вправо, к Иуде, несколько дистанцированному мастером от других. В остальном их фигуры явно статичны, однотипны и не выражают имени.

На пасхальном столе, застланном скатертью, помещены две огромные рыбы и шесть хлебов. Чаша с вином стоит внизу, и в нее с рыб стекает кровь. Фон мозаики выполнен из золотистой смальты, известной еще с античных времен, и символически отвечает полноте Божественной плеромы. Вспомним аналогичные замечательные мозаики Софии Киевской и варварски разрушенной в 30-х годах XX века церкви Архистратига Михаила в Киеве, памятников XI–XII веков, их золотые фоны.

Сестра Иоанна (Рейтлингер). Тайная Вечера

Композиция «возлежания» взята мастером мозаики из еще не остывшей традиции Рима, Греции и Палестины евангельского времени. Нельзя исключить, что было живо и воспоминание о катакомбных евхаристиях, совершаемых возле надгробных плит христиан-мучеников, наверное, с невольным возлежанием. Обычай возлежать за столом евреи могли заимствовать от персов, халдеев, он также имел место в мире греков и римлян. В более древние времена евреи собирались за столом сидя (Быт. 43:33). На семейных пиршествах с участием женщин, слуг, левитов, чужеземцев, вдов, сирот (Втор. 16:1, 13) возлежания, как правило, не было. Возлежание было торжественным или сакральным знаком. «Ученики сделали, как повелел им Иисус, и приготовили пасху. Когда же настал вечер, Он возлег с двенадцатью учениками» (Мф. 26:19–20).

В евангельское время гости возлежали таким образом, что левой рукой они опирались на подушку, сами же они были облачены в верхнюю одежду, у знатных римлян в тогу²; следовательно, вытянутые ноги были прикрыты. Гости приветствовались при входе поцелуем (Лк. 7:45); им омывали ноги и умащали волосы и бороду благовонными маслами: «умастил елеем главу мою» (Пс. 22:5). Тому, чье место было справа, приходилось, следовательно, возлежать у груди левого соседа. Гости возлежали на трехместных скамьях — триклинионах, которые иногда составляли вместе, так что получалось протяженное ложе вокруг стола; такое соединение тоже называлось триклинионом, а помещение пиршества — триклинием. *Почетнейшим местом* на таком триклинионе считалось *среднее*, а *ближайшее* к хозяину было особенным и предоставлялось его *задушевному другу*.

В Евангелии об Иоанне сказано: «Один же из учеников Его, которого любил Иисус, возлежал у груди Иисуса» (Ин. 13:23). На мозаике Иоанн не акцентирован.

Сестра Иоанна, тяготеющая к древней традиции, обращается к раннехристианскому изводу. На ее «Тайной Вечере» Иисус со учениками за сегментообразным столом композиционно сгруппированы так, что фигуры возлежащих напоминают лепестки цветка, хризантемы, центропритягательные равно и к Учителю, и к священной трапезе. Линейную диспозицию фигур равеннского прото-

типа сестра Иоанна заменяет на собирательную, а ракурс повышает, так что воображаемая линия горизонта (в терминах этого предметного мира) оказывается у верхнего поля иконы. Но по закону обратной перспективы в иконописи тем самым Небо становится Высью.

Той же цели мастера служит живописная палитра иконы: белые одежды учеников, белая скатерть, погруженная в охряно-золотистый «воздух» горница; тот же цвет избран для скамей. Этим приемом и евангельский, и исторический факты метафизически переносятся в Божественную плерому. Хитон Христа остается пурпурно-фиолетовым, а белые гиматии учеников приоткрываются: разноцветные хитоны и обнаженные шеи делают будущих апостолов более уязвимыми и одновременно свободными, а композицию более динамичной. Икона сестры Иоанны «говорящая», в ней нет «статичности» мозаичного прототипа, каждая из фигур учеников подвижна, персонифицирована и узнаваема, начиная с Иоанна, припавшего к груди Иисуса, и кончая колеблющимся в своем роковом выборе Иудой (*в центре!*), вместе со всеми вопрошающего: «Не я ли, Господи?»

Нельзя пройти мимо и еще одного приема иконописца. Расположив фигуры в виде лепестков, сестра Иоанна обнажает прежде умытые ноги учеников. Иконно присутствуют и предуготовление, и действие: «...Господи! Тебе ли умывать мои ноги? Иисус сказал ему в ответ: что Я делаю, теперь ты не знаешь, а уразумеешь после» (Ин. 13:6–10).

В отличие от мозаичного прототипа, чаша с вином стоит на столе рядом с двумя рыбами и шестью хлебами: «Сие есть кровь Моя, за вы изливаемая».

В завершение попытки сравнительного анализа древнего образца и иконы сестры Иоанны хотелось бы привести ее размышления на тему соотношения иконописного наследия и задач художественной религиозной практики XX века. Они неоднократно высказывались ею в переписке с друзьями и были собраны Л.Н. Теренцом в Приложении к Автобиографии. Эти документы хранятся теперь в Архиве БФРЗ³.

«...Много думаю о том реализме, который был до 15-го (а не после 17-го), и к нему чувствую себя (и нас вообще) ближе!»

«Мне кажется, что нашей религиозной психологии ближе более древние эпохи (совсем не наших поздних типа Симона Ушакова и др. под.) — я бы не побоялась слова реалистичные, но тут надо оговориться и уяснить значение этого слова, и тем более уяснить разницу символизма и стилизации: искусство по своей природе символично, и в еще большей степени, по своему заданию — символична икона (тут можно говорить о некоем «реасимволизме»). Именно при уходе от символизма в самом способе выражения (Васнецов и под.) икона перестает следовать своему заданию!»

«Когда “стиль” установился и даже на границе “декаданса” — в нем уже много эстетизма, который я в какой-то мере противопоставляю религиозному содержанию и искренности».

«Как наша молитвенная психология отличается от таковой наших предков (поэтому многие молитвы древности нас не удовлетворяют!), так и икона с ее гласом молчания может, а может быть, и должна в наш шумный век иногда... быть трубным гласом. Это очень относится к моим иконам Иоанна Предтечи... (заметьте — тут это даже соприкасается со словами “глас вопиющего в пустыне”!!).

Икона имеет право будить, рассказывать...»

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Наталья Апчинская. Мозаики Равенны // Истина и жизнь. 2002. № 1. С. 53–63.

² *Lat. toga; tegere* — покрывать. Верхняя одежда древнеримских полноправных граждан — длинная белая накидка, носимая так, что правая рука была свободна.

³ Приложение: Ф. 36, оп. 1, ед. хр. 6, л. 43, Дополнение к Приложению: Ф. 36, оп. 1, ед. хр. 6, л. 13, 14.

Т.К. Юдина*
(Лондон)

Сестра Иоанна и Братство св. Албания и преп. Сергия в Англии

Братство святого Албания и преподобного Сергия (The Fellowship of St Alban and St Sergius) было основано в январе 1928 года. Таким образом, в этом году исполнилось восемьдесят лет со «дня рождения» Братства. Его деятельность помогает православным и англиканам лучше узнать друг друга, помогает взаимному духовному обогащению посредством взаимного изучения богословия и богослужения Православной и Англиканской Церквей.

Для того чтобы почтить память председателя Братства святого Албания и преподобного Сергия Уолтера Фрира (епископа Трирского), Братство в 1938 году пригласило сестру Иоанну (Рейтлингер) написать икону Христа Вседержителя с предстоящими – святыми – покровителями Братства.

«Первая поездка в Англию. [1938] Братство св. Албания и преп. Сергия пригласило меня написать триптих для храма в богословском колледже в Mirfield, на севере Англии – дар его этому колледжу. Поехала туда, жила в женском монастыре, откуда автобусом ежедневно ездила работать над триптихом в колледж. Посередине – Спас, по бокам – преп[одобный] Сергий и муч[еник] Албаний. Храм – последнее слово современной англиканской архитектуры. Триптих был огромный и так подавлял своими размерами и своим, может быть, стилем – слишком православный, что

* Юдина Татьяна Константиновна, родилась в Ленинграде, окончила философский факультет ЛГУ, работала экскурсоводом в Русском музее. В начале 2000-го уехала в Англию, в 2000–2002 училась в The Institute of Orthodox Christian Studies in Cambridge; написала книгу о сестре Иоанне, в настоящее время на пенсии.

впоследствии, когда все было готово, вызвал ропот среди руководителей колледжа, как мне рассказывали, почти до раскола. Чем дело кончилось — я не знаю».

Триптих в конце концов был «принят» англиканскими священниками настолько, что он и поныне является (теперь уже — неотъемлемой) частью церкви колледжа и монастыря (общины Воскресения — Community of the Resurrection). Он располагается над алтарём бокового придела церкви — освящённого во имя святителя Василия Великого (329–379).

При создании икон сестра Иоанна всегда придерживалась принципа верности богословскому содержанию образов. Именно оно делает икону — иконой: исповеданием веры в красках. Яркий (во всех смыслах этого слова) пример тому — триптих «Спас Вседержитель».

Огромная, сияющая, светоносная — золото и лазурь — трёхстворчатая икона хорошо видна от входа на хоры, кото-

Триптих

рые в англиканских церквях располагаются внизу, между «кораблём» и алтарём, восходя ступеньками на обе стороны от главного прохода. Во время Великого поста её створки закрыты, тогда на них снаружи можно видеть только крест, написанный во всю их высоту и ширину (почти 2 × 1,25 м). Ширина раскрытого триптиха составляет около 2,5 м. В центральной его части — изображение Христа на небесном престоле. Извод, известный в Византии уже с VI века, в России получил особое распространение в XIV–XV веках под именем «Спас в силах» или «Христос в славе». Это — целый богословский трактат в красках. В древнерусских иконалах такое изображение является центральным. В нём выражается идея предвечной мудрости, силы и славы воскресшего Сына Человеческого. Престол его — символ вселенной, символ видимого и невидимого мира. «Кому открыт корень премудрости? И кто познал искусство ее? Один есть премудрый, весьма страшный, сидящий на престоле Своем, Господь. Он произвел ее и видел и измерил ее и излил ее на все дела Свои и на всякую плоть по дару Своему, и особенно наделил ею любящих Его» (Сир. 1:6–10). «С небес призывает Господь, видит всех сынов человеческих; с престола, на котором восседает, Он призывает на всех, живущих на земле...» (Пс. 32:13–14). Трактовка образа сестрой Иоанной полностью совпадает с канонической и основывается на Писании, Предании и поучениях отцов Церкви. Фон иконы — светло-фисташковый — весенней, с прозрачно-клейкими листочками, земли. На нём хрустально-голубой овал — мир духовный, сфера бесплотных сил; внутри него — овал тёмно-охристый — светозарная энергия мира Божественного. Спаситель восседает на престоле в виде двухцветной (розовый — утренняя заря, золотой — полуденное солнце) радуги. «...и вот, престол стоял на небе, и на престоле был Сидящий; и Сей Сидящий видом был подобен камню яспису и сардису; и радуга вокруг престола, видом подобная смарагду» (Откр. 4:2–3). Радуга символизирует и сферы небесные, и завет между Богом и человеком, который исполнился по воскресении Христа: «Я полагаю радугою Мою в облаке, чтоб она была знамением вечного завета между Мною и между землею» (Быт. 9:13). Вокруг Его головы — золотой нимб со вписанным в него крестом и буквами о, ѿ, ѵ — Сущий (Присно-Вечно-Существующий).

щий). По сторонам нимба, на фоне, помещено сокращённое именование Спасителя: ИС ХС. (В древности, когда ещё не сложился чин освящения икон, образ считался пригодным для богослужения и поклонения после того, как было начертано имя. В онтологическом, надмирном смысле это означает соединение слова и образа – словесного и зрительного откровения Божия.) У ног Спасителя изображены бесплотные силы (в иконографии именуемые престолами) в виде загадочных – огнеподобных-очеподобных – крылатых колёс, согласно видению пророка Иезекииля: «А ободья их – высоки и страшны были они; ободья их у всех четырех вокруг полны были глаз» (Иез. 1:18). В самом низу иконы – прозрачно-серый туман – облака с пульсирующей в них белой нитью молнии: «Господь на небесах поставил престол Свой, и царство Его всем обладает» (Пс. 102:19). Христос изображён в тёмно-зелёном, с проблесками-складками голубого, хитоне – символ Воскресения. Гиматий (плащ; цвет – подсолнечник) золотистыми волнами ниспадает с левого плеча, вокругую фигуры, по коленям и вниз, символизируя сияние-истечение Божественного нетварного света. Правая рука Спасителя – в благословляющем перстосложении.евой Он придерживает раскрытую на словах «Азь есмь воскресение и животь» («Я есть Воскресение и Жизнь») книгу – символ Нового Завета. Центральная часть триптиха, «Спас в силах», показывает Господа Иисуса Христа во всей полноте Его силы и славы, как Владыку всего видимого и невидимого мира, таким, каким Он явится в конце времен. Образ непосредственно связан с эсхатологической темой – Вторым Пришествием Спасителя, страшным Судом, концом времен и грядущим преображением вселенной. Но это – преображение не в смерть, а – в новую жизнь: «...Я пришел не судить мир, но спасти мир» (Ин. 12:47). По словам Симеона Солунского († 1429), «Христос находится на небесах со своими святыми, и с нами теперь, и Он должен еще прийти». Космический аспект Церкви-Христа раскрывается в изображении синергии (сотрудничества) Бога и Человека: в верхних углах средней части триптиха (в 1/16 часть его размера), справа и слева от Спасителя (соответственно) помещены погрудные «иконы в иконе» святого мученика Албания и преподобного Сергия Радонежского, а на внутренней части

створок в полный рост, во всю их высоту – преподобный Серафим Саровский и святитель Василий Великий. В надежде на «добрый ответ на страшном судище Христовом» (ектенья литургии); в надежде на спасение в ответ на покаяние и «метанойю» (перемену сознания, преображение всей жизни), в надежде на особую милость Божию как к ним, так и ко всему человечеству, – молят они Создателя всех: «Пречистому Твоему Образу поклоняемся, Благий, просяще прощения прегрешений наших, Христе Боже: волею бо благоволил еси плотию взыти на крест, да избавиши, яже создал еси, от работы вражия. Тем благодарственно вопием Ти: радости исполнил еси вся Спасе наш, пришедый спасти мир» (тропарь иконе). Оба – и святой Серафим (справа от Спасителя), и святой Василий (слева) – изображены в развороте в 3/4, в традиционном для иконописи приклонённом «предстоянии»: «Главы ваша Господеви приклоните» («Склоните ваши головы перед Господом» – литургия). Фон створок – того же цвета, что и середина триптиха. Позём (условное изображение земли на иконах) – опалово-розовый, такой же как в радуге посередине (занимает 1/5 высоты). Таким образом, общий колорит иконы, единство общего внешнего контура – симметричный полукруг – создают ощущение единого трансцендентного пространства. Фигуры святых – два столпа Истины. Золотые (как у Христа) нимбы вокруг их голов касаются верхнего поля иконы, ноги – нижнего. На преподобном Серафиме – тёмно-фисташковый хитон, поверх него – чёрная ряса и голубая епитрахиль (знаменует особую степень благодати, получаемой в таинстве священства). Правая рука Преподобного прижата к сердцу, в левой он держит чётки – символ монашеского молитвенного подвига. Святитель Василий одет в кофейного цвета хитон, поверх которого – золотисто-крещатый саккос (знаменующий багряницу Спасителя), на плечах – того же цвета омофор (длинный, лентообразный плат, украшенный крестами; обязательная часть епископского облачения – символ его служения). Двумя руками Василий Великий держит закрытую книгу – Евангелие, данное ему от Господа для проповедания Слова.

Эти реальные исторические персонажи, предстоящие в молитве ко Спасителю, заставляют нас задуматься о людях и

событиях, которые стоят за их личностями, и о том времени, которое является для каждого из них настоящим, о том, как осмысляется и освящается ими жизнь всего человечества, и о той внутренней связи, которая существует между всеми членами тела Церкви Небесной.

ИЗ ИСТОРИИ ЭМИГРАЦИИ

НИКИТА СТРУВЕ

Из книги «70 лет русской эмиграции»

*Уступки и компромиссы**

Неправы те течения, которые рассчитывают на эволюцию власти и страны — на победу жизни над догмой.

Илья Фондаминский (1921)

Пассивное выжидание, мучительное своим бездействием, политическая жизнь в закупоренном пространстве, мучительная своей бесцельностью, террористические акты, обезнадеживающие своей безвредностью... Но был еще один путь, который в течение более четверти века, с 1920 года по 1947-й, соблазнял, разделял и ослаблял эмиграцию: путь уступок советскому режиму или, что почти равнозначно, путь компромиссов или сделок с этим режимом. Более распространенный среди левых, но затронувший и правых, путь этот привлекал тем, что вселял в тех, кто ему следовал, иллюзию участия в историческом процессе. Признавая за режимом положительные стороны, пусть еще не раскрыв-

* Продолжение второй главы («Политическая жизнь») из готовящегося издания русской версии книги «70 ans d'émigration russe», Fayard, 1995. Начало см. в № 193 «Вестника». Первую главу см.: Вестник РХД. № 191.

шиеся, способность изменяться, приписывая коммунистическому правительству национальную легитимность, эмигрант думал, что выходит из своей изоляции, выполняет функцию критически настроенной оппозиции и тем самым может принести своей родине пользу.

Берлинский кружок «Мир и труд»

Первый призыв примириться с советским режимом прозвучал еще до окончания гражданской войны в берлинском кружке «Мир и труд», возглавляемом профессором уголовного права В.Б. Станкевичем. Член Партии народных социалистов, служивший комиссаром при Керенском, Станкевич после Октябрьского переворота ушел в подполье, а в августе 1919 г. эмигрировал в Берлин. Станкевич считал, что нужно прекратить вооруженную борьбу с большевиками в надежде, что мир будет способствовать эволюции режима в сторону демократии и откроет путь развитию производительных сил. После поражения белых Станкевич стал просто призывать эмигрантов к возвращению на родину, считая, что будущее их — там, каков бы ни был режим. Призывы его успеха не имели, тем более что сам Станкевич в Россию не вернулся (получив кафедру в Ковенском университете, он спокойно прожил в Латвии до конца Второй мировой войны, когда эмигрировал в США, где и умер в 1974 г.). Тем не менее сотрудники «Мира и труда» приняли в 1921–1922 гг. деятельное участие в издании берлинского ежемесячника «Русская книга» (ставшего затем «Новой русской книгой»), стремящегося сохранить связь между эмиграцией и культурной жизнью в Советской России. Ту же цель преследовал и созданный тогда же в Берлине *Дом искусств*, но мирное сосуществование двух трудно совместимых тенденций — эмигрантской и советской — вскоре оказалось невозможным. Уже осенью 1923 г. и то и другое начинание исчезли.

Смена вех

Сменовеховство имело то общее с «Миром и трудом», что оно, как и берлинский кружок, родилось в среде юридической профессуры, но, в отличие от «Мира и труда», оно носи-

ло уже более явный идеологический характер, что сближает его с последующими примиренческими движениями – евразийством и младороссами.

Упрощая, можно сказать, что каждое из них, отталкиваясь от Запада, признавало советскую власть при условии (а на самом деле всего лишь при желании), что она прибавит себе специфически русские элементы. Сменовеховство гласило: пусть большевизм, лишь бы сильная власть и великая Россия. Евразийство – пусть большевизм, но при русском Православии, которое одно способно дать России душу. Младороссы в 30-х годах еще наименее готовы были признать советскую власть, лишь бы к ней прибавить монархию. А для советской власти существенно было только первое, ее признание, а, разумеется, ни Православие, которое она испепеляла, ни монархию, которую она уничтожила, ни великую Россию, чье имя она упразднила, включать в свою идеологию она не собиралась, хотя и готова была использовать.

Сменовеховство возникло непосредственно из факта поражения Белого движения: сразу после падения Колчака молодой правовец Николай Васильевич Устрялов выпустил в Харбине, куда эмигрировал, сборник статей «В борьбе за Россию», в котором, подобно Станкевичу, призывал прекратить вооруженную борьбу с большевиками, считая, что «по странной диалектике истории советская власть стала национальным фактором современной русской жизни». Лишь бы Россия была «мощна, велика, страшна врагам, остальное приложится». Такое воззвание поразило всех тех, кто знал Устрялова по его принадлежности к кадетской партии (в 1918 г. он был председателем кадетской партии в Калужской области) или по его участию в правительстве Колчака, где он возглавлял информационное бюро. Устрялов оказался тем, кто первый сформулировал и разработал понятие «национал-большевизм». Провал Белого движения был для него провалом не только старого режима, но и молодой «западноевропейской» русской демократии. К Западу у него было очень настороженное отношение, особенно после выдачи Колчака: он был убежден, что Запад был прежде всего заинтересован в ослаблении этой мощи, нужно было именно использовать большевизм. К его позиции примкнул его кол-

лега и близкий друг В. Ключников, тоже профессор права, тоже член кадетской партии, одновременно пацифист и ярый защитник цельности российского государства. Уже в 1918 г. Ключников с удовольствием отмечал, что большевистская власть — против расчленения России, что не помешало ему занять пост министра иностранных дел в правительстве Колчака.

В Праге, с группой единомышленников, он выпустил сборник статей под удачно найденным названием «Смена вех», которое, дав наименование всему движению, претендовало на преемственность с нашумевшим в 1909 г. сборником «Вехи». Однако преемственность эта была мнимая. В «Вехах», во избежание грозящей революции, лучшие мыслители страны предлагали интеллигенции отказаться от систематического противостояния государству. Но это была единственная точка соприкосновения с призывом П. Струве и его единомышленников. Сменовеховцы утверждали примат власти и нации над всеми остальными ценностями. А в «Вехах» главнейший упор делался на возврате к подлинным основам бытия, к Богу, к религии и культуре. «Пойдем в Каноссу, — провозглашал один из самых умеренных сменовеховцев С. Чахотин, — чтобы просвещать народные массы и принять самое деятельное участие в экономическом возрождении страны». Устрялов имел в виду не столько идти в Каноссу, сколько ввести в советский режим, переставший, по его мнению, быть революционным, троянского коня: «Ленин, — писал он, — остается самим собой, идя на все эти компромиссы. Но, оставаясь самим собой, он, несомненно, эволюционирует, то есть принимает из тактических соображений меры, которые бы приняла власть, враждебная большевизму. Чтобы спасти Советы, Москва жертвует коммунизмом. С ее точки зрения, эта жертва временная, но факт налицо». И этот факт надо суметь использовать, чтобы превратить его в реальность постоянную. Другие сотрудники «Смены вех» шли еще дальше Устрялова в наивной мысли, что можно повлиять на большевиков. А. Бобрищев-Пушкин, бывший сотрудник генерала Деникина, эмигрировавший в Монте-Карло, предлагал применить «тактику раба», прибегнуть к миметизму, «этому оружию слабого», дать свои идеи большевикам, убеждая их, что эти идеи их собствен-

ные, и так изменить режим изнутри. Поскольку распространение революции на всю Европу, если не на весь мир, оказывается неизбежным, то почему из патриотических побуждений не согласиться на то, чтобы Россия была во главе этой мировой революции? Лишь бы Россия была мощной, пусть и с большевиками, — таков лейтмотив всех статей сборника.

Сборник сменовеховцев был в эмиграции встречен критически как левыми, так и правыми. П.Б. Струве, которого и Устрялов, и Ключников считали своим учителем, видел в национал-большевизме абсолютное противоречие, поскольку большевизм «объективно антинационален». Национал-большевизм идеализирует большевизм на основании принципов, которые последний отрицает. «В лучшем случае, — писал Струве, — эта идеология национального отчаяния, которая предпочитает распространение большевизма по всему миру, чтобы за Россией не стояла монополия этой отравы».

Сменовеховство было замечено в России, особенно в официальных кругах, воспользовавшихся представившейся возможностью ослабить эмиграцию. «Известия» посвятили ему длинную благожелательную статью, о нем говорилось открыто на конгрессе партии, вышел даже сборник разноречивых статей, ему посвященных... Но из этого не следует заключать, как это сделал в своей книге о национал-большевизме М. Агурский, что советские главари, включая Троцкого, сами соблазнялись национал-большевизмом. Со стороны партии это была лишь тактика. Но внимание, оказанное Москвой, дало сменовеховцам желание и силы развить свое движение: за сборником последовал под тем же названием еженедельник, в котором приняли участие такие именитые сотрудники, как генерал А. Носков и кн. Владимир Львов, бывший обер-прокурор во Временном правительстве. За еженедельником, который прекратился на 20-м номере в марте 1920 г., последовала газета «Накануне» с литературным приложением при сотрудничестве Алексея Толстого, вскоре вернувшегося в Россию. Компромиссные установки распространялись и на другие центры эмиграции (Рига, Хельсинки). В Софии бывший ректор Петербургского университета Э. Гримм ошеломил всех своим отказом от эмиграции... За исключением Устрялова, в сменовеховстве не было крупных личностей или мыслителей. Характер его

был исключительно тактический, отчего почти все его идеологи – Ключников, Бобрищев-Пушкин, Лукьянов – уже в 1923 г. вернулись в Россию (на свою погибель: ни один из них не пережил чисток 1938 г.); один только Устрялов из далекого Харбина, где состоял профессором Юридического факультета, продолжал наблюдать за событиями в СССР и иной раз тонко и трезво их оценивать. Но и он не устоял, соблазнился передышкой после коллективизации, вернулся в 1935 г., вскоре был арестован и погиб в лагере.

Евразийство

Значение и размах евразийства несравнимы со сменовеховством по своему идейному, точнее, идеологическому содержанию (не случайно оно до сих пор пользуется некоторым успехом в России), по яркости его создателей и вдохновителей, молодых и блестящих ученых 30–40 лет, и по кипучей писательской и общественной деятельности, ими развитой. Одно перечисление имен впечатляет: князь Николай Трубецкой, сын и племянник великих философов, Сергея и Евгения Трубецких; Димитрий Святополк-Мирский, сын министра внутренних дел царского правительства, выдающийся литературный критик; Петр Савицкий, экономист-географ, ученик П.Б. Струве; Петр Сувчинский, отменный музыковед (впоследствии друг и сотрудник Пьера Булеза); Владимир Вернадский, сын знаменитого ученого, ставший в США прекрасным историком; Николай Алексеев, выдающийся юрист-философ; на первых порах – богословы Георгий Флоровский и Владимир Ильин, лингвист Р. Якобсон, критик Бицилли. Весь этот блестящий «университет» возглавил после своей высылки в 1922 г. еще молодой, 40-летний, но уже широко известный философ Лев Карсавин. Первый сборник статей и одновременно манифест евразийцев вышел в 1921 г. под броским знаменательным заглавием «Исход к Востоку», в котором содержалось отрицание того фактического «исхода на Запад», каким была эмиграция, и опасное утверждение, что решение всех вопросов следует искать на Востоке, то есть, если мыслить конкретно, а не мечтательно, в советской России. Слишком трудно было высококультурным молодым ученым смириться с фактом про-

вала России. Евразийство родилось из психологической потребности заполнить образовавшееся зияние, отсюда появились, в порядке компенсации, с одной стороны, безудержное антизападничество, с другой — идеализация, если не мифологизация, некоей «дозападной», то есть допетровской, России. Антизападничество приводило, несколько, правда, искусственно, к отрицанию эмиграции: «Нельзя сказать, — писал Савицкий, — что вся интеллигенция изгнана, но можно смело утверждать, что за малыми исключениями изгнана только интеллигенция. Этим изгнанием произнесен грозный приговор той форме западной культуры, которая со времен Петра признавалась непреложной и истинной». Россия — особый мир, не европейский и не азиатский, со своей самобытной ментальностью, со своими законами, целиком повернутый на Восток. Прибегая к этнолингвистическим аргументам, имеющим видимость научных фактов и доказательств, Трубецкой утверждал, что Россия — наследница прежде всего тюркских народов, от которых она восприняла свой психический состав, свою душу: гармоничное соединение между мыслью и деятельностью, между догмой и бытом. Православная вера, унаследованная от Византии, окрасилась у русских в «туранскую» психологию. Татары обрусели, но русские, в свою очередь, «отуранились»...

Эти рискованные гипотезы были бы сравнительно безобидны, если бы не сопровождались полным отрицанием романо-германского Запада и всего того, что в России восходило к западным традициям. Уже в 1920 г. Н. Трубецкой заявлял, что угрожающая миру европеизация есть абсолютное зло, «кошмар», с которым нужно бороться из последних сил. Получалось, что со времен Петра Великого Россия целиком сбилась с пути: озападение России и привело к революции, но если большевизм и является конечным выражением западного духа, из-за чего он должен быть отвергнут, он, тем не менее, осуществил полезное историческое дело, разрушив петровскую Россию. Эта существенная уступка большевизму повлечет за собой и другие и приведет к быстрой «советизации» всего движения. Евразийцы будут отныне колебаться между отвержением большевизма как идейно порочной доктрины и признанием его как явления политически полезного. Так, Трубецкой будет хвалить большеви-

ков за их старания освободить афро-азиатские страны от Запада, но и настаивать на том, что сходство между большевизмом и евразийством чисто внешнее: нет пролетарской или буржуазной культуры, существует только культура национальная. Большевизм по существу разрушитель: он отрицает Бога и религиозные ценности, отчего и погибнет, уступив место евразийству как движению творческому. Но на практике, как бы в противоречии с самим собой, Трубецкой считает, что большевики применяют, правда несовершенным образом, структуры государства будущего, которое должно быть неминуемо идеократическим. Монархический или аристократический строй умер окончательно; демократический, отличающийся своим государственным минимализмом, дряхлеет и разлагается. Только положительная идеология, провозглашенная и проведенная в жизнь единой партией (разумей, евразийской) при помощи избранной камеры (а еще лучше — подобранной по критериям профессиональной годности), будет способна вернуть государству мощь и единство. Будущий строй «покажет совершенно новые, не испробованные формы социальной, экономической, политической, культурной и бытовой жизни», стоит только противопоставить марксизму более истинную и твердую идеологию. Таковой может быть только Православие в его «туранском» облики, которому в прошлом так прекрасно удалось органически соединить частную жизнь, государственный строй и космическое бытие. Вдохновленные своей евразийской ретро-мечтой, воображая, что «история стучится в их двери», евразийцы развили, вероятно не без финансовой помощи советского полпредства, бурную деятельность в виде конгрессов, конференций, собраний, изданий. Было создано свое издательство, выпущено с 1922 по 1931 год семь сборников, один толще другого (последние насчитывают до 500 страниц), выходила периодическая хроника, еженедельник, ряд брошюр, в 1926 г. появился толстый, но недолговечный литературный журнал («Версты»), на обложке которого красовались имена Цветаевой, Ремизова, Шестова, правда, к идеологии евразийства не имевшие прямого отношения.

Смесь радикального антизападничества (чего стоит в сборнике «Россия и латинство» аналогия между католичест-

вом и большевизмом), отрицания исторической России, отчуждения от Белого движения и эмиграции, превознесение якобы положительных сторон большевизма вызвали в самых разных кругах зарубежья, от левых до правых, резкую критику евразийства. Григорий Ландау в «Руле» (№ 628) сравнил Трубецкого с Базаровым и Лениным: «Поздним отголоском базаровщины, по иронии судьбы транспонированной в религиозный ключ, является князь Трубецкой... Чрезвычайное сплюсывающее упрощение и затем выведение прямолинейно-логических последствий из упрощенного — характерно для Ленина и Трубецкого». П.Б. Струве видел в евразийстве «продукт частичного духовного разложения Зарубежья» и потому считал, что оно «может только разлагаться и разлагать» («Возрождение», 26 января 1927). Для Ландау «пружина евразийства не в антропогеографической теории, не в национальной тревоге, а в бездейственном самоутешении». Ему вторил Константин Мочульский: «Вместо горького питья правды, снова вкусный лимонад» («Общее дело», 436:26-X. 1925). Не менее суровой критике подверг евразийские взгляды историк Мстислав Шахматов. Евразийцем он не был, но сочувствовал поначалу их призывам к самобытности и даже печатал в их «Временниках» свои научные статьи. Но после IV «Временника» ему стало ясно, что самое имя «Евразия» есть отвержение тысячелетних достижений русской истории. И для него евразийцы уже не самобытные славянофилы, а новаторы западного покроя, желающие во что бы то ни стало сказать «новое слово» («Возрождение», 6 июня 1925). К этой оценке был близок другой историк, более либерального профиля, А. Кизеветтер: «Евразийцы, — писал он, — напрасно набиваются на родство со славянофилами». Вне евразийского лагеря положительные оценки были крайне редки и почти всегда двусмысленны. Порвавший после нескольких лет сотрудничества с евразийцами Г. Флоровский признавал за ними «правду вопросов, а не ответов». Н. Бердяев, несколько противоречиво, порицал государственный оптимизм евразийцев, но не осуждал их политических установок, полагая, что они уходят от набившего оскомину эмигрантского противостояния правых и левых и открывают постреволюционные перспективы... Но политические выводы из евразийских теорий,

компромиссное отношение к советскому режиму, якобы предвосхищающему евразийскую идеократию, повлекут вскоре, как многие предвидели с самого начала, прямое сотрудничество с советской властью и с ее тайными органами. Естественно, советское правительство обратило пристальное внимание на предприятие, которое придавало его действиям такое положительное значение и так решительно отмежевывалось от эмиграции. Контакты были установлены на самом высоком уровне. В Париже Карсавин как будто встречался с Г. Пятаковым. Испытанным спецслужбам удалось убедить наивных евразийцев, что их движение привилось и в советской России. Петра Савицкого тайно переправили в Россию для участия в мнимом евразийском конгрессе... Агенты ГПУ завязали сношения с более молодыми членами евразийства, которые, не довольствуясь заумными и туманными теориями, жаждали применить свои силы к реальному делу. Политическая радикализация движения, которая была не по сердцу Трубецкому, привела в 1931 году к расколу. Умеренные евразийцы ушли в научную деятельность, более радикальные пошли на службу к советской власти. Князь Д. Святополк-Мирский, преподававший русскую литературу в Лондоне, уверовал в марксизм, примкнул к английской компартии и на свою беду вернулся в СССР. Муж Марины Цветаевой бывший офицер Белого движения Сергей Эфрон и Николай Клепинин, секретарь парижской «ИМКА-Пресс», стали сами агентами ГПУ, приняли деятельное участие в Союзе возвращения на родину, а в 1937 г. после убийства Игнатия Рейсса, советского агента, перешедшего на Запад, в котором были в той или иной степени замешаны, бежали в Россию, где вскоре были репрессированы. Запоздалыми репрессиями можно считать арест Савицкого в Праге в 1945 г. (из мордовских лагерей ему удастся вернуться после смерти Сталина) и арест в 1949 г. в Вильнюсе Карсавина, скончавшегося в 1952 г. в лагере на Дальнем Севере.

Если евразийские теории пользуются в настоящее время в России относительной популярностью, то это происходит по сходным психологическим причинам. Падение советской власти повлекло за собой распад былой империи, Россия перестала быть сверхдержавой, от Запада же пришли разные искушения. Многие нашли в евразийской мечте об

особой судьбе России компенсацию и своему разочарованию, и комплексу неполноценности перед более благополучным и мощным Западом.

Младороссы

Союз молодой России, схожий с евразийством в признании советской власти как потенциально или даже реально национальной, а тем самым и положительной, возник в 1923 г., но вскоре нашел себе более броское наименование «младороссы», по аналогии с «младотурками», национальным и реформистским движением Турции конца XIX века. «Младороссы» были действительно молодой группировкой: большинство членов Союза не успело закончить образование в России. Отчасти по этой причине, в отличие от евразийства, среди младороссов не было выдающихся людей, включая их главу и идеолога Александра Казем-Бека, деятеля динамичного, но сумбурного и ни в чем значительном себя не проявившего. Как и евразийцы, младороссы решительно отмежевывались от эмиграции, считая, что «русское будущее находится в новой России...». «Мы не пытаемся себя утешать, — писал Казем-Бек, — искусственной фикцией России зарубежной. Мы знаем, что этой России не существует, что двух России нет». Как и сменовеховцы, младороссы хотели верить, «что, вопреки собственной идеологии, большевизм вынужден охранять международное бытие России. Конечно, это спящая вода, но, как в сказке, она предохраняет тело богатыря от разложения». Они напрочь отвергали «контрреволюцию не только как возможность, но и как принцип», поскольку «капитуляция революции была бы капитуляцией России». Признавая революцию, младороссы, тем не менее, во главу угла будущей России ставили монархию и выдвинули боевой и более чем парадоксальный, а тем самым и безответственный, лозунг: «Царь плюс советы». Но этого было достаточно, чтобы получить признание и поддержку самопровозглашенного императора великого князя Кирилла Владимировича. Казем-Бек приписывал своему движению весьма влиятельную роль на исторической арене: «Революция продолжается. Она будет продолжаться уже при нашем участии». Более того, с одной стороны, защищая против ев-

разийцев европейское призвание России и дело Петра как начавшего великую революцию, с другой — отвергая буржуазный строй как худший, чем коммунизм, Казем-Бек хвалился, что «синтез Европы и Азии, нашей колыбели и нашей школы, определится Молодой Россией, которая осуществит вызревшую евразийскую мечту». Конечно, легковесность, чтобы не сказать — хлестаковщину подобных претензий можно приписать молодости идеолога: Казем-Беку, подвизшему в 1928 г. первые итоги достижениям своего движения, было всего лишь 26 лет... На растерянную эмигрантскую молодежь эти посулы имели некоторое действие: во Франции приверженцы «Молодой России» насчитывались десятками, появились отделения и в других странах. Было лестно, оставаясь монархистами, стоять «лицом к России» и мечтать о скорой эволюции советского строя. В 1934 г. Союз был превращен в политическую партию, которой предназначалось стать второй российской партией наряду с ВКП(б). Желая придать своей программе социальные задачи, младороссы склонялись к итальянскому фашизму, но, несмотря на антисемитские ноты своих воззваний, в Гитлере видели врага не столько коммунизма, сколько славянского мира, и России в первую очередь. В своей скромной прессе младороссы пытались понять смысл внутривнутрипартийных конфликтов в советской верхушке и возлагали свои надежды на национальное чувство Красной армии. В какой мере ОГПУ интересовалось младороссами и их инфильтрировало, трудно сказать за неимением сведений. Казем-Бек, в начале войны арестованный на короткое время французами, как и многие другие эмигранты, затем перебрался в Америку, развил там патриотическую деятельность, а после войны вернулся в СССР, где два десятка лет работал в отделе внешних сношений Московской Патриархии, вероятно не без одобрения соответствующих органов, но как будто и не без пользы для Церкви...

В 1938 г. младороссы разделились. Некоторые из них, под влиянием И. Фондаминского, пытались выработать другой синтез, между монархией — уже не с советским режимом, явно не переродившимся в конце 1930-х гг., а с демократией. В журнале «Русский временник», объявившем себя «органом независимой монархической мысли», Лев Горбов

утверждал, что «сталинизм, гитлеризм и муссолинизм — члены одной семьи, как бы “три сына Ленина”, по-разному преуспевшие, но обладающие самым бесспорным семейным сходством» (№ 2, стр. 58). Ему вторил философ Лев Закутин: фашизм, переходный режим, впервые примененный Лениным, неизбежно ведет к тоталитаризму, потому что требует себе всего человека. России нужна монархия английского типа с реально представительными органами и полной свободой слова и совести. Но вскоре все эти политические прогнозы и пожелания потонули в грохоте мировой войны.

Как мы видим, политическая жизнь эмиграции была интенсивной и разнообразной, но малодейственной: не находя себе применения на местах, наталкиваясь вовне на непроницаемый железный занавес, она оказалась с годами все более и более тщетной, все менее реальной. Примером разрыва с реальностью служит возникший в 1936 г. журнал «Третья Россия», в котором утверждалось, что «Россия грядущая, третья Россия — носительница нового высшего жизненного идеала, страна в творчестве обретенного “золотого века” — грядущая Атлантида».

«Мы только тени», — горько жаловался Г.П. Федотов, сохранявший политическую трезвость. Обозреватель «Современных записок» Ю. Раппопорт, подводя в 1939 г. итоги, спрашивал себя: зачем столько бесплодных усилий, потраченных на объединение эмиграции? Зачем смехотворные боевые вылазки, заранее обреченные на неудачу? Зачем упорно свидетельствовать об ужасах большевизма, если Запад не менее упорно отказывается о них слушать? На что послужили компромиссы с советской властью, как не на то, чтобы скомпрометировать эмиграцию? Что делать? Этот вечный вопрос русских публицистов все настойчивее звучал под пером изгнанников и не находил ответа.

Накануне войны эмиграция была в растерянности.

Тем не менее, оттого что политические усилия не принесли видимых результатов, как бывает и в нормальном, органическом обществе, не следует поспешно заключать, что они были не нужны. Русская эмиграция, по природе своей политическая, не могла отказаться от своего изначального призвания. Чести ради героические поступки и жертвенные подвиги были необходимы. Споры о непримиримости и со-

глашательстве, о реставрации и непредрежденчестве, о возможности эволюции советской власти, о пораженчестве и оборончестве были полны смысла и богаты поучениями и для будущего. Малейшие уступки большевизму оказались губительны. Но, обратным образом, консервативные позиции, даже сравнительно умеренные, грозили быть бесплодными. Консерватизм, необходимый для уравнивания исторического процесса, в обществе без движения — малодейственен. Плодотворная жизнь в эмиграции, приверженной традициям прошлого, нуждалась в определенной дозе либерализма, что и объясняет творческий успех эсеров в эмиграции.

Сама по себе политика своей сиюминутной конкретностью принадлежит к менее высокому роду деятельности, чем религиозное и культурное делание. Особо отчетливо это проявилось в обществе, лишенном территории и государственности. Пользуясь евангельскими образами, можно сказать: было вполне законным и нужным, чтобы Марфы пеклись о проблемах земного града, даже если этот град в те годы был несколько призрачным, но Марии, которые пренебрегли мирскими делами ради более возвышенных и чистых целей, несомненно избрали лучшую часть...

ДОМИНИК ДЕСАНТИ*

Встречи с матерью Марией: неверующая о святой

Памяти Жана-Туссена Десанти,
так любившего мать Марию

Памяти моего отца,
погибшего от рук нацистов

Предисловие

В восьмидесятилетнем возрасте, неверующая, пишу эту книгу — свою тридцатую и, наверное, последнюю — о святой.

Ничуть не иконописной святой. Она участвовала во всех грозных событиях первой половины двадцатого столетия, включая русскую революцию; дважды была замужем и трижды матерью. Позднее «юродство во Христе» привело ее к отважному погружению в «пустыню человеческих сердец». В оккупированном Париже, отвергнув требования нацистов, она вступила на путь мученичества. Он привел её в концлагерь Равенсбрюк и газовую камеру за месяц и девять дней до заключения перемирия.

С первой встречи я втайне называла ее «моей святой». С февраля 2004 года все русские православные Церкви Западной Европы отмечают 20 июля день памяти матери Марии (Скобцовой), или же, красивее — преподобномученицы матери Марии Парижской.

* Доминик Десанти (Перская) — внучка русского эмигранта, историк, журналист, известная французская писательница, автор биографий Р. Десноса и Ф. Тристана, более двадцати трех романов, среди которых — книги о М. Цветаевой и В. Набокове, об «Арагоне — Эльзе» и С. Делоне. Её последняя книга *La sainte et l'incroyante: rencontres avec mère Marie* (éditions Bayard, 2007) посвящена её встречам с матерью Марией и Гаяной, с которой она дружила вплоть до ее отъезда в Россию. Вниманию читателей предлагаются несколько первых глав в переводе с французского Татьяны Викторовой.

Полный перевод книги готовится к публикации в издательстве «Русский путь».

Французский православный мыслитель Оливье Клеман описывает так её: «Некрасивая, неопрятная, сильная, плотная, крепко сложенная – живая!»

Когда я увидела ее впервые, она не произвела на меня впечатления красивой или некрасивой: высокий стан в черном. Она посмотрела на меня, поскольку я была единственной незнакомкой на вечернем воскресном собрании в ее обители на Лурмель.

Этот взгляд не передал мне ее веры. Но он уверил меня в том, что я существую и что, будучи живой, должна любить живых. Следуя за ним, я преодолела бунтарство и мучительные поиски переходного возраста.

Очень скоро я поняла, что в этом взгляде находили приют все потерянные, затаенные в омут бутылкой, обезумевшие, проститутки, бродяги в лохмотьях.

Она, конечно, любила «близкого» ближнего, но отправлялась и в поиски «дальних», чтобы объять их своим состраданием. Она знала, что вернуть достоинство духу и душе можно лишь насытив и одев тело, когда отверженные будут в состоянии слушать. Заботясь о них, она не боялась запачкать ни руки, ни гордость; переносила их новые падения, их отказы и порой их оскорбления. Она верила в самые невероятные исцеления.

Когда я встретила ее, ей было 44 года и она прошла сквозь бури и грозы.

В моем возрасте она обожала всепоглощающей и целомудренной страстью самого удивительного поэта своего времени, Александра Блока, влияние которого можно сравнить с влиянием Гийома Аполлинера во Франции. Она вышла замуж за молодого почитателя поэта, чтобы спасти его от самоубийства, но быстро оставила его. В 1917 году, разведенная, с ребенком на руках, она активно участвовала в революции и чудом избежала смертного приговора. Страстно влюбилась и вторично вышла замуж за «белого» офицера, познала всю непрочность эмигрантского быта, неся ответственность за мать, троих детей и безработного мужа.

В Париже, в борьбе за ежедневное существование, она потеряла младшую дочь. Её поглотила бездна отчаянья, и она почувствовала себя призванной Христом. Для того что-

бы стать монахиней, ей пришлось выдержать непонятную для близких борьбу.

Когда я встретила ее в 1935 г., ей это удалось, и уже три года как она была монахиней.

Сегодня, погрузившись в штормы её жизни, я знаю, чем неверующая обязана святой.

Как метко отмечает Оливье Клеман, она поняла, что революционеры любили человечество, но не человека. Иначе говоря, стремились улучшить человека, изменив общество.

Иначе представляя себе изменение общества, я пришла к тому же убеждению необходимости борьбы за «нового человека». Она первая показала мне, что нужно во что бы то ни стало защищать свое глубинное убеждение, вопреки собственным сомнениям и минутам отчаяния. Благодаря общению с ней, вдохновленная ею, я защищала убеждения, с которыми она не согласилась бы.

Поэтому мне необходимо было попытаться понять и показать ее жизнь.

Оставим в стороне «по долгу памяти» и тому подобное: «по долгу» пишутся лишь бюрократические бумаги. Писать — это необходимость передать то, что преследует нас.

Мать Мария пребывала во мне и не оставляла меня.

Эта книга стремится оживить память о тех, что были канонизированы вместе с ней: её сына Юрия (отныне — мученика Георгия), священника лурмельской церкви Дмитрия Клепинина (священномученика Димитрия), дочь которого помогла мне написать эту книгу, наконец — соратника матери Марии, обратившегося еврея Ильи Фондаминского (новомученика Илии). Я знала всех четверых.

Это не житие и не роман. Я лишь стремилась в точности понять путь «моей святой».

Дочь монахини

Начало 1935 года. Взгляды Народного фронта начинают волновать политические организации. Обозначаются новые границы: Гитлер с востока и Муссолини с юга. Все в растерянности. Общее оживление молодежи. В бесчисленных кафе говорят больше о политике, чем о скачках.

Мне пятнадцать лет. Я ещё лицеистка, дружу с совершеннoлетним Валентином, выпускником Оксфорда. Он пишет

дипломную работу в Сорбонне. Парижанин, из русской православно-еврейской семьи, он сомневается и в Боге, и в политике. Мой отец не возражал против нашей дружбы, будучи уверенным, что подобные интересы отвлекут нас от флирта. И в самом деле, Валентин скорее играл в «старшего брата». Он предложил мне спуститься в парижские катакомбы, посещать курсы по этнологии и репетиции в консерватории. Но в тот вечер он приготовил мне совсем другой спектакль.

— Я поведу тебя, — сказал он, точно речь шла о билетах в оперу, — на диспут между студентами — христианами и марксистами.

Нужно было взбираться на седьмой этаж по крутой лестнице. Дверь открылась в густой сизый дым и запах пережаренного кофе. В мансарде, сидя на полу и на кровати, шестеро парней и четыре девушки громко спорят. Я с трудом различила несколько имен: Ленин, Барэс, Мальро, Маритен, Жид...

Жид! Еще бы, «Натанаэль, я научу тебя рвению!»

Впервые я была в окружении стольких студентов. Парни были в распахнутых рубашках, девушки — на высоких каблучках. Я словно впервые глотнула вина. Я забилась в угол, меж печуркой и слуховым окном. Чей-то голос предложил каждому назвать свое имя, «организацию, которую он представляет, и кем уполномочен». Я не знала ни одной из аббревиатур, которые они выставляли, как щиты: ХСМ, КИМ, Четвертый, ДСС... (Позже я узнала, что это — Христианская Студенческая Молодежь, Коммунистическая Интернациональная Молодежь, Четвертый Интернационал (троцкисты), Движение Студентов-Социалистов). Сидевшая рядом со мной высокая брюнетка с искрящимся взглядом, непокорного вида и уже очень женственная, бросила с вызывающим смешком:

— Гаяна. РСХД. Русское Студенческое Христианское Движение. Никем не уполномоченная. Мать — православная монахиня. Отец — католический священник. Так что вам понятно, что я на распутье...

В наступившем молчании я крикнула со всей силой моего юношеского бунта:

— Врешь!

Я подумала, что эта девушка с таким красивым ртом хочет спровоцировать присутствующих, чтобы найти свое место в окружающем недоверии. Она улыбнулась:

– Почему вру?

Головы повернулись ко мне, бормотавшей что-то невинное об обете безбрачия. Гаяна спокойно ответила:

– По-твоему, они родились священником и монахиней?

Спор перешел на роль религий и необходимость их демократизации.

Уходя, Валентин представил меня Гаяне Кузьминой-Караваевой. Она предложила ему:

– Приходи в воскресенье на Лурмель! Будем говорить о «вере и социальном вопросе». Ее тоже приводит.

И, обращаясь ко мне:

– Ты по-русски понимаешь?

– Я учу русский в Школе восточных языков.

– Отлично! Это послужит тебе практикой.

Валентин упомянул о моем отце, юристе, полурусском, который хоть и сам был полиглотом, но не стал обучать меня родному языку из боязни, что я плохо интегрируюсь во французскую жизнь. Гаяну это развеселило: она, как и Валентин, свободно владела двумя языками.

На обратном пути Валентин объяснил мне, что такое «Лурмель». На этой улице, в обветшалом доме номер 77, мать Гаяны, ставшая монахиней, основала общину, монашеское общежитие со священником, несколькими монахинями и «пансионерами», которые зачастую не платили за жилье. Ежедневно они там кормят русских безработных эмигрантов, не получающих пособия. Те, кто могут, платят один-два франка. Другие берут обеды в бессрочные кредиты. По воскресеньям в послеобеденное время на Лурмель собираются поэты, философы, богословы всех конфессий, совместно читают или выступают на выбранные темы.

Валентин вернулся к роли «старшего брата»:

– И будь добра, никого не провоцируй и никому не противоречь. Поскольку наверняка ты услышишь то, что тебя возмутит. Да, вот еще что: на эти собрания каждый приносит свой паек: безалкогольный напиток, что-то мясное или сладкое.

Странное место

Я продала в букинистической лавке на бульваре Сен-Мишель красный иллюстрированный трехтомник Дюма и заказала в

русском магазине огромную кулебяку. Валентину пришлось нести длинную коробку по нескончаемым коридорам метро с переходом на ля Мот Пике-Гренель. Мы ехали с зелеными билетами в вагонах второго класса на деревянных сиденьях в пику нашим родителям, ездившим исключительно в удобном первом классе с красными билетами.

Дом 77 на улице Лурмель в два этажа с мансардами даже на этой запущенной улице выделялся своим грязным фасадом. Внутри, в большой общей комнате, свежeweымытый пол пах странной смесью хозяйственного мыла и ладана. На стене — вышивка в стиле Байё, изображающая жизнь царя Давида со средневековыми фигурами, видениями, конями, быками, разукрашенными повозками.

Валентин шепотом объяснил мне, что это работа матери Марии, которая также вышивала иконы, рисовала, писала стихи, прозу и богословские труды. Я слушаю вполуха, пораженная тем, что узнала среди собравшихся близкого друга моего отца, бородача львиного вида, который иногда обращался к нему за консультациями. Мой отец никогда не проявлял иных убеждений, кроме светских, — и вот пожалуйста, я вижу двух людей его круга в монашеской общине! До этого мне представлялось, что русскую политическую эмиграцию раздирают бесчисленные противоречия, которые я мало понимала. «Белые», монархисты — и остальные, которые, в свою очередь, были разделены на меньшевиков, марксистов-антибольшевиков, эсеров, кадетов... с кланами внутри каждой группы. Неожиданно я поняла, что поневоле они составляли некое целое: их объединяет ссылка и статус беженцев, о котором свидетельствовали их «нансеновские» паспорта и те трудности, которые они встречали в получении права на работу. Первый — Илья Фондаминский, состоятельный интеллигент, проживавший на Западе, — вернулся в Россию, чтобы «увидеть революцию», и в итоге сбежал от неё. Еврей по происхождению, он был близок к православным, но считал себя «недостойным» крещения. Второй, Николай Бердяев, был, как я знала, признанным философом — прежде марксистом-революционером, впоследствии — «настигнутым» верой. Он оставался в советской России до 1922, откуда с десятком других интеллектуалов был выслан Лениным на «философском пароходе». В облике этого философа — друга Леона Блуа, Ма-

ритена, Масиньона, Жида, Мартин дю Гара — мне запомнился лишь странный тик: когда он горячился, его подбородок с широко открытым ртом вдруг кривился к плечу. Этот тик, злословили его противники, был последствием одного из его «экстазов». Я слышала его во время выступления на одном из вечеров, куда меня пригласил Фондаминский, чтобы «слушать русскую речь». Мой отец избегал речей этого «истеричного пророка». Русская речь была для меня подобна мелодии, которая узнается, даже если не знаешь продолжения и имени композитора. Бердяев утверждал, что ощущает себя русским по Достоевскому. Он часто цитировал «Легенду о Великом инквизиторе» из *Братьев Карамазовых*. «Как противоречив этот Инквизитор, осуждающий Христа, вернувшегося на землю, за то, что Он дал людям безграничную свободу, — говорил он. — Ибо кто же умеет пользоваться свободой? С другой стороны, какая же правда без свободы? В этой двойственности — вся сила Достоевского как подлинного философа-творца, — заключал Бердяев, — ибо и позиция повествователя, и глубокие мысли персонажа остаются невыясненными до конца».

Встреча с этой эмигрантской «знаменитостью» в религиозной общине мне показалось знаком судьбы.

Гаяна превратила кулебяку в целое событие. Она поместила её посередине стола, покрытого вышитой скатертью, рядом с картофельным салатом, нарезанной колбасой, хлебом и самоваром. Она представила меня высокому улыбающемуся юноше:

— Мой брат Юрий Скобцов. По-французски — Жорж.

В эту минуту все поднялись, приветствуя крепкую женскую фигуру в черном. Из-под апостольника светились широкоскулое лицо, высокий лоб и пухлый улыбающийся рот. Взгляд за узкими немодными очками встретился с глазами единственной незнакомки в группе. Моими.

Позднее я пыталась — ошупью, словно во сне — вновь ощутить воздействие этого взгляда. Слепление? Нет, в нем не было ничего насильственного. Этот взгляд просто утверждал ваше существование. Он одобрял его. Я вижу запятанную, бесформенную рясу, местами в мелких дырочках — явно от сигареты, зажатой между двумя пальцами левой руки рядом с четками на запястье.

«Быть пронзенной взглядом»: я знала это выражение, но до этого была незнакома с самим ощущением. Этот взгляд притягивал, за ним хотелось следовать. Существовать для этого взгляда. Одержимо и преданно. За выпуклыми стеклами очков взгляд «принимал вас во внимание». Он пробуждал вас.

Мать Мария устроилась среди трех пожилых женщин. Две были в монашеском. Лицо самой старшей было испещрено морщинами. Гаяна шепнула:

— Моя бабушка, Софья Борисовна Пиленко. Представь себе, ее предок был последним комендантом Бастилии, Дело-не, голову которого санкюлоты водрузили на пику. Правда!

Больше здесь ничего не могло меня удивить. Даже мать Мария, которая только что достала из кармана зажигалку, такую же, как у моего отца, сделанную в траншеях из гильз снарядов. (Для отца незабываемой осталась битва при Шемен-де-Дам, где его оглушило во время бомбардировки. Он стал пацифистом.) Гаяна представила меня монахине. Она улыбнулась, ее полным губам было словно тесно меж носом и подбородком.

— Милости просим. Мы всегда рады молодежи. Вы учитель русский? Это очень хорошо. Это Вам когда-нибудь пригодится.

Затем — воскресная беседа.

Серая борода Бердяева подергивалась. Его волосы, редкие на макушке, длинные на висках, делали его похожим на старого льва. Его густые и темные брови подчеркивали ритм фразы, подобно семафору. Он действительно показался мне похожим на маяк, и я укоряла себя за эту высокопарную глупость. Он предлагал подписать протест, адресованный митрополиту Московскому Сергию, этому «ставленнику советской власти», осудившему богослова отца Сергия Булгакова, не потрудившись даже прочесть его книгу. Разгоряченность вызвала тик.

— Я не согласен с Булгаковым, хоть он мне и друг. Он — платоник, он не понимает Достоевского, а значит, ничего не понимает в русской идее. Я чувствую себя русским только по Достоевскому. Опасно применять философские понятия к тайне Пресвятой Троицы, как он предлагает! Я постоянно спорю с Владимиром Лосским, который участвовал в составлении обвинительной записки и способствовал осуждению.

Бердяев горячился все больше. Его перебивал и пытался умерить священник, которого все называли отцом Львом. Меня забавлял его французский акцент. Он свободно говорил по-русски, но с большим акцентом, чем я, с трудом выдавливающая русские слова.

— Послушайте, — говорил отец Лев, — задача патриарха Московского — сохранить веру в стране, где богоборчество стало государственной политикой. И даже если в данный момент его не преследуют, не эмигрантам дискредитировать главу Церкви.

Это привело Бердяева в негодование.

— С тех пор как я порвал с марксизмом, я борюсь за новую христианскую эпоху. Я ощущаю связь не с Церковью, а с Христом.

Мой друг Илья Фондаминский прервал его:

— Мы все следуем за Христом; все Церкви ссылаются на Него. Как только они отдаляются от Него, они начинают блуждать. Я, хоть и не крещен, верю во Христа. Он — во мне.

Бердяев повысил тон, и его брови пустились в пляс.

— Без свободы не достигнешь правды. Они неразделимы! Да, неразделимы! Я чувствую себя членом вселенской Церкви! Я убежден, что величайший ученик Христа, выразитель Его страданий, Его красоты — Достоевский.

Я тайно надеялась, что он вот-вот впадет в транс.

Отец Лев передал ему стакан чая, который он поглощал мелкими шумными глотками. Священник предложил матери Марии прочесть свою пьесу «Анна». Она запротестовала: это всего лишь набросок. Наконец она согласилась.

Все поудобнее устроились слушать, подперев руками подбородки, скрестив ноги и полуприкрыв глаза.

Мать Мария читала звучным голосом, но без русской декламации-пафоса. Содержание нетрудно было понять, даже если не все слова доходили до меня. Действие происходило в монастыре. Архимандриту предлагалось разрешить спор, серьезное несогласие между двумя монахинями. Первая, Павла, приняла обет, ища в монастырской жизни созерцания и молитвы. Не в этом ли предназначение монастыря? И какой верующий оспорит силу и важность молитвы? Вторая, Анна, — убеждена, что монахиня должна помогать нуждающимся и идти для этого в мир, что молитва должна стать

действием. Ее призвание в суетном мире принуждает ее следовать путями страждущих и брать на себя, с Божьей помощью, скорби верующих и неверующих. К этому обязываются сегодня те, кто отозвался на зов Божий.

В итоге архимандрит благословляет Анну на скитания, Павла же простирается перед иконостасом. И он вопрошает, не вернется ли странница-Анна однажды в монастырь, сломленная, в поисках покоя и пристанища...

После чтения одна из «ряс» вскричала:

– Да это же история Лурмель!.. Анна – это мать Мария. Но на самом деле мать Мария никого ни о чем не спрашивает. Она сваливает на нас всех этих безработных, бродяг, что ежедневно наводняют общину и сметают всю еду... Изливают часами свои жалобы, вплоть до того, что приходится запаздывать со службами или же сокращать их.

Тема, должно быть, обычная. Отец Лев предложил продолжить после.

– Мы говорим сейчас о театральной пьесе, об... изобретении (он не нашелся, как сказать по-русски «вымысел», «fiction»).

Бердяев дал новый виток дискуссии :

– В этом вся суть вопроса о монашеской жизни: как воплотить веру в условиях изгнания? Изгнания, которое продолжится, даже если некоторые этому не верят. Милая мать Мария, ваша Анна – это, конечно, Вы сами. Но в отличие от Вас она не прожила до этого нескольких жизней, в те времена, когда я звал Вас Лизой и Вы сменили две фамилии. И вот уже не первый год мы с Вами вместе боремся за новое понимание веры, которое и выражает Ваша Анна.

Мать Мария тотчас ответила:

– В наше грозное время монастырь должен очнуться от сна и душевной успокоенности. Христос Сам пошел в мир и ясно указал, что для того, чтобы следовать за Ним, нужно оставить все привычки, всякую косность, все привязанности. Ответить на Его призыв – значит, подобно Ему, идти к тем, кто страждет, и принять на себя их боль.

Дискуссия продолжалась, направляемая Ильей Фондаминским, с его вечным «чудно, чудно, но...». Они поглощали кулебяку, колбасу, каждому предлагалось с полстакана морса.

Потом кто-то вспомнил о последнем поезде метро. Все разом встали, словно вернулись на землю. Мать Мария спросила:

– Кто пойдет во вторник на рынок?

Валентин поднял руку. Я шепотом спросила: а что они делают на рынке?

Мать Мария услышала и с веселой улыбкой ответила:

– На рынке на рассвете мы гоняем «дьяволов».

Все засмеялись. Видимо, шутка была привычной.

Отец Лев объяснил:

– Дьявол – это ручная тележка. Мы складываем туда коробки и мешки с продуктами, что купили по дешевой цене или получили даром у продавцов, чтобы приготовить еду для обездоленных. Для этого нужно хорошее настроение и крепкие руки. И не бояться грубых слов.

– Я пойду.

Я решаю, что, как для обычных ночных походов, проскользну перед рассветом по черной лестнице, от которой у меня были ключи.

Центральный рынок на рассвете

Четыре часа утра. Ветрено. Мелкий косой дождь.

В «матросском» плаще и баскском берете, я встречаю Валентина неподалеку от Сент-Юсташа. Слышался икающий хохот каких-то мужчин. Они перебрасывались фразами, которых мы не различали.

Громыхая солдатскими сапогами, подходит мать Мария, покрытая черной клеенкой, наброшенной на рясу. За ней следует Анатолий, ее неизменный помощник в общегитии. Тощий, беззубый, но крепкий. Мать Мария вытащила его из психушки где-то в провинции. Старый солдат, отправленный на французский фронт и забытый всеми, после длительных скитаний он был арестован за пьяную драку и брошен в дом для умалишенных (тогда их еще не называли «психиатрическими больницами»). Ему никак не удавалось объясниться: никто не говорил по-русски. Гаяна называла его «волком, ставшим сторожевым псом». Он же добавлял: «Она мне – мать. В окопах и сумасшедших домах я побывал в аду. Мать вытащила меня оттуда и вернула к жизни». Анатолий умел лихо маневрировать по рынку между грудями коробок,

рядами ящиков и мешков, между стеклянными павильонами и металлическими навесами, ярко освещенными электричеством или же слабой газовой лампой.

Мужчина в старомодной деревенской рубахе с медальоном на шее, из рыночных «силачей», крикнул матери Марии: – Начинаете с мяса, матушка! Чайки прилетели.

Он громко зовет: «Три дьявола и торбу!»

Из группы выделяются трое тележечников и оборванец с корзиной. Мать Мария увлекает свою бригаду к навесу, где носильщики взялись за дело. Их фартуки запятнаны кровью бараньих и бычьих туш, закинутых на плечо. Под навесом уже орудуют две монахини ордена св. Вансена де Поля, «чайки», – в широких юбках, с «крыльями» накидок, чуть промокшими от дождя. Они окружают мясника.

– Послушайте, сестры, в субботу я уже внес свою лепту.

Они пытаются убедить его. Он приветствует мать Марию.

– Вам, русская.

Легкий певучий акцент монахини придает самым простым ее фразам неотложность. Прежде чем приступить к мясу, она защищает русских, арендовавших тележки и торбы, но которых все равно не нанимают на работу:

– Представьте, вы – безработный в стране, где ваш язык ни к чему. Чем живут в обществе? Словом. А если у вас его нет?

Продавец ворчит:

– На рынке для этой работы нужны лишь ноги да спина.

Она настаивает:

– Их десяток для любой работы, а рыночные «силачи» предпочитают французов, потому что те говорят на жаргоне.

– Послушай, они сколько здесь, эти русские? Они могли выучить язык!

Мать Мария выпрямляется, принимает царственный вид:

– Они были посланы русским царем помочь Франции!

Большинство из них даже не знали о её существовании. Все переменялось в их стране, они ей больше не нужны, они боятся её. Апатриды. Без родины. Полиция же глумится над ними.

Мясник ворчит, что этим шпикам нельзя доверять. Нашли двоих, что припрятали бутылки и кур под накидками. Стыдоба!

Он выносит свои дары и советует отправиться к кафе «Сен-Юсташ», где один продавец, у которого плохо идут овощи, отдаст их по дешёвой цене. «Овощи плохо хранятся».

С этого вечера я поняла тактику матери Марии, осознанную или нет. Всякого, рыночного продавца или богослова, она побуждала к усилию, которое пробудило бы в нем лучшее. Любая помощь была для нее частью целого, всеми осознаваемого, как она надеялась. Кормить обездоленных или свидетельствовать о вере делами означало для неё содействовать необходимой солидарности, стремится ко всё большей человечности. Таким образом, она придавала величие самому простому поступку, и ей удавалось поднять человека на должную высоту.

Огромной торговке, зычно кричавшей: «Овощь покупаем, красавицами станем! Брюнетки и блондинки! Наполните корзинки!» — я решила бросить:

— А тому, кто без гроша, они вернут цвет лица!

Рыночная торговка расхохоталась. Я объясняю ей, почему мы здесь, и она загружает мне руки пучками порея.

Быстрый взгляд матери Марии.

— Отлично! То, что нужно.

Мы перед дверью дома священников Сен-Юсташа. Две таблички: «Дьяволы напрокат» и «Звонок для таинств. Исповедь». Я давлюсь от смеха. Мать Мария:

— В первый раз я тоже сильно смеялась.

Серая зоря медленно поднимается из ночи над усталостью людей. Я жалею, что не видела, как разгружают арпажонский поезд, что привозит на рынок продукты из близлежащих деревень, пересекая Париж по трамвайным рельсам. Рынок кончает работу. Повсюду беспорядок. Последние грузовики, припаркованные на близлежащих улицах, загружаются с тележек последних носильщиков и покрываются брезентом. Позднее я понимаю, что суматоха и кажущийся беспорядок рынка скрывают четко продуманную иерархию. Власть принадлежит оптовикам и полуоптовикам, но также и «силачам» — грузчикам, объединенным в официальную корпорацию. Крикуны, хвастуны, охотники до вина и драк, они прошли по конкурсу и были зарегистрированы в префекту-

ре. «Не имеющие судимости», «умеющие читать, писать и считать», в серых или голубых рубашках с опознавательным знаком на груди. Носильщик-«силач» должен быть в состоянии переносить «гроб» в сто тридцать килограммов (коробку с 1440 яйцами) для оптовиков-молочников. Они нанимали простых рабочих по своей цене, среди которых были «погонщики дьяволов», носильщики двухметровых торб или коромысел с прицепленными пучками птиц и корзины с овощами. Полиция закрывала глаза на этих нанятых по случаю, без официального разрешения. Среди них, на углу улиц Рамбюто и Мондетур, найма ожидали несколько русских.

Мать Мария бросает им на ходу:

— Удачи!

Под фонарями меня позабавили женщины в высоких сапогах и коротких плиссированных юбках, предлагавшие свои услуги работникам чрева Парижа.

Внезапно, между грудой ящиков и фонарем, раздался крик:

— Мать, мать Мария!

— Это ты, Танечка?

И мать Мария, бросив своего «дьявола», протянула руку к девице, покрытой макияжем, одетой, как и все, в высокие сапоги и плиссированную юбку. С подбитым глазом, мокрым носом, она плакала и бормотала что-то невнятное на русско-французском, прерываемом икотой.

— Снова пила? — замечает монахиня.

Девушка поднимает рукава и показывает руки — щепки в синяках.

— Избили? Но ты же прекрасно знаешь, что здесь бьют...

— У меня красный билет, и они выдают меня, — всхлипывала девушка.

— Хочешь, вернемся к нам?

Девушка съёживается — комочек горя под фонарём. Она рыдает и мотает головой.

Мать Мария зовет Анатолия, помощника на все руки, бывшего алкоголика. Он тянет юную проститутку за тонкую руку, поднимает ее и приказывает:

— Давай, пошли!

Она следует за ними, не прекращая рыданий, спотыкаясь на своих высоких каблуках.

Гаяна позже рассказала мне об этой малолетней беглянке, брошенной родителями-эмигрантами. Она одна из первых нашла приют в общежитии матери Марии на Вилла-де-Сакс. Из-за этой больной проститутки, почти ребёнка, одна из монахинь, возмущившись, ушла из общины и уведомила митрополита Евлогия о «скандальном сожительстве» монахинь и «развратниц». Гаяна добавила, смеясь:

— Вот пример того, что моя мать уделяет больше внимания всяким «отбросам общества», чем собственным детям. Она этого даже не отрицает и говорит: «Мы всегда найдем в себе силы, чтобы выкрутиться. Им же силы—то и не хватает». Прикинь, просто ли жить с ней. Однажды я обнаружила, что мой кошелек исчез. Я потребовала, чтобы малолетка, которую часто заставляли за кражей, убиралась вон из общежития. Или она, или я. Тогда мать спрятала сумму, о которой шла речь, под подушку и сделала вид, что нашла ее, меня же пристыдила за подозрительность. Это даже смешно, поскольку сумма-то была та, но новенькими билетами и в другом кошельке. Вот моя мать. Ради своей справедливости она готова солгать. Вот так-то!

Продолжение истории не оправдало ожиданий матери Марии. Вылечившись, малолетка сбежала и снова попала на панель, которую ненавидела.

— Что за красный билет?

— Это значит, что при обязательном медосмотре её признали больной. Так что она не имеет права завлекать и иметь клиентов. Другие показывают белый билет. Сутенёры, сводники, будто защитники, на деле — осведомители полиции.

Проституция для меня, бунтующего подростка, была ужасающей тайной. Многие из моего круга считали, что, живи мы во времена античной Греции, мы стали бы гетерами — единственными свободными женщинами. Моему восхищению перед матерью Марией не было предела: выдерживать упреки начальства из-за маленькой упрямой сучки...

— Твоя мать поступает как Христос.

Гаяна ответила:

— Она не Христос. В лучшем случае — Мария Магдалина. Впрочем, она говорит, что в предании ошибка и что Мария Магдалина не была проституткой.

ПАМЯТИ УШЕДШИХ

Александр Николаевич Богословский (26.03.1937 – 11.08.2008)

На семьдесят втором году жизни в Москве скончался культуролог Александр Николаевич Богословский, друг и распространитель «Вестника РХД», один из первых – еще в *советской* России – знатоков Русского Зарубежья, его жизнедеятельности и культуры.

Предки Александра Николаевича были из коренной среды верхневолжского духовенства, отец же – Николай Вениаминович Богословский – литературовед, автор книг о Пушкине и Тургеневе.

После окончания Историко-архивного института Александр Николаевич работал в Книжной палате, ЦГАЛИ, занимался зарубежной частью наследия Ивана Бунина.

В 1984 году у Богословского госбезопасность провела обыск, три года он отбывал срок в уральских лагерях. Ему вменялось за государственное преступление составление подробной библиографии эмигрантского поэта «парижской ноты» Бориса Поплавского, упомянутые там книги и заграничные русские издания исследователю приписали как распространение антисоветских материалов.

С 1979 года Богословский – представитель «Вестника РХД» в России, в середине 1990-х – сотрудник солженицынского Фонда помощи политзаключенным. Автор библиографических статей для словарей и энциклопедий, сопроводительных текстов и высококвалифицированных примечаний.

Он мог бы сделать и больше, но сложности частной жизни увлекли этого до мозга костей русского человека в стихию существования вне семьи. После десяти лет отсутствия он вернулся в дом. Умирал мучительно, от редкой болезни: инфаркта легких.

В облике его замечательно сочетались неброский аристократизм — с простоватостью, мешковатость — с энергией, флегматичность — с энтузиазмом. Это была примечательная фигура как на излете советской власти, так и в хаотичные 1990-е.

В судьбе его есть что-то эмблематичное, разом соответствующее и национальному характеру, и общей утонченной культуре.

Мир его праху!

Юрий Кублановский

15.09.2008. Париж

ХРОНИКА

Осенний съезд РСХД (Париж)

4–5 октября под Парижем, в живописном местечке Луази (недалеко от Санлиса) состоялся осенний съезд РСХД на тему «Московский Собор 1917–1918 гг.». В съезде приняли участие около шестидесяти человек во главе с архиепископом Гавриилом. Основная программа состояла из четырех докладов, осветивших разные аспекты реформаторской деятельности Собора: восстановление патриаршества, обсуждение проблем соборности, обновления приходской жизни, монашества, богословского образования, миссионерской деятельности и богослужебного языка, размышления о взаимоотношениях Церкви и государства. Доклады коснулись также восприятия и применения постановлений Собора в советский период.

Первый день начался с выступления Никиты Струве. Доклад был посвящен теме «Московский Собор и его предпосылки (1905–1918)». Определив Собор как «пророческое событие», докладчик рассмотрел его предысторию в историческом контексте и его интенсивную подготовку в разных течениях второй половины XIX века. Докладчик особо подчеркнул экклезиологическое значение Собора, сказавшееся не столько в практических результатах, сколько в постановке вопроса о природе Церкви.

Далее выступил отец Павел Адельгейм, ныне священник во Пскове, а в начале 1970-х годов осужденный на три года лагерных работ за активную пастырскую деятельность в Ташкентской епархии. Он говорил об «Актуальности Собора для Церкви в России». Представив путь, пройденный Русской Православной Церковью в течение последних девяти-

ста лет, начиная с Собора 1917 года до последней епископской ассамблеи в июне 2008 года, он напомнил об условиях жизни Церкви при коммунистическом режиме, воспрепятствовавших распространению решений Собора в советской России.

Анализируя современное положение, отец Павел выразил сожаление, что, несмотря на падение советской власти, не было совершено никаких попыток установить соборность в церковной жизни, вопреки решениям Собора 1917 года. Напротив, ни о какой «соборной структуре» не упоминается в текстах, принятых Московским Патриархатом в 2000 году (в частности, в «Социальной доктрине Церкви»). В епархиальной жизни это ведет к злоупотреблениям епископской власти, которая не может быть оспорена священником: в таком положении он сам находится в течение многих лет в Псковской епархии. После вечерней службы отец Павел рассказал о нескольких эпизодах из своей жизни, в частности — об обучении в Киевской семинарии в конце 1950-х годов, пребывании в концлагере и пастырской деятельности в Пскове.

На следующий день, после литургии, прозвучало сообщение доминиканского священника Дестивеля, директора парижского центра «Истина», автора книги о московском Соборе¹. Докладчик осветил «восприятие Собора 1917 года на Западе» представителями так называемой «парижской богословской школы» (в частности, о. Николаем Афанасьевым и о. Иоанном Мейендорфом) и проанализировал практическое применение решений Собора во внутренней организации приходов архиепископии Русской Православной Церкви в Западной Европе.

Четвертым стало выступление председателя РСХД Кирилла Сологуба, посвященное теме «Собор и РСХД». Он напомнил о прямой связи, существующей между основанием в 1923 году Русского Студенческого Христианского Движения и Собором 1917–1918 гг., который явился важным стимулом в создании Движения. Он проследил, как РСХД и архиепископия восприняли не столько решения Собора, сколько его дух. Он выделил три аспекта Собора, которые стали основополагающими для создания Движения: соборность (что отражено в структуре Движения существованием «кружков» и

молитвенных групп), открытость миру и современности и богословское воспитание, которое составляет одну из главных задач Движения и вытекает из осознания ответственности каждого православного за судьбы Церкви и ее посланничество в мир. Наконец, он рассказал, как на протяжении всей своей истории Движение пыталось найти оригинальные формы богословского воспитания молодежи.

В заключение отец Кристоф Алозьё, священник брюссельского прихода, ответственный за религиозное преподавание в брюссельских школах, представил Собор как новую веху в церковной жизни. Прерванная советской властью работа Собора, на его взгляд, не позволяет выносить твердого суждения относительно его окончательных «юридических» решений, что только подчеркивает его пророческий характер.

Мысль о созыве всеобщего Церковного Собора в России звучала с 1905 года и сопровождалась обширнейшей подготовительной работой (включавшей, в частности, совещания епископов, собрания богословов и исследовательских комиссий). Тем не менее Собор смог реально собраться в Москве только после падения царского режима. В нем участвовали не только епископы, но и священники и миряне каждой епархии, равно как монахи и богословы. Собор задал обширную программу по реформе русской Церкви, наиболее известным пунктом которой стало восстановление патриаршества, упраздненного Петром Великим в начале XVIII века. В драматических условиях Октябрьской революции и растущей враждебности большевистского правительства Собору удалось трижды собраться в период с августа 1917-го по сентябрь 1918-го, после чего он вынужден был прервать свою работу, результатами которой, тем не менее, стали литургическая реформа, использование русского перевода Писания, развитие катехизаторской и миссионерской деятельности.

(SOP (*Service Orthodoxe de Presse*, novembre 2008) № 332)

Перевод Т. ВЕКТОРОВОЙ

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ *Hyacinthe Destivelle. Le Concile de Moscou (1917–1918). La création des institutions conciliaires de l'église orthodoxe russe, Cerf, 2006.*

СОДЕРЖАНИЕ

К кончине А.И. Солженицына

Памяти Солженицына — <i>Никита Струве</i>	3
Солженицын для будущего — <i>Ольга Седакова</i>	5
Воспоминание о Вермонте — <i>Юрий Кублановский</i>	9
Мои первые встречи с Солженицыным — <i>Никита Струве</i>	10
Из переписки прот. Александра Шмемана и Н.А. Струве.	17

БОГОСЛОВИЕ И ФИЛОСОФИЯ

Перевод Псалтири (<i>Псалмы 128–141</i>) — <i>Георгий Федотов</i>	22
---	----

*К 25-летию кончины прот. Александра Шмемана
(1921–1983)*

К вопросу о литургической практике — <i>прот. Александр Шмеман</i>	33
---	----

*К 100-летию кончины Н.Н. Неплюева
(1851–1908)*

Главным его даром было сердце, чуткое к любви — <i>Наталья Игнатович</i>	49
---	----

*К 100-летию со дня рождения Симоны Вейль
(1909–1943)*

Отче наш — <i>Симона Вейль</i>	67
--	----

*К 60-летию кончины Николая Бердяева
(1874–1948)*

О Церкви — <i>Николай Бердяев</i>	76
Культура и апокалипсис — <i>Николай Бердяев</i>	78

СУДЬБЫ ЦЕРКВИ

Положение Русской Православной Церкви в 1920-х годах — <i>Н.Н. Глубоковский</i>	82
--	----

Два письма прот. Сергея Булгакова	98
---	----

ВОПРОСЫ ОБЩЕСТВЕННОСТИ

К 40-летию французской студенческой революции: май 1968 года — <i>Никита Струве</i>	101
Письма о революционных событиях 1968 г. во Франции — <i>Н.А. Струве, Л.Ф. Зуров</i>	107

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО

Слово при вручении литературной премии Александра Солженицына Борису Петровичу Екимову — <i>Никита Струве</i>	110
110 лет со дня рождения сестры Иоанны (Ю.Н. Рейтлингер)	114
Византия и XX век в «Тайной Вечере» сестры Иоанны Рейтлингер — <i>Н.П. Белевцева</i>	115
Сестра Иоанна и Братство св. Албания и преп. Сергея — <i>Т.К. Юдина</i>	121

ИЗ ИСТОРИИ ЭМИГРАЦИИ

Из книги «70 лет русской эмиграции» — <i>Никита Струве</i> . . .	127
Встречи с матерью Марией: неверующая о святой — <i>Доминик Десанти</i>	141

ПАМЯТИ УШЕДШИХ

Александр Николаевич Богословский — <i>Юрий Кублановский</i>	156
---	-----

ХРОНИКА

Осенний съезд РСХД (Париж)	158
----------------------------------	-----

SOMMAIRE

In memoriam A. Soljénitsyne

In memoriam Alexandre Soljénitsyne — <i>Nikita Struve</i>	3
Soljénitsyne dans l'avenir — <i>Olga Sédakova</i>	5
Souvenir du Vermont (poème) — <i>Iouri Koublanovski</i>	9
Ma première rencontre avec Soljénitsyne — <i>Nikita Struve</i>	10
Echanges de lettres entre le P. A. Schmemann et N. Struve	17

THEOLOGIE, PHILOSOPHIE

Psaumes en traduction russe (ps.128–141) — <i>Georges Fédotov</i>	22
---	----

La pratique liturgique — <i>P. Alexandre Schmemann</i> (pour le 25 ^e anniversaire de sa mort, 1921–1983)	33
N.N. Népliouev — un cœur plein d'amour — <i>Nathalie Ignatovitch</i> (pour le 100 ^e anniversaire de sa mort, 1851–1908)	49
«Notre Père» (trad. <i>N. Struve</i>) — <i>Simone Weil</i> (pour le 100 ^e anniversaire de sa naissance, 1909–1943)	67

De l'Eglise (inédit) — <i>N. Berdiaev</i>	76
Culture et apocalypse (inédit) — <i>N. Berdiaev</i> (pour le 60 ^e anniversaire de sa mort, 1874–1948)	78

LES DESTINEES DE L'EGLISE

La situation de l'Eglise orthodoxe russe dans les années 20 — <i>N. Gloubokovski</i>	82
Deux lettres de Crimée (1921–1922) — <i>P. Serge Boulgakov</i>	98

PROBLEMES DE SOCIETE

Pour le 40 ^e anniversaire de mai 1968 — <i>Nikita Struve</i>	101
Lettres de Léonide Zourov et de N. Struve sur mai 1968	107

LITTERATURE ET ART

Boris Ekimov, lauréat du prix Soljénitsyne 2008 – <i>Nikita Struve</i>	110
Pour le 110 ^e anniversaire de la naissance de sœur Jeanne Reitlinger	114
Byzance et le XX ^e siècle dans l'icône «La Sainte Cène» de sœur Jeanne – <i>N. Bélevtséva</i>	115
Sœur Jeanne et le Fellowship saint Alban et saint Serge – <i>Tatiana Ioudine</i>	121

HISTOIRE DE L'EMIGRATION RUSSE

Concessions et compromissions – <i>Nikita Struve</i>	127
La sainte et l'incroyante (<i>trad. Tatiana Victoroff</i>) – <i>Dominique Dessanti</i>	141

NECROLOGIE

Alexandre Bogoslovski – <i>Youri Koublanovski</i>	156
---	-----

CHRONIQUE

Le Congrès d'automne de l'A.C.E.R.	158
--	-----

Представители «Вестника»

в США

Alexander Lisenko
PO BOX 439 Manton,
CA, 96059, USA

в ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Olga Pattison,
5 Rectory Crescent, Middle Barton,
OXON, OX 77 9D, UK

в ЛАТВИИ

Василий Минченко
121, Kr. Valdemara str., apt. 6
LV, 1013, Riga, Latvia
phone/fax: (371) 7361769
e-mail: vasilij@mailbox.riga.lv

в ИТАЛИИ

Dott. Vladimir Keidan,
via Grimaldi Casta, 41, 00122 Roma, Italia
e-mail: v.keidan@mail.ru

в РОССИИ

в Санкт-Петербурге

Александр и Светлана Буровы
197110, СПб., Большая Разночинная, д. 9, кв. 19
Тел. (812) 230 77 12 8, 921-3477-66-88,
aburov05@rambler.ru

в Екатеринбурге
Иванова Оксана Витальевна
620034, г. Екатеринбург,
ул. Черепанова, д. 18, кв. 83
тел. (3432) 45-36-45

в Воронеже
Корденко Сергей Николаевич
394000, г. Воронеж,
ул. Среднемаковская, д. 1, кв. 60
тел. (4732) 52-22-55
e-mail: mail@skord.vrn.ru

в Чувашской Республике
Игумен Василий (Паскье)
83531, г. Алатырь, ул. Конгородок, д. 11
e-mail: ig-basile@cbx.ru

в БЕЛОРУССИИ
Дмитрий Строцев
220030, г. Минск, ул. Карла Маркса, 20-13

на УКРАИНЕ
в Киеве
Вадим Залевский, изд. «Дух и литера»
04070, г. Киев, ул. Волошская, д. 8/5, корп. 5, кв. 210
тел. (044) 416-60-20
e-mail: franc@ukma.kiev.ua

в Николаеве
Шполянский Илья Михайлович
54001, г. Николаев, ул. Набережная, д. 5, кв. 13
e-mail: laik@ukr.net

в УЗБЕКИСТАНЕ
Валерий Александрович Германов
700052, Ташкент-52, ул. Кору-Ниязова, д. 102-а
e-mail: valery-germanov@rambler.ru

В СТРАНАХ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Цена отдельного номера – 5 €

в ВЕНГРИИ

Valery Lepahin
6724 Szeged Vértói út., VI, 32
e-mail: lepahin@mail.ru

в ЧЕХИИ

Julia Jančárkova
Nad Šutkou 22
18000, Praha 8
e-mail: julia-prague@volny.cz

в ПОЛЬШЕ

Dmitry Lukashevich
ul. Wespazjana Kochowskiego 9
01-574 Warszawa
Polska/Poland

ВЕСТНИК
русского христианского
движения
№ 194

Подписано в печать 07.01.2009
Формат 60×90 1/16. Усл. печ. л. 10,5.
Тираж 2000 экз.